

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большія Садовыя, д. № 49—2).

1876.

186
1876

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра народнаго просвѣщенія за 1874 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Иванъ Мосошковъ. (Продолженіе). . . . . А. Г. Брикнера.

Матеріалы для исторіи стоглаваго собора. И. Жданова.

Причины и характеръ Чешскаго религіознаго движенія . . . . . Ш. Васильева.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. И. Пестровымъ. С.-Петербургъ. 1875. . . . . Л. Н. Майкова.

О предполагаемомъ изданіи арабскаго историка Табари . . . . . Барона В. Розена.

Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи . . . . . А. Г. Брикнера.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ, б) высшихъ училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕРЪ ЧЕШСКАГО РЕЛИГИОЗНАГО ДВИЖЕНІЯ.

(Историко-критическія этюды).

Приступая къ изслѣдованію Чешскаго религіознаго движенія, мы считасмъ нужнымъ сдѣлать оговорку относительно того, что побуждаетъ насъ къ этому труду и почему мы находимъ возможнымъ представить его читателямъ. На первый взглядъ можетъ казаться, что такой трудъ въ настоящее время не можетъ имѣть ни научнаго значенія, ни интереса для публики. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ касаться стараго, избитаго вопроса о гуситскомъ движеніи? Зачѣмъ предъ читателями вызывать образъ чешскаго реформатора, когда онъ такъ знакомъ имъ съ давнихъ поръ?

Личность и дѣятельность Яна Гуса давно уже занимаютъ важное мѣсто въ исторической наукѣ; во всякомъ курсѣ исторіи церковной и гражданской Гусъ упоминается между передовыми историческими дѣятелями, всѣ согласны, что нельзя пропустить это имя при изложеніи исторіи XV вѣка, точно также, какъ нѣтъ возможности не упомянуть объ Эразмѣ, Лютерѣ, Кальвинѣ, Лойолѣ при изложеніи исторіи XVI вѣка; наконецъ, личность и дѣятельность Гуса были предметомъ монографическихъ изслѣдованій многихъ ученыхъ авторовъ. Но заключать отсюда, что вопросъ о Гусѣ и чешскомъ религіозномъ движеніи въ настоящее время не можетъ имѣть научнаго интереса — будетъ весьма ошибочно. Правда, много сдѣлано для опредѣленія чешскаго религіознаго движенія, но, можетъ быть, еще болѣе остается сдѣлать; этотъ вопросъ далеко не рѣшенъ и потому новыя попытки къ его рѣшенію нельзя назвать безцѣльными. Посмотрите на различные изслѣдованія объ этомъ вопросѣ и вы убѣдитесь, что имѣете дѣло съ вопросомъ еще нерѣшеннымъ, что изслѣдователи приходятъ къ различнымъ — до противоположности результатамъ; что утверж-

даетъ одинъ, то отрицаетъ другой. Вотъ, напимѣръ, образчики такого рода противорѣчій. Одни говорятъ: стремленіе ограбить богатя имущества духовенства, оскорбить и выгнать изъ Праги Нѣмцевъ составляетъ истинный смыслъ Гуситскаго движенія; религиозныя стремленія Гуса, прикрашенныя раздражительнымъ мистицизмомъ Милича и антиерархическими идеями Виклефа, играли при этомъ не существенную роль и были лишь благовиднымъ покровомъ для неразумной національной вражды и насилія. Другіе говорятъ: Гусъ воспитывался въ православныхъ преданіяхъ, изъ вѣка въ вѣкъ сохранявшихся въ чешскомъ народѣ; главное стремленіе его было исправить религиозно-правственную жизнь, извращенную средневѣковымъ католицизмомъ, а необходимый конецъ его дѣятельности—возсоединеніе съ православною церковію. Третьи утверждаютъ, что Гусъ былъ такимъ же оппонентомъ католицизму, какъ Виклефъ, Вессель и др., что онъ отличается отъ нихъ не общимъ характеромъ стремленій и дѣятельности, а лишь нѣкоторыми національными и индивидуальными чертами: съ этой точки зрѣнія, Гусъ является предшественникомъ Лютера и недоразвитымъ протестантомъ. Система вѣроученія и правоученія Гуса одними признается католическою, другими протестантскою, а наши изслѣдователи находятъ возможнымъ признать ее совершенно православною. Такіе же противорѣчивые взгляды высказываются и о личномъ характерѣ Гуса и другихъ дѣятелей чешскаго движенія. Все это ясно показываетъ, что вопросъ о чешскомъ религиозномъ движеніи далеко еще не исчерпанъ и потому можетъ имѣть значительный научный интересъ.

Для нашей публики этотъ вопросъ долженъ имѣть особенный интересъ по многимъ частнымъ причинамъ, именно, вслѣдствіе тѣхъ взглядовъ, которые у насъ имѣютъ почти-что общепризнанное значеніе. Гусу у насъ посчастливилось болѣе, чѣмъ какому-нибудь другому реформатору и его дѣятельность нашла усердныхъ изслѣдователей. Благодаря трудамъ этихъ изслѣдователей, въ нашей публикѣ распространенъ одинъ опредѣленный взглядъ на чешское движеніе, а именно: Гусъ былъ православнымъ по умонастроенію, дѣятельности и стремленіямъ; народъ чешскій изъ вѣка въ вѣкъ хранилъ православныя преданія и эти-то преданія были главною причиною оппозиціи Чеховъ католицизму; чешская реформація стремилась ни къ чему другому, какъ къ возсоединенію съ восточною церковію. Национальныя симпатіи привлекли къ Гусу, какъ къ родному герою, нашихъ изслѣдователей и много вліяли на самый характеръ ихъ трудовъ.

Чѣмъ болѣе можно было возвеличить Гуса, если не признаемъ за нѣмъ православія? Чѣмъ лучше можно было доказать живучесть національной, чисто славянской идеи, какъ не исключительнымъ характеромъ такого движенія какъ гуситское? Славянофилы съ радостію ухватились за мысль, что Гусъ былъ православнымъ и что гуситское движеніе—по причинамъ и цѣлямъ—отличается отъ всѣхъ подобныхъ движеній германскихъ и романскихъ народовъ; они совершенно выдѣлили это движеніе изъ общей исторіи Западной Европы, создали для него спеціальныя причины и цѣли, и послѣ этого православіе Чеховъ и Гуса стало непререкаемымъ догматомъ славянофильской системы.

Въ виду разнообразныхъ взглядовъ, высказанныхъ о Гусѣ и гуситскомъ движеніи европейскими учеными, естественно должны возникнуть вопросы: не подкуплены ли мы въ пользу Гуса національными симпатіями? и вслѣдствіе этого не составили ли превратнаго понятія о религіозномъ движеніи родныхъ намъ Чеховъ? Такого рода вопросы и сомнѣнія для тѣхъ, кто не хочетъ *jurare in verba magistri*, могутъ служить достаточною причиною подвергнуть критическому разбору господствующій у насъ взглядъ и опредѣлить силу тѣхъ аргументовъ, которыми онъ укрѣпляется. Славянофильскій взглядъ до того укоренился у насъ, что впсепъ въ учебники какъ непререкаемая истина и проповѣдуется людьми различныхъ убѣжденій безъ всякой оговорки. Мы слышимъ его и отъ богослова и отъ публициста; при различныхъ обстоятельствахъ—по поводу юбилея Гуса и основанія православнаго храма въ Прагѣ, по поводу славянскаго съѣзда въ Москвѣ и старокатолическаго движенія въ Германіи—вездѣ, для краснаго слова, упоминаютъ о православныхъ стремленіяхъ Чеховъ. Никому, кажется, при этомъ не приходитъ въ голову, что тутъ высказывается сомнительное предположеніе за истину. Попробуйте чѣмъ-нибудь выразить свое сомнѣніе въ справедливости этого взгляда, и васъ обвинятъ въ чемъ угодно, а главное—въ полномъ невѣжествѣ. Вамъ укажутъ на труды гг. Новикова и Гильфердинга и спросятъ, кто разобралъ критически ихъ положенія? Васъ завалитъ многоразличными доказательствами, справедливости которыхъ еще никто не оцѣнилъ по достоинству. Вы будете внутренне сознать несостоятельность этихъ доказательствъ, но не докажете этого, пока не подвергли ихъ критикѣ въ системѣ и совокупности.

Какъ распространенность славянофильскаго взгляда, такъ и то, что онъ у насъ сложился въ опредѣленную систему, побуждаютъ насъ

противопоставить ему систематическую, подробіую критику. Мы будемъ шагъ за шагомъ слѣдить за этимъ взглядомъ, извѣсимъ силу доказательствъ и опредѣлимъ достовѣрность источниковъ, изъ которыхъ они заимствованы. Надѣемся, что внимательный читатель убѣдится, что эти доказательства несостоятельны и источники сомнительны; надѣемся указать, что наши почтенные изслѣдователи впали въ крупныя методическія и фактическія ошибки, благодаря которымъ и создали безъапелляціонно-проповѣдуемую у насъ теорію гуситскаго православія, этотъ призракъ, исчезающій при первомъ прикосновеніи исторической критики.

Разбираемая нами теорія преимущественно утверждаетъ на доказательствахъ, заимствованныхъ изъ исторіи Чехіи до Гуса; поэтому и мы начнемъ свое изслѣдованіе съ этого времени. Здѣсь мы рассмотримъ слѣдующіе вопросы: 1) вслѣдствіе чего Чехія, слышавшая проповѣдь восточныхъ миссіонеровъ, окатоличилась и насколько сильны были связи ея съ латинскимъ міромъ; остались-ли у Чеховъ какія-нибудь спеціально православныя преданія и могли ли эти преданія быть причиною движенія; 2) можно ли видѣть изъ чего-нибудь православный характеръ предшественниковъ Гуса и вообще каковъ характеръ ихъ дѣятельности; 3) можно ли, помимо „православныхъ преданій“ найти причины антиіерархическаго движенія Чеховъ въ XIV вѣкѣ¹⁾.

¹⁾ Считаемо нужнымъ упомянуть здѣсь объ источникахъ и пособіяхъ, которые намъ придется цитовать въ нашемъ изслѣдованіи.

1. *Historia persecutionum ecclesiae bohemicae...* etc. 1648 г.
2. *J. Amos Comenius. Historia fratrum bohemorum* etc. Halle, 1702 г.
3. *Consilia pragensia 1353—1413*, edidit *C. Höfler*. Prag, 1862 г.
4. *Historia et monumenta J. Hus atque Hieronimi Pragensis, confessorum Christi* etc. Norimb., 1715 г.
5. *Documenta Mag. J. Hus, vitam, doctrinam, causam in Constansiensis consilio actam et contraversias de religione in Bohemia annis 1403—1418 illustrantia* etc, edidit *Franciscus Palacky*. Pragae, 1869 г.
6. *Geschichtschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen*. Herausgegeben von *Dr. C. Höfler*. I Th. 1856 г., 3 Th. 1865 г., 3 Th. 1866 г. Wien.
7. *Johanne Huss. Predigten, über die Sonn- und Festtags-Ewangelien des Kirchenjahrs*. Übersetzt von *Dr. Joh. Nawotny*. Görlitz, 1855 г.
8. *Johannes Wicleji Dialogorum libris quatuor* etc. Francofurti et Lipsiae, 1753 г.
9. *Franz Palacky. Die Vorläufer des Husitenthums*. Prag, 1869 г.
10. *Ево же*—Über die Beziehungen und das Verhältniss der Waldenser zu den ehemaligen Secten in Böhmen. Prag, 1869 г.

I.

Когда и вслѣдствіе какихъ причинъ Чехи окатоличились; такъ называемые остатки православія и ихъ значеніе.

Христіанство проникло въ Чехію почти одновременно съ двухъ сторонъ: отъ церкви римской и отъ церкви греческой. Четырнадцать чешскихъ князей крестились въ 845 или 846 г. съ своею свитою отъ латинскихъ священниковъ¹⁾. Спустя немного лѣтъ—въ 871 или 895 г.

11. *Ею же* — Geschichte von Böhmen, III Band, I Abtheilung, Prag, 1845 г., а также и нѣкоторые другіе томы того же труда.

12. *Ею же*—Die Geschichte des Husitenthums und Profes. C. Höfler. Zweite Auflage, Prag, 1868 г.

13. *Anton Frind*. Die Kirchengeschichte in Böhmen. Prag, 1866 г.

14. *W. Krasinsky*. Essai sur l'histoire religieuse des nations Slaves. Paris, 1858 г.

15. *Bernhard Cserwenka*. Geschichte der ewangelischen Kirche in Böhmen. I Band. Leipzig, 1869 г.

16. *Joseph-Alexander Helfert*. Hus und Hieronimus. Prag, 1863 г.

17. *Emile de Bonnechose*. Reformateurs avant la reforme: Jean Hus, Gerson et le consile de Constance. 1, 2, Paris, 1860 г.

18. *Friedrich Bohringer*. Die Kirche Christi und ihre Zeugen. 1 и 2 отдѣленія II тома. Zürich, 1856 и 1858 гг.

19. *J. Krummel*. Johannes Hus. Darmstadt, 1864 г.

20. *Joh. Friedrich*. Die Lehre des Johannes Hus und ihre Bedeutung für die Entwicklung d. neueren Zeit. Regensburg, 1862 г.

21. *Oskar Jäger*. John Wicliff und seine Bedeutung für die Reformation. Halle, 1854 г.

22. *J. H. von Wessenberg*. Die grossen Kirchenversammlungen d. 15-ten und 16-ten Jahrhunderts. Constanz, 1846 г.

23. *Dr. Carl Joseph Hefele*. Conciliengeschichte. VII Band, 1-te Abtheilung, 1869 г.

24. *August Neander*. Werke. Elfter Band. Allgemeine Geschichte d. christlichen Religion und Kirche. IX Th., Gotha, 1865 г.

25. *J. K. Ludwig Gieseler*. Lehrbuch d. Kirchengeschichte, 2 и 3 отд. II тома. Bonn, 1848 и 1849 г.

26. *Новиковъ*. Гусъ и Лютеръ. 1-й и 2-й томы. Москва, 1859 г.

27. *Ею же* — Православіе у Чеховъ. Москва, 1848 г.

28. *Вилбасовъ*. Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца. Спб. 1869 г.

29. *Гильбердинъ*. Гусъ. Его отношеніе къ православной церкви. Спб. 1871 г. Кроме того, мы нашли въ виду и нѣкоторыя другія статьи, помѣщенные въ журналахъ и энциклопедіяхъ.

¹⁾ См. собраніе свидѣтельствъ объ этомъ въ *Zeitschrift für die historische Theologie* 1867, статья д-ра *Георга Кампи*: Die Christianisirung Böhmens, 159—160 pp. ср. *Palacky*. Geschichte 1. 110 p. 68 примѣч.

князь чешскій Боривой принялъ христіанство изъ Моравіи отъ греческихъ миссіонеровъ. Одновременное почти крещеніе Чеховъ различными миссіонерами, принятіе двухъ обрядовъ; латинскаго и византійскаго, могло имѣть на исторію чешскаго народа значительное вліяніе. Но мы на этомъ фактѣ теперь не будемъ останавливаться. Правда, христіанство какъ изъ Рима, такъ и отъ церкви греческой, было принято Чехами равно недружелюбно: какъ противъ Боривоя, такъ и противъ вышеупомянутыхъ четырнадцати князей сильно бунтовали Чехи-язычники; но, должно признать, что крещеніе Боривоя имѣло для Чехіи болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ крещеніе вышеупомянутыхъ четырнадцати князей ¹⁾.

Со времени крещенія Боривоя приходятъ въ Чехію славянскіе проповѣдники, изъ которыхъ преданіе упоминаетъ одного, именно Кайха, и завязываются іерархическія сношенія съ Моравіею. Можно сказать, съ нѣкоторыми оговорками, что Чехія впервые услышала проповѣдь о Христѣ отъ восточныхъ миссіонеровъ и чешская церковь была устроена по обряду византійскому—съ богослуженіемъ на національномъ языкѣ. Мы признаемъ фактъ, но далеко не раздѣляемъ тѣхъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ него наши славянофилы и гуситскіе писатели XVII вѣка. По самому положенію Чехіи и по тѣмъ церковнымъ отношеніямъ, въ которыя она была поставлена, этотъ фактъ не могъ имѣть значительныхъ послѣдствій, и можно сказать, представляется случайностію, дѣйствіе которой не могло быть продолжительнымъ. Чехи, принявшіе христіанство изъ Моравіи, въ XI вѣкѣ, совершенно окатоличились; и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: это естественный результатъ сильныхъ и постоянно дѣйствовавшихъ причинъ.

Сейчасъ же мы и укажемъ вкратцѣ на эти причины. Но прежде сдѣлаемъ оговорку, что съ словами: *обращеніе Чеховъ отъ православія къ католицизму* не надо соединять того представленія, которое отвлекается отъ настоящаго положенія дѣлъ. Теперь переходъ отъ православія къ латинству какойнибудь народности, конечно, не могъ бы совершиться скоро и притомъ безъ тяжелой внутренней борьбы. Тогда въ Чехіи обстоятельства были гораздо проще и пере-

¹⁾ Мы не знаемъ, были ли эти князья, послѣ своего изгнанія, возстановлены въ своей власти Лудовикомъ имѣющимъ, не знаемъ, взяли ли они съ собою латинскихъ проповѣдниковъ, и поэтому не рѣшимся говорить о значеніи для Чеховъ латинской пропаганды и объ іерархической связи Чехіи съ архіепископствомъ Регенбургскимъ.

ходъ могъ совершиться скоро и незамѣтно. Во время обращенія Чеховъ въ христіанство только что начиналось раздѣленіе церквей и неприязнь между Греками и Латинами не высказалась еще ясно и опредѣленно, но когда эта неприязнь проникла въ народные массы, конечно, съ большимъ трудомъ могъ совершиться переходъ отъ одной церкви къ другой. Народъ въ такихъ случаяхъ ревниво оберегаетъ всѣ особенности и обряды своей церкви, съ этими особенностями и обрядами соединяетъ самое понятіе о спасеніи и упорно противится проповѣдникамъ другой церкви: онъ смотритъ на нихъ съ предубѣжденіемъ, какъ на людей неблагонамѣренныхъ и недостойныхъ довѣрія и въ каждомъ словѣ ихъ видитъ соблазнъ и желаніе отвлечь отъ истины. Чтобы оцѣнить справедливость этихъ словъ, нужно припомнить понятіе Русскаго или Грека о католикѣ и обратить вниманіе на то, какъ православный народъ въ Греціи и Россіи относился къ католической пропагандѣ. У Чеховъ, обращенныхъ въ христіанство проповѣдниками церкви восточной, не было и не могло быть такого антагонизма къ латинскимъ проповѣдникамъ и вообще къ католицизму. Можно думать, что родной языкъ при богослуженіи былъ привлекателенъ для Чеховъ и поэтому они могли предпочитать латинскимъ проповѣдникамъ проповѣдниковъ греческихъ. Вотъ единственно возможная причина расположенія Чеховъ къ церкви восточной. Были разности между восточною и западною церковію и въ вѣроученіи и въ церковной практикѣ. Эти разности были причиною раздѣленія церквей и много препятствовали воссоединенію ихъ, но нужно замѣтить, что онѣ опредѣлились и выяснились только впоследствии. Въ то же время для народа онѣ не существовали; народъ не былъ тонкимъ богословомъ и могъ, или не замѣчать ихъ, или относиться къ нимъ индифферентно. Власть римскаго первосвященника для Моравовъ и Чеховъ была выше всякаго сомнѣнія; его булламъ и декретамъ они научились очень рано повиноваться; сами славянскіе апостолы, Меѳодій и Кириллъ признавали эту власть надъ Моравією и подчинялись ей и ихъ примѣръ могъ утвердить законность всѣхъ дальнѣйшихъ притязаній папъ надъ Моравією и Чехією ¹⁾. Такимъ образомъ даже у Чеховъ, принявшихъ

¹⁾ Чтобы выразительнѣе поставить этотъ важный фактъ, Красинскій прямо замѣчаетъ: *повиновались папѣ, а не Константинопольскому патриарху*, и для большей значительности прибавляетъ, что *въ это самое время начиналось раздѣленіе церквей*: *Toutefois, il faut remarquer cette circonstance-ci. Quoique Cyrille et Methodius*

христіанство изъ Моравіи, не было особенныхъ причинъ уклоняться отъ римской церкви и они могли незамѣтно перейти къ обряду латинскому.

Кромѣ этого важнаго условія, были и другія, которыя переходъ Чеховъ отъ обряда византійскаго къ обряду латинскому сдѣлали необходимымъ и незамѣтнымъ. Пусть дѣятельность славянскихъ проповѣдниковъ при Боривоѣ была значительна, она ни въ какомъ случаѣ не могла охватить всю чешскую страну и утвердить вездѣ обрядъ византійскій. Далеко не всѣ были обращены въ христіанство при Боривоѣ славянскими проповѣдниками. Язычество было сильно въ X и даже въ XI вѣкахъ. Чехія была окончательно покорена христіанству только въ 1092, замѣчаетъ одинъ изъ новыхъ изслѣдователей ¹⁾, въ этотъ годъ были порублены послѣднія священныя рощи и изгнаны послѣдніе языческіе жрецы. Эту-то очень значительную часть народа Чешскаго обращали уже не славянскіе священники, по обряду византійскому, а нѣмцы изъ Швабіи, Баваріи и другихъ странъ, — отъ архіепископовъ Рѣзенскаго и Майнцскаго, — по обряду латинскому. Для многихъ Чеховъ, такимъ образомъ, христіанское богослуженіе по обряду римскому было первоначальною и коренною формою. Должно всегда имѣть это въ виду, чтобы не впасть въ нѣкоторыя заблужденія. Должно помнить, что обрядъ церкви восточной въ Чехіи не былъ единственнымъ, и даже не долго былъ господствующимъ. Мы знаемъ, что христіанство проникло въ Чехію изъ различныхъ сторонъ въ одно время: священники изъ Моравіи принесли обрядъ греческій, проповѣдники-нѣмцы — обрядъ латинскій. Если принять во вниманіе, что земля была велика и нисколько не централизованна, не было одной управляющей воли и разныя области были совершенно самостоятельны, то намъ будетъ понятно, что въ одной области былъ одинъ обрядъ, въ другой — другой, одинъ земскій владѣтель, услышавшій впервые проповѣдь латинскаго миссіонера, могъ держаться обряда латинскаго, нисколько не обра-

---

aient établi le service divin en slavon, selon les rites de l'église grecque, ils restent toujours sous l'obéissance du pape romain, et ne passeront pas sous celle des patriarches de Constantinople. C'était précisément alors le commencement de ce grand débat qui se termina par la séparation complète des deux Eglises. *Essai sur l'histoire*, 31 p.

¹⁾ См. *Sverwenka*, 9. Съ этимъ мнѣніемъ совершенно согласны и другіе. Ср. *Palacky Gesch.* 1. 336, *Höfler*, *Cons.* Prag. VII, *Kapp*, 192. Относительно языческой реакціи послѣ Боривоа см. *Hist. Pers.* 2—8 всѣ первыя три главы.

шая вниманія на то, что сосѣдь его защищаетъ обрядъ греческій. Даже въ самой Прагѣ и притомъ очень рано, — можно предположить, что еще при Боривоѣ, — рядомъ находились два богослужебныхъ обряда. Это утверждаетъ Палацкій въ такихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, какъ будто этотъ фактъ для него не подлежитъ никакому сомнѣнію. Св. Меодій, по словамъ Палацкаго, отнюдь не былъ враждебенъ обряду латинскому, который существовалъ при немъ въ Моравіи и даже при дворѣ Святополка ¹⁾. Странскій даже раздѣляетъ прямо всю іерархію чешской церкви на два отдѣла—латинскую и греко-славянскую ²⁾. Шафарикъ точно также какъ Палацкій признаетъ совмѣстное существованіе у Чеховъ въ первое время латинской и славянской литургіи; этому не противорѣчатъ и другія свидѣтельства ³⁾.

Можно думать, что эта двойственность обряда скоро прекратилась бы и восторжествовалъ бы обрядъ греко-славянской, еслибы Чехія была поставлена въ болѣе счастливыя обстоятельства, еслибы ей пришлось тѣснѣе примкнуть къ такой странѣ, гдѣ сильно было бы развито не латинское, а славянское богослуженіе. Но, къ несчастію, всѣ историческія обстоятельства сложились такъ, что Чехія съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе удалялась отъ вліянія православнаго начала и тѣснѣе съ каждымъ годомъ, различными политическими и церковными обстоятельствами, связывалась съ странами нѣмецкими,

¹⁾ *Palacky, Geschichte I. 139.* Красинскій по этому поводу говоритъ: *Ji (Меодій) obtint du pape Jean VIII (879 r.) la confirmation de la liturgie slave, mais à la condition qu'on emploierait en même temps le latin, et que celui-ci aurait la préseance sur la langue slave etc.*

²⁾ *Latinae observantiae sacerdotes alii; tametsi potentia opibusque antecellebant, amicitiam tamen cum Gracce, seu quod idem erat, burgaricae disciplinae hominibus, non tantum colebant, verum etiam ex eorum prisbyterio unum inter canonicos templi d. Vito consecrati, semper ablegabant, qui sacris more suo seorsim in peculiari aedacula, sub majore, ut diximus, turri operarentur domicilium quo apud eam suum haberent.* (Reipub. Bojem cap. VI, XVII; у Гильбердинга 74, у Каппа — 108). Здѣсь считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку. Мы считаемъ свидѣтельство Странскаго справедливымъ только относительно самаго перваго времени христіанства въ Чехіи. Но чтобы такое дѣленіе іерархіи продолжилось вплоть до XIV в., какъ думаетъ доказывать Странскій, съ цѣлю выставить на видъ постоянное православіе чешскаго народа, чтобы греческій обрядъ оенціально и закононо существовалъ на ряду съ латинскимъ до Вячеслава, не имѣемъ никакихъ доказательствъ и даже вся исторія представляетъ намъ доказательства противныя этому.

³⁾ *Karr. 204—207.*

гдѣ единственною формою христіанства былъ римскій католицизмъ. Рядомъ съ Чехіей была Моравія; и еслибы Моравія могла имѣть постоянное вліяніе на Чехію, еслибы постоянно высылала новыхъ проповѣдниковъ-славянъ для укрѣпленія въ вѣрѣ обращенныхъ и для обращенія еще находящихся въ азычествѣ, не было бы нужды обращаться постоянно къ католикамъ и отъ нихъ получать латинскихъ священниковъ. Но Моравія не выполняла относительно Чехіи этой святой миссіи и не могла ее выполнить, потому что въ самой Моравіи, уже во время обращенія Боривоя, сильно начала заявлять себя нѣмецко-латинская пропаганда въ ущербъ православію. Въ Моравіи при Меоодіѣ существовалъ, при дворѣ даже Святополка, обрядъ латинскій и нѣмецкіе католики уже начали тѣснить православныхъ. А послѣ смерти св. Меоодія православіе было даже, какъ можно думать, сильно поражено и мѣсто его заступилъ обрядъ латинскій. Святополкъ не понималъ всей важности православія, не видѣлъ въ немъ лучшаго средства для укрѣпленія самостоятельности своего государства, но думалъ, что оно (православіе) можетъ послужить прекраснымъ средствомъ для объединенія около Моравіи другихъ сосѣднихъ славянскихъ странъ. Такъ какъ въ это время Моравія вступила уже въ различныя столкновенія съ сосѣдними нѣмецкими государствами, вошла уже въ кругъ жизни западныхъ нѣмецкихъ странъ, то Святополкъ держалъ при дворѣ своемъ очень много Нѣмцевъ, преимущественно духовныхъ. Они-то и были проводниками въ Моравію католицизма. Они притѣсняли славянское духовенство и клеветали передъ папою на Меоодія. Въ этой распрѣ Святополкъ не всегда стоялъ на сторонѣ славянъ, онъ болѣе чѣмъ славянскихъ духовныхъ уважалъ нѣмца Викинга, который даже приобрѣлъ себѣ у папы, вѣроятно при посредствѣ самого Святополка, Нитрское епископство. Въ это же время въ Моравіи, съ согласія самого Святополка и съ разрѣшенія папы Іоанна VIII, былъ принятъ наравнѣ съ кореннымъ славянскимъ обрядомъ латинскій.

При жизни св. Меоодія еще нѣсколько удерживалось равновѣсіе между славянскимъ и латинскимъ богослуженіемъ. По смерти же его вліяніе нѣмцевъ-латинцевъ было такъ сильно, что ученики его—славянскіе священники принуждены были оставить Моравію и удалились въ Болгарію¹⁾. Само собою понятно, что, вслѣдствіе всего этого, Моравія не могла давать Чехамъ священниковъ славянскаго про-

¹⁾ Palacky, Gesch. Böhm. 1. 140. Томекъ, 43.

исхожденія, которые держались бы богослуженія на славянскомъ языкѣ и обряда греческаго. Такимъ образомъ связь народа чешскаго съ восточнымъ православіемъ была прервана въ самое первое время послѣ крещенія Боривоя ¹⁾.

Необходимость заставила чешскихъ королей, для утвержденія христіанской вѣры и для успѣшной проповѣди между язычниками, обратиться къ западной церкви и тамъ искать религіозной помощи. Такъ и случилось уже при первомъ преемникѣ Боривоя — Спитигивѣ. Онъ обратился въ 895 г. къ пѣмецкому государю въ Рѣзенѣ (Регенсбургѣ) съ просьбою о помощи. Думаютъ, что онъ вмѣстѣ съ этимъ обѣщаль подчиненіе и въ дѣлахъ церковныхъ. Съ этого-то времени Чехія подчиняется въ дѣлахъ церковныхъ архіепископу Рѣзенскому и причислена къ его діоцезіи, какъ область; съ этого времени приходятъ въ Чехію священники гѣмцы-католики и завязывается тѣсно узелъ между Чехіею и латинскимъ міромъ ²⁾. Пусть это подчиненіе произошло изъ расчетовъ политическихъ, или же изъ духовной потребности приобрѣсти религіозную помощь, — самый фактъ отъ этого нисколько не измѣнится. Въ послѣдующее время эта связь укрѣпляется болѣе и болѣе. Правда, при нѣкоторыхъ князьяхъ является стремленіе стать самостоятельными въ церковномъ отношеніи, но слишкомъ было бы ошибочно выводить изъ этого заключеніе, что князья и народъ хотѣли отдѣлаться отъ римской церкви и тѣснѣе примкнуть къ греческой. Если нѣкоторые князья и желаютъ основать особенное епископство въ Прагѣ, то только для того, чтобы избавиться опеки нѣмецкаго императора. Доводительствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что князья остаются усердными католиками. Послѣ побѣды Арнульфа Баварскаго (въ вѣдѣніи Арнульфа Баварскаго находилось архіепископство Рѣзенское) надъ Вячеславомъ, въ 928 г., связь Чехіи съ Германіею и латинскимъ міромъ завязывается крѣпче прежняго. Св. Вячеславъ, народный герой и мученикъ, былъ однимъ изъ усердныхъ сыновъ католицизма и сдѣлалъ очень много для утвержденія обряда римскаго въ Чехіи.

¹⁾ Нужно при этомъ замѣтить, что Моравія была покорена въ 907 году Мадырами-язычниками. Это, конечно, не могло имѣть благоприятнаго вліянія. Черезъ семьдесятъ лѣтъ Мадыры были обращены въ христіанство римскою церковію. Такимъ образомъ вмѣсто православной Моравіи въ сосѣдствѣ Чехіи очутилась католическая страна.

²⁾ Palacky, Gesch. 1. 199 и сл. *Новиковъ*, Православ. у Чеховъ, 17. *Томаксъ*, 45.

Онѣ имѣли стремленіе просвѣтить народъ ученіемъ слова Божія и распространеніемъ христіанства по всей Чехіи, а для этого обратился за помощію къ Нѣмцамъ, такъ какъ больше и обратиться было некуда. „Какъ пчелы въ ульѣ, говоритъ древній біографъ, устремились къ христіанскому князю священники изъ Баваріи, Швабіи и другихъ областей, принося съ собою множество мощей святыхъ, съ обширными книгохранилищами, и получили благосклонный пріемъ, осыпавые благодѣяніями“ ¹⁾. Уже изъ многочисленности Нѣмцевъ духовныхъ и свѣтскихъ можно заключить, что въ это время долженъ былъ сильно пострадать славянской обрядъ и укорениться латинскій. Непосредственно за Св. Вячеславомъ идетъ цѣлый рядъ усердныхъ сыновъ католицизма: Болеславъ II (967 — 999), сестра его Млада и епископъ Войтехъ. Болеславу удалось за свои услуги, наконецъ, выхлопотать себѣ у папы Іоанна XII учрежденіе въ Прагѣ епископства. Но эта видимая самостоятельность очень дорого обошлась національному богослуженію. Папа запретилъ славянское богослуженіе въ Чехіи тою же самою буллою, которою утверждалась епископія ²⁾.

Въ этотъ періодъ времени мы можемъ указать на одного или на двухъ князей, любившихъ славянское богослуженіе и желавшихъ его возстановить. Но предъ папскою силою должны были смолкнуть всѣ такого рода желанія. Такъ, на просьбу Бречислава дозволить отправленіе славянскаго богослуженія, Григорій VII отвѣтилъ въ 1080 г. рѣшительнымъ отказомъ, осудивъ тѣхъ, которые потворствовали требованіямъ народа, и повелѣвалъ князю всѣми силами, во имя Бога Всемогущаго, противиться этому, какъ онъ выражался, безразсудству ³⁾.

¹⁾ Правосл. у Чеховъ 18. *Kapp.* 170.

²⁾ Въ бумагѣ, вслѣдъ за дозволеніемъ основать епископство, сказано: *verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgaricae gentis vel Russiae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta Apostolica.* *cp. Histor. Pers.* 15. *Resp. Bojem.* у Гильердинга 66—67. Правосл. у Чеховъ 20.

³⁾ *Quia vero Nobilitas tua postulavit, quo secundum Slavonicam linguam apud vos divinum celebrari annueramus officium, scias non huic petitioni tuae nequaquam posse favere. Ex hoc nempe sacre volentibus liquet non immerito sacram scripturam omnipotenti Deo placuisse quibusdam locis esse occultam, ne si ad liquidum cunctis pateret, forte vilesceret et subjaceret despectui, aut prave intellecta a mediocribus in errorem induceret. Neque enim ad excusationem juvat, quod quidam rilegiosi viri hoc, quod simpliciter populus quaerit, patienter tulerant seu incorrectum dimiserunt: cum primitiva ecclesiae multa dissimulaverit, quae a sanctis pa-*

Но этотъ былъ рѣдкій князь, заботившійся о національномъ богослуженіи, — послѣ него встрѣчаемъ мы князей усердныхъ католиковъ, все большее и большее окатоличиваніе и овѣмечиваніе народа. Премникъ Вратислава, Брячеславъ II, былъ усерднымъ католикомъ и даже изгналъ изъ страны славянскихъ монаховъ, совершавшихъ богослуженіе на народномъ языкѣ. Въ 1096 г. было снова подтверждено папскою буллою запрещеніе совершать богослуженіе на народномъ языкѣ, и это уже, кажется, послѣднее запрещеніе потому, вѣроятно, что больше нечего было и запрещать ¹⁾.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ окончательно почти замолкли въ чешскихъ церквахъ звуки славянскихъ пѣснопѣній и молитвъ; къ концу этого вѣка Чехія окончательно во всемъ подчинилась папѣ, усердно принимала его буллы и легатовъ, выплачивала ему многоразличныя подати и князья чешскіе ходили въ походы, по слову его, усерднѣе германскихъ королей. Такимъ образомъ цѣлый рядъ причинъ препятствовалъ Чехамъ тѣснѣе примкнуть къ греческой церкви и сознательно усвоить себѣ православіе. Въ этомъ краткомъ обзорѣ мы не касались обстоятельствъ политическихъ, служившихъ той же цѣли, а они были очень значительны. Постоянныя связи съ нѣмецкими королями, то подчиненіе имъ, то дружба съ ними, браки между князьями чешскими и принцессами нѣмецкими - католичками, желаніе изъ разчетовъ чисто политическихъ угодить папамъ, необходимость получить образованіе у Нѣмцевъ-католиковъ, сильная колонизація Нѣмцевъ въ XII в. въ Чехію—все это такія причины, которыя не могли не произвести значительныхъ результатовъ.

Мы обратили вниманіе только на одну сторону дѣла, именно на то, вслѣдствіе какихъ причинъ православный греко-славянскій обрядъ въ Чехіи окончательно уступилъ въ концѣ одиннадцатаго вѣка об-

---

tribus postmodum, firmata Christianitate et religione crescente, subtili examinatione correcta sunt. Unde ne id fiat, quod a vestris imprudenter exposcitur, auctoritate beati Petri inhibemus, teque ad honorem omnipotentis Dei huic vanae temeritati viribus totis resistere praecipimus. *Palacky, Gesch.* 1. 13. 338—339. Еще нѣсколько раньше католики уже формально осудили славянскую азбуку и порицали за это Месодія. Провинціальный соборъ въ Солонѣ (въ Далматіи) 1060 г. объявилъ славянскую азбуку изобрѣтеніемъ дьявольскимъ, и Месодія сретикомъ. *Krasinski, 32, Gieseler II—I 260 p.*

¹⁾ Встрѣчается запрещеніе соборное при арх. Сблнкѣ нѣкоторыхъ пѣсень, но это запрещеніе частное и направлено противъ вновь выдуманныхъ пѣсень и молитвъ,—и при томъ, вѣроятно, обусловленное уже начавшимся въ это время народнымъ движеніемъ. *Documenta 333, Consilia Prag. 52.*

ряду латинскому. Но есть еще другая, не менѣ важная для уясненія послѣдующаго религіознаго движенія, сторона дѣла, а именно: сильна ли была въ народѣ чешскомъ оппозиція обряду латинскому и какъ далеко идетъ эта оппозиція? Все это намъ нужно знать для того, чтобы уяснить себѣ характеръ послѣдующаго религіознаго движенія народа Чешскаго во время Гуса. Если мы найдемъ что, не смотря на видимое, совершенное торжество латинства въ Чехіи; „засвидѣтельствованное лѣтописными источниками“, шла отъ народа постоянно глухая оппозиція католицизму, что народъ свято хранилъ до XIV в. православныя преданія и ждалъ только удобнаго времени, чтобы проявить свою любовь къ православію и ненависть къ католицизму, то мы можемъ видѣть связь между гуситскимъ движеніемъ и православіемъ, насажденнымъ въ Чехіи св. апостоломъ славянъ. Если же не найдемъ постояннаго преемства въ народѣ — черезъ всѣ вѣка — православныхъ преданій, не подмѣтимъ постоянной ненависти къ католицизму, то, само собою понятно, мы не можемъ считать православныя преданія главною причиною послѣдующей религіозной оппозиціи народа чешскаго католицизму, и должны будемъ искать другихъ причинъ, обусловившихъ эту оппозицію. Гдѣ же примѣръ въ древней исторіи народа чешскаго особенной ненависти къ католицизму и любви къ православію и охраненію народности отъ окатоличиванія и онѣмечиванія? Мы уже сказали, что лучшіе князья, оставившіе по себѣ лестную память въ народѣ, были усердными католиками и, не смотря на свою любовь къ католицизму, все-таки не теряли любви и уваженія своего народа. Вячеславъ святой, мученикъ, патронъ народа чешскаго, не только не заявилъ противодѣйствія католицизму, но даже самъ способствовалъ въ нѣкоторомъ родѣ католической пропагандѣ въ Чехіи. Этотъ фактъ очень многозначителенъ и не показываетъ, чтобы въ народѣ чешскомъ была какая-нибудь ненависть къ латинскому обряду, къ католичеству. Вообще въ политикѣ первыхъ князей чешскихъ-премыслидовъ, правда, сильно онѣмеченныхъ, но все-таки болѣе чѣмъ послѣдующіе правители дорожившихъ народнымъ началомъ, мы не встрѣчаемъ никакого противодѣйствія латинству. Даже болѣе, мы замѣчаемъ у нихъ постоянное стремленіе тѣснѣе примкнуть къ сосѣдней Нѣмецкой имперіи и усерднѣе исполнять приказанія первосвященника римскаго. Указываютъ только на одинъ-два примѣра князей премыслидовъ, сильно дорожившихъ народностію и православіемъ. Но эти примѣры, при надлежащемъ толкованіи ихъ, оказываются очень неубѣдитель-

нымъ догазательствомъ силы православныхъ преданій въ Чехіи. Указываютъ именно на Ольдриха (Ульриха), 1013 — 1037. Онъ, повидимому, сознавалъ вредъ онѣмечиванія страны; говорятъ, что онъ, по поводу своего брака съ природною Чехиней - Боженою и развода съ женою своею Нѣмкою сказалъ: „я хочу имѣть женою лучше дочь крестьянина чешскаго, чѣмъ дочь кесаря Нѣмку“ ¹⁾. Отвѣтъ, правда, рѣшительный, но еще не совсѣмъ извѣстно, съ одной стороны, насколько онъ достовѣренъ, а съ другой, былъ ли онъ искрененъ. Въмѣстѣ съ такимъ пренебреженіемъ къ Нѣмцамъ, этотъ князь показывалъ любовь къ національному богослуженію и помогъ св. Прокопію основать монастырь съ славянскимъ обрядомъ по рѣкѣ Сазавѣ (1032 г.). Основаніе славянскаго монастыря — фактъ дѣйствительно многозначительный, способный свидѣтельствовать, что въ народѣ была сильна любовь къ обряду славянскому и была потребность удержать этотъ, уже уступавшій латинству, обрядъ. Но если мы припомнимъ, что монастырь славянскаго обряда — Сазавскій былъ основанъ въ то время, когда уже въ Чехіи были монастыри латинскихъ обрядовъ, съ латинскимъ богослуженіемъ, то выведемъ отсюда заключеніе, что католицизмъ ранѣе завладѣлъ народомъ, чѣмъ въ немъ пробудились національныя стремленія. Кратковременная исторія этого монастыря и, наконецъ, невозможность существованія его въ латинизированной Чехіи, показываетъ, что реакція въ пользу начала народнаго, православнаго (если только считать основаніе Сазавскаго монастыря реакціею противъ католицизма) была слишкомъ слаба и свидѣтельствуетъ, что въ Чехіи въ это время католицизмъ былъ сильнѣе православія. Вслѣдъ за Ульрихомъ идетъ другой чешскій князь-премыслиль, какъ будто державшійся родной политики, — Спитигнѣвъ II (1055—1061). Онъ, по вступленіи на престолъ, издалъ повелѣніе, чтобы всѣ Нѣмцы, проживающіе въ Чехіи, въ продолженіе трехъ дней оставили страну. Повидимому, представленный нами фактъ выразительно показываетъ, что у Чеховъ уже соврѣли національныя стремленія, что уже пробудилась сильная оппозиція противъ Нѣмцевъ. Но если пристальнѣе всмотрѣться въ дѣятельность Спитигнѣва, то эти заключенія окажутся невѣрными. Палацкій объясняетъ не любовь князя къ Нѣмцамъ не какими-нибудь патріотическими стремленіями къ цѣлостному сохраненію народнаго начала, а только личною раздражительностію его. Спитигнѣвъ выгналъ изъ Чехіи Нѣм-

¹⁾ См. Карр. 182.

цевъ потому, что вынесъ отъ нихъ много оскорбленій, когда находился при дворѣ нѣмецкаго императора Генриха III ¹⁾). Спитигнѣвъ II притѣснялъ нѣмецкихъ-католическихъ монаховъ аббатства св. Григорія, но напрасно мы стали бы для этого приискивать какія-нибудь возвышенныя причины, несправедливо было бы видѣть въ этомъ желаніе уничтожить обрядъ латинскій и дать торжество обряду, славянскому. Спитигнѣвъ выгналъ монаховъ изъ монастыря по той причинѣ, что они нѣсколько повредили ему при вступленіи его на престолъ ²⁾). При всемъ этомъ Спитигнѣвъ былъ усердный католикъ онъ „пресмыкался предъ папою“ и всячески заискивалъ у него милости. Выгнавъ нѣмецкихъ монаховъ аббатства св. Григорія, онъ точно такъ же поступилъ и съ монахами славянскими въ Созавскомъ монастырѣ. Не смотря на свою нелюбовь къ Нѣмцамъ, онъ, на мѣсто изгнанныхъ изъ Созавскаго монастыря славянскихъ монаховъ, призвалъ Нѣмцевъ — *Бенедиктинскаго ордена*, обряда латинскаго ³⁾). Мы напрасно стали бы искать въ исторіи Чехіи еще какихъ-нибудь князей ⁴⁾, политика которыхъ клонилась бы къ возстановленію и поддержанію православія — обряда славянскаго. Наше мнѣніе подтверждаютъ и тѣ писатели, которымъ очень хотѣлось бы видѣть въ исторіи Чехіи какъ можно болѣе представителей начала православнаго; даже и они признаютъ, что князья, дворяне и высшее духовенство, со временъ Вячеслава, клонились къ латинству, а православіе сохранялось только въ простомъ народѣ. „Отсель (отъ Вячеслава) вся исторія чешская раздвояется. Государи, дворянство и высшее духовенство идутъ, за весьма немногими исключеніями, широкимъ путемъ латинскаго развитія. Народъ и низшее духовенство, разумно сознавши вѣру свою, привязываются къ ней душою, отстаиваютъ каждый шагъ православія и до самаго Гуса выдерживаютъ неравную борьбу съ началомъ латинскимъ. Эта внутренняя жизнь народа не засвидѣтельствована латинскими лѣтописями; по ее-то, по возможности, мы должны обозрѣть въ скудныхъ остаткахъ отъ великаго кораблекрушенія“ ⁵⁾). Вотъ что говоритъ о православіи чешскаго народа г. Новиковъ.

¹⁾ *Карр.* 70, прии.

²⁾ *Томакъ* 92.

³⁾ *Palacky, Gesch.* I. 293, пр. 102. *Карр.* 188. I.

⁴⁾ О Вячеславѣ, ходатайствовавшемъ о возвращеніи національнаго богослуженія, мы уже упоминали.

⁵⁾ Православіе у Чеховъ 19.

Обратимъ же вниманіе на то, какіе остатки православія представляютъ намъ изслѣдователи, утверждающіе, что православныя преданія были первою и главною причиною религіозной оппозиціи католицизму народа Чешскаго, и считающіе Гуса представителемъ этихъ преданій: въ чемъ выразилась дѣятельность въ пользу православія и во вредъ католическаго низшаго духовенства? Какъ народъ выразилъ свое „сознательное“ предпочтеніе православію предъ католицизмомъ? Для насъ важно здѣсь прежде всего то, что даже и усердныя защитники православія чешскаго народа находятъ необходимымъ признать, что въ X вѣкѣ уже сказался совершенный перевѣсъ начала католическаго надъ православнымъ. Мы знаемъ, что этотъ перевѣсъ былъ такого рода, что заставляетъ молчать о силѣ въ народѣ чешскомъ православныхъ преданій и довольно убѣдительно показываетъ, что православіе въ Чехіи не принялось и не могло утвердиться. Но, не забывая впередъ съ своими выводами и разсужденіями, выслушаемъ разсужденія г. Новикова и другихъ писателей о православныхъ преданіяхъ у Чеховъ. Храпились ли эти преданія изъ вѣка въ вѣкъ? Сильны ли были они и много ли ихъ было?

Въ подтвержденіе сильнаго существованія въ Чехіи православныхъ началъ въ XI вѣкѣ приводятъ ходатайство Чеховъ у папы о народномъ богослуженіи и, уже упоминаемое нами, основаніе Созавскаго монастыря. Мы упоминали объ этихъ фактахъ и знаемъ смыслъ ихъ. Они показываютъ, что у Чеховъ было богослуженіе на славянскомъ языкѣ, и что нѣкоторымъ оно нравилось больше латинскаго, но что оно въ Чехіи существовать не могло, было запрещено и латинское богослуженіе было господствующимъ въ это время. Переходя къ обзору православныхъ преданій въ Чехіи въ XII вѣкѣ, даже самыя усердныя защитники „преимства православныхъ преданій“ находятъ вынужденными заявить, что такихъ преданій весьма мало; „XII вѣкъ, говоритъ г. Новиковъ, поражаетъ насъ внезапною скудностію православныхъ воспоминаній. Римская церковь окончательно утвердила свое владычество въ Прагѣ. Сношенія съ Римомъ становятся чаще; легаты а *latere* не выѣзжаютъ изъ Чехіи; число монастырей всѣхъ орденовъ умножается до чрезвычайности; новыя обычаи западной церкви: органы, процессіи получаютъ въ ней право гражданства; славянское богослуженіе, въ XI вѣкѣ, свободно отправлявшееся въ Созавскомъ монастырѣ, умолкаетъ въ XII.... Вся наружная сторона вѣры покрывается искусственнымъ лоскомъ католицизма, но духъ православія неизмѣнно хранится въ чеш-

скомъ народѣ" ¹⁾). Гдѣ же авторъ нашелъ убѣдительныя доказательства, что *духъ православія, преданія св. Меѳодія неизмѣнно и постоянно жили въ народѣ чешскомъ въ XII вѣкѣ?* Доказательствъ на это очень мало, по крайней мѣрѣ, цитруемый нами авторъ ²⁾ представляетъ только три: 1) въ лѣтописяхъ 4 раза встрѣчается извѣстіе, что была пѣта Чехами, при различныхъ случаяхъ, на національномъ языкѣ извѣстная пѣснь (*Nosrodine romiluj*); 2) есть указаніе, что вводимое римскою церковію безбрачіе духовенства было встрѣчено Чехами недружелюбно, и наконецъ въ 3) существуютъ указанія на сношенія Чеховъ въ XII столѣтіи съ Россією и Константинополемъ. Вотъ всѣ свидѣтельства, приводимыя авторомъ, специалистомъ по разбираемому нами вопросу, въ доказательство непрерывнаго продолженія православнаго преданія въ народѣ чешскомъ и особенной любви этого народа къ православію. Свидѣтельства эти слишкомъ малочисленны, но къ этому мы должны прибавить, что и слишкомъ они мало важны. Непонятно, какъ авторъ изъ этихъ свидѣтельствъ выводитъ свои заключенія.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ доказать то обстоятельство, что въ лѣтописяхъ встрѣчается указаніе на народную религіозную пѣснь или молитву? Только то, что у народа существовало нѣкогда богослуженіе на національномъ языкѣ—не болѣе. Но выводить изъ этого какія-нибудь другія заключенія, думаемъ, будетъ несправедливо; видѣть въ этомъ протестъ противъ католицизма мы точно также не имѣемъ никакихъ основаній. Молитвы и церковныя пѣсни существовали на народномъ языкѣ нѣкоторое время и въ другихъ странахъ ³⁾, а въ Чехіи были даже официально дозволены при богослуженіи четыре народныя пѣсни, между которыми находится и *Nosrodine romiluj* ⁴⁾.

Свидѣтельство, что у Чеховъ многіе священники вступали въ бракъ и что распоряженіе папы о введеніи безбрачія духовенства было принято Чехами очень недружелюбно,—точно также мало гово-

¹⁾ Православіе у Чеховъ, 32.

²⁾ Да и всѣ другіе держатся того же взгляда. Считаемо необходимымъ замѣтить, что, не желая дѣлать бесполезныхъ цитатъ, мы ссылаемся на одного только *Носикова* тамъ, гдѣ писатели того же направленія: *Еланингъ, Вильбасовъ, Гильбердинъ* и друг. говорятъ то же самое.

³⁾ См. *Карр*. 206 пр. 110. *Gieselcr* II—1 360; булла папы Клементя объ основаніи Эматскаго монастыря въ Прагѣ у *Гильберда*. 32 р. пр.

⁴⁾ См. *Consilia Pragensia—Höfler* 52, ср. *Documenta* 383.

рить въ пользу мнѣнія о „православіи“ чешскаго народа, и не дозволяетъ видѣть въ жизни религіозной Чеховъ такія начала, которыхъ будто бы не было у другихъ западныхъ народовъ. То же что у Чеховъ было и у другихъ западныхъ народовъ, принявшихъ христіанство отъ церкви римской и не протестовавшихъ противъ католицизма. Правда, что на западѣ многіе осуждали браки духовенства еще съ IV и V вѣк., правда, что на нѣкоторыхъ областныхъ соборахъ уже въ это время были сдѣланы постановленія о безбрачїи духовенства, и эти постановленія были утверждены и подтверждены многими папами, но жизнь далеко не соотвѣтствовала этимъ постановленіямъ. Мы знаемъ, что во многихъ западныхъ странахъ: въ Англіи, Нормандїи, даже въ Италїи (въ Миланѣ) въ XI и XII вѣк. духовенство было брачнымъ, не смотря на то, что уже нѣсколько вѣковъ было утверждено въ теорїи западную церковь безбрачіе ¹⁾. Въ виду этого, по нашему мнѣнію, нельзя давать особеннаго значенія безбрачїю духовенства чешскаго. Введеніе безбрачїи произвело въ Чехїи большое волненіе, духовенство возстало противъ папскаго легата, присланнаго для этого въ Прагу, и едва не побило его камнями ²⁾. Точно такая же оппозиція распоряженіямъ папъ о безбрачїи духовенства была и въ другихъ странахъ, и тамъ происходили волненія, такъ что не могли состояться соборы областные, на которыхъ предложены были эти папскїя распоряженія, папскіе легаты во многихъ странахъ встрѣчали положительное непослушаніе и народъ самое постановленіе папы о безбрачїи называлъ еретическимъ ³⁾.

Что сношенїями съ Россїею и Константинополемъ въ XII вѣкѣ поддерживались православныя воспоминанія Чеховъ, это самъ г. Нониковъ высказываетъ какъ предположеніе. Въ подтвержденіе его нѣтъ никакихъ фактовъ, тогда какъ болѣе частыя сношенія съ Нѣмецкою имперїею и латинскимъ міромъ, по очень яснымъ свидѣтельствамъ историческимъ, служили причиною окатоличиванія страны.

Думаемъ, что послѣ всего сказаннаго, никто изъ людей безпристрастныхъ не станетъ утверждать, что въ XII вѣкѣ сильно было развито въ народѣ чешскомъ уваженіе къ православію и уже ясно высказывалась нелюбовь къ католицизму, что можно было ожидать уже въ близкомъ будущемъ поворота къ православію. Напротивъ,

¹⁾ *Gieseler*, II 283 и слѣд.; II — 1 259 p. 13 not. 331 p. 10 n., 228 p. 9 n.

²⁾ *Histor. Persec.* 18 p. 5. *id. Histor. frat. Bohem.* 5 p. 20.

³⁾ II—2 12—17 pp. *Gieseler*.

каждому должно быть ясно, что изъ такихъ скудныхъ элементовъ нельзя сотворить религіознаго движенія такого, какъ оно проявилось во времена Гуса и какъ продолжалось при Утраквистахъ, Таборитахъ и Моравскихъ братьяхъ ¹⁾.

Послѣдуемъ за тѣмъ же авторомъ въ разысканіи прарославныхъ воспоминаній народа чешскаго. Если XII вѣкъ представилъ такъ мало остатковъ православнаго преданія въ Чехіи, то XIII-й еще болѣе бѣденъ въ этомъ отношеніи. Съ этимъ согласенъ и Новиковъ: XIII вѣкъ, говоритъ онъ, представляетъ полное торжество католичества въ Чехіи. Съ Премысла Оттокара I начинается рядъ государей, унижившихъ свое отечество слѣпымъ подражаніемъ латинскому западу. Царствованіе Вячеслава II (1230—1253) есть время глубокаго паденія славянской народности и вмѣстѣ совершенной покорности апостольскому престолу ²⁾. Такимъ образомъ XIII вѣкъ есть печальное время для православія въ Чехіи. Протесты не касаются болѣе ни брака духовныхъ, ни употребленія роднаго языка при богослуженіи; существованіе его въ XIII вѣкѣ можно доказать только отрицательно ³⁾. Само собою понятно, что послѣ такого признанія и нечего искать ясныхъ и непререкаемыхъ доказательствъ постояннаго преемства въ народѣ чешскомъ православія, но авторъ, сообразно съ своею задачей, напрягалъ усиліе и здѣсь. Г. Новиковъ видитъ присутствіе православія въ Чехіи въ XIII вѣкѣ въ очень немногихъ фактахъ: 1) одинъ разъ за это время въ лѣтописи встрѣчается изъ

¹⁾ Категорическое заявленіе г. Новикова о православіи Чеховъ, стремленіе его видѣть свидѣтельство православія даже въ фактахъ безразличныхъ и ничего недоказывающихъ, вызываетъ порицаніе даже у писателей очень сочувствующихъ основному мнѣнію г. Новикова. Такъ Гильеердингъ (Гусъ, его отношеніе къ православной церкви) говоритъ, что «Новиковъ, свѣдѣя Странскому, идетъ слишкомъ далеко» (29 с.) и самъ не придаетъ значенія, кажется, нѣкоторымъ замѣчаніямъ г. Новикова, не упоминаетъ часто того, въ чемъ г. Новиковъ видѣлъ сильное доказательство своей мысли.

²⁾ Правосл. 38.

³⁾ Ibid. 39. Такое признаніе можно встрѣтить и у другихъ писателей того же направленія. Вслѣдъ за Елагинимъ, Новиковымъ и Гильеердингъ сознается, что преданій мало, почти совсѣмъ нѣтъ. — «Нить греко-славянскаго преданія въ чешской церкви совершенно известна отъ Меодія до изгнанія славянскихъ монаховъ изъ Созавскаго монастыря и замѣны въ немъ славянскихъ книгъ латинскими 1097 г. Послѣ того нить теряется и признаки этого преданія становятся такъ слабы, что ихъ въ памятникахъ, намъ доступныхъ, почти незамѣтно». Гусъ, его отношеніе къ правосл. цер., 26.

вѣстіе, что народъ пѣлъ свою національную пѣснь *Nosprođine ro-
miliu tu*; 2) въ свидѣтельствѣ Странскаго, что въ Чехіи до самаго
Гуса была славянская іерархія, совершавшая богослуженіе на языкѣ
славянскомъ по обряду греческому; 3) въ особенномъ распростра-
неніи въ Чехіи Вальденцевъ и Коттаровъ. — 1) О первой причинѣ мы
уже говорили. 2) Свидѣтельство Странскаго не авторитетно и не до-
стовѣрно. Онъ, какъ писатель 17 вѣка, не можетъ служить автори-
тетомъ, какъ служитъ древняя какая-нибудь лѣтопись — источ-
никъ первоначальный. Даже самъ г. Новиковъ на этотъ счетъ совер-
шенно согласенъ съ Палацкимъ и объявляетъ, что показанія его
имѣютъ *не историческую значительность*, а только „необыкновенную
занимательность“. Мы имѣемъ право вѣрить Странскому только тамъ,
гдѣ онъ ссылается на источники или тамъ, гдѣ его свидѣтельство
не опровергается другими болѣе древними писателями. Свидѣтель-
ство Странскаго, какъ противорѣчащее всѣмъ другимъ источникамъ,
обличающее въ авторѣ незнаніе, лишено даже и „необыкновенной
занимательности“¹⁾. 3) Теперь какимъ же образомъ присутствіе Валь-
денцевъ и Коттаровъ въ Чехіи доказываетъ, что Чехія хранила пра-
вославныя преданія? „Распространеніе Вальденцевъ и Коттаровъ въ
Чехіи, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ г. Новиковъ, а вслѣдъ за нимъ и
другіе, доказываетъ въ ней существованіе православія въ XIII и
XIV вѣкахъ въ томъ отношеніи, что въ ученіи обѣихъ сектъ дѣй-
ствительно много схожаго съ ученіемъ греко-восточнымъ. Отъ того-
то Вальденцы сроднились съ своимъ новымъ отечествомъ, что въ
православномъ ученіи Чеховъ они нашли какъ бы отзвукъ своимъ
собственнымъ вѣрованіямъ. Этимъ сочувствіемъ объясняется миролю-

¹⁾ Лучшимъ доказательствомъ бездоказательности и неправдоподобности
Странскаго служитъ то, что Гильердингъ не даетъ ему вѣры въ этомъ отноше-
ніи. «Мы, говорятъ онъ, устраняемъ мысль о существованіи въ тогдашней Че-
хіи православной партіи, какъ организованнаго религіознаго общества съ осо-
бою іерархіею, и думаемъ, что Странскій далъ слишкомъ категорическую форму
преданію о связи гуситства съ православными начатками христіанства въ Че-
хіи и что г. Новиковъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ Странскому, идетъ слишкомъ
далеко», см. ст. 29. И еще Гильердингъ вынужденъ былъ сознаться: «мы не
находимъ документальнаго подтвержденія свидѣтельству Странскаго, признавав-
шему что-то въ родѣ іерархическаго преемства отъ Мессодія до Гуса, мы не ду-
маемъ, чтобы была опредѣленная передача изъ поколѣнія въ поколѣніе право-
славныхъ преданій въ видѣ тайнаго ученія, какъ-то принималъ г. Новиковъ»,
36 *ibid.*

бтивное отношеніе ихъ къ славянскимъ чужеземцамъ¹⁾. Сходство Коттаровъ и Вальденцевъ съ греко-восточнымъ православіемъ — хотя и повторяется вслѣдъ за г. Новиковымъ, какъ мы замѣтили, другими русскими писателями, — болѣе чѣмъ сомнительно; даже какъ-то неприлично для уха звучить, что еретики этого рода имѣли близкое сходство съ восточнымъ православіемъ²⁾. О Коттарахъ положительно нельзя говорить, что они имѣли сходство съ греко-восточнымъ православіемъ. Вся система Коттаровъ есть ничто иное, какъ языческая, дуалистическая мнѣологія, съ манихейскими, гностическими прикрасами, нѣсколько одѣтая въ формы христіанской догматики³⁾. Человѣку, знающему ученіе и исторію Коттаровъ, нѣтъ никакой возможности утверждать, что они имѣли сходство съ греко-восточнымъ православіемъ. Даже доказано, что и вообще съ христіанскою догматикою ихъ ученіе имѣетъ только вѣишее сходство, или вѣриѣе — не имѣетъ никакого. Система Вальденцевъ не такъ сильно удаляется отъ истиннаго христіанскаго ученія, какъ система Коттаровъ, но все же Вальденцы гораздо дальше стоятъ отъ христіанской истины, чѣмъ католики. Чехамъ могла нравиться ихъ строгая жизнь, практическое устройство ихъ общества съ молитвами на родномъ языкѣ и съ переводомъ Библии. За это любили ихъ и въ другихъ странахъ, ощущавшихъ на себѣ весь гнетъ средневѣковой папской опеки. Въ Чехіи, какъ и въ другихъ странахъ, антиерархическія ереси имѣли,

¹⁾ 47 *ibid.*

²⁾ Думаемъ, что г. Новиковъ а вслѣдъ за нимъ и другіе, въ этомъ случаѣ увлеклись словами Странскаго, который съ своей протестантской точки зрѣнія очень хвалитъ Вальденцевъ, видя въ нихъ «носителей истины», думаетъ, что они помогли Чехамъ сохранить правую вѣру. Вотъ его слова: «Et cum plebs rudior, partem ex paganismo repetitis, partim prausabiliore latini ritus disciplina attractis opinionibus Graecae observantiae sinceritatem sensim et incogitanter contraminasset, commodum evenit, ut religiosi quidam ex Galliis, Germanique profugati, Petri Valdi discipuli, viri tum pietate, tum sacrarum literarum scientia spectatissimi (anno 1176) in Bojemian venerent, et delecto ad Latecim Launamque domicilio, permultos ex tum adhuc Graecae observantiae incolis, familiares sibi facerent. His igitur naivos quibus religionem inquinatam haberent, illi qua fieri potuit modestissima ratione demonstrabat, et quid de unoquoque fidei Christianae capite castius esset sentiendum? ex scripto Dei verbo inculcabant. Factum hoc monitorum opera est, ut et pietatis puriores consecratores, tam in bono quod hactenus tenuerunt obfirmarentur, quam emendandis, in quibus hallucinabantur advigilarent et Latinorum partium Antestitibus stomachus, commoveretur. *Reipubl. Bojem. Cap. VI.*

³⁾ См. *Осокинъ, Исторія Альбигойцевъ.*

какъ мы покажемъ, дѣйствительно значеніе для возбужденія религіозныхъ движеній. Онѣ выставляли на видъ пороки духовенства и монашества, способствовали, хотя часто уродливо, къ возбужденію религіознаго духа, заставшаго въ бездушности и безсодержательномъ схоластицизмѣ. Мы не отрицаемъ того, что средневѣковне еретики, зашедшіе въ Чехію, могли дать толчекъ антиерархической борьбѣ, начатой въ Чехіи въ 14 вѣкѣ. Но говорить, что эти еретики имѣли связь съ православіемъ, или еще болѣе — изъ того, что эти еретики были въ Чехіи (а они были и въ другихъ странахъ), дѣлать выводъ о православіи Чеховъ, мы находимъ рѣшительно невозможнымъ. Сами защитники „православія“ чешскаго народа, какъ мы видѣли, стѣсняются доказать фактически существованіе православія въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сознаются, что нѣтъ официальныхъ источниковъ и документовъ, подтверждающихъ это, признаютъ, что мало остатковъ православнаго обряда etc.

Переходя къ XIV вѣку, всѣ защитники названной теоріи единодушно утверждаютъ, что въ этомъ вѣкѣ ясно высказались православныя преданія народа чешскаго, что онъ въ это время осязательно показалъ, что зналъ и любилъ православіе и ненавидѣлъ католицизмъ потому только, что католицизмъ не могъ мириться съ тѣми святыми православными преданіями, которыя онъ (народъ чешскій) велъ отъ самаго своего крещенія, отъ св. Меодія. Мы разобрали мнѣніе о православіи Чеховъ XI, XII и XIII вѣковъ, показали истинный смыслъ фактовъ, на которыхъ опирается это мнѣніе. Этимъ мы почти избавили себя отъ разбора тѣхъ мнѣній, которыя выражаютъ писатели о православіи Чеховъ въ XIV вѣкѣ. Мы не нашли возможности, на основаніи представленныхъ защитниками названной теоріи фактовъ, говорить о православіи Чеховъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ они, слѣдовательно, могли бы теперь не обращаться къ тому же вопросу. Если не было православныхъ преданій въ XII и XIII вѣкахъ, то, само собою разумѣется, не могло быть ихъ и въ XIV. Для полноты только, лишь для того, чтобы насъ не могли упрекнуть въ желаніи умолчать о важныхъ фактахъ, обращаемся опять къ тому же.

Вотъ мысль о XIV вѣкѣ защитниковъ названной теоріи. Буллы и приказанія папъ, выданныя въ предыдущіе вѣка, мало помогли католицизму въ Чехіи. Народъ былъ православнымъ и ненавидѣлъ латинство. Эта ненависть выражалась довольно опредѣленно вдали отъ окатоличенной и окатоличенной Праги, даже тайно въ самой Прагѣ

существовали общества (можетъ быть, довольно организованныя), имѣвшія въ виду поддерживать православіе и противодѣйствовать католицизму. Эти общества сначала существовали тихо, можетъ быть, незамѣтно для властей. Карлъ IV впервые обратилъ вниманіе на существованіе такихъ обществъ и, желая вездѣ ввести католицизмъ, коснулся тѣхъ остатковъ православнаго обряда, которыми очень дорожилъ народъ; при немъ, между прочимъ, запрещена была чаша, до сихъ поръ существовавшая у Чеховъ. Волненія въ партіи Чеховъ—любителей православнаго обряда приняли громадныя размѣры. Назначенная Карломъ смертная казнь за ересь и уклоненія отъ правой вѣры не помогала. Можно было сжечь и наказывать только Вальденцевъ и подобныхъ имъ еретиковъ, а съ Чехами православными этого дѣлать было нельзя уже потому, что ихъ было очень много. Для того, чтобы какъ-нибудь укротились возникающія волненія, Карлъ испрашивалъ у папы дозволенія для Чеховъ совершать богослуженіе на народномъ языкѣ, надѣясь этою подачкою побудить народъ къ молчанію. Но допущенная папою уступка мѣста въ Чехіи (основаніе Эмматскаго монастыря въ Прагѣ) для славянскаго богослуженія не помогла. Весь народъ желалъ православнаго обряда богослуженія на родномъ языкѣ, причащенія подъ обоими видами. Являются сильные словомъ и дѣломъ представители православнаго начала; всѣ они желаютъ причащенія подъ обоими видами, всѣ они ненавидятъ латинство и мѣры Карла для его утвержденія. Эти люди: Моличъ, Матѣй и Штскна—предшественники Гуса. Они говорили не свое, не изъ школы вишенное, а только то, къ чему стремился народъ, напоминали народу объ его старомъ любимомъ православіи. Въ XI, XII, и XIII вѣкахъ были народныя православныя воспоминанія, народъ въ своей религіозной жизни былъ православнымъ. Въ XIV вѣкѣ, по реакціи къ особенно сильному давленію латинства, православная партія выразилась ясно и выставила блестящихъ представителей, высказавшихъ православное желаніе народа; Гусъ, продолжатель и ученикъ этихъ людей, точно также какъ они, высказывалъ только любовь народа къ православію, и противъ латинства онъ вооружался лишь для восстановления православія. Такимъ образомъ, православныя преданія Чеховъ были причиною движенія, а воссоединеніе съ восточною церковью — цѣлю движенія ¹⁾.

¹⁾ Мы сгруппировали здѣсь мысли гг. *Новикова* (Правосл. у Чех.), *Гильфердина* (Гусъ, 30—39), *Вильбасова* (Чехъ Янъ Гусъ). Разсужденія эти основаны часть CLXXXVI, отд. 2.

Теперь намъ необходимо разобрать изложенныя выше мысли и факты. 1) Учрежденіе Эматскаго монастыря въ Прагѣ служить ли доказательствомъ особенной силы православныхъ преданій въ чешскомъ народѣ въ XIV вѣкѣ? 2) Какой выводъ можно сдѣлать изъ того, что только при Карлѣ была запрещена Евхаристія въ Чехіи подъ обоими видами? 3) Стремилась ли предшественники Гуса къ православію и главное ли ихъ дѣло была защита православія отъ католицизма?

1) Учрежденіе Эматскаго монастыря. Вотъ какъ было это дѣло. Въ Славоніи и въ смежныхъ южнославянскихъ католическихъ земляхъ вспыхнули возстанія и междоусобицы, имѣвшія печальныя для тѣхъ странъ послѣдствія. „Многіе монастыри и обители черныхъ монаховъ, ордена св. Бенедикта и другихъ орденовъ въ тѣхъ странахъ, вслѣдствіе тамошнихъ междоусобій и войнъ, были разорены и приведены въ ничтожество. Посему монахи и братья тѣхъ монастырей не могли служить ни Богу, ни христіанамъ и, не будучи въ состояніи существовать въ своихъ монастыряхъ и обителяхъ, прибывали въ скитальничествѣ, отчего богослуженіе и христіанская вѣра убывала“¹⁾.

Положеніе „черныхъ монаховъ“ было плачевное, они скитались безъ пристанища... „Въ это печальное для нихъ время обратилъ на нихъ свой милостивый взоръ благочестивый императоръ Карлъ. Онъ задумалъ въ своей любимой Прагѣ и благоустроенной Чехіи дать имъ пристанище. Монахи были усердные католики, но они происходили изъ Славоніи, гдѣ папа дозволялъ совершать божественную службу на національномъ языкѣ и монахи совершали, съ апостольскаго разрѣшенія, службу и молитвы на народномъ языкѣ“²⁾. Это было, конечно, пріятнѣе для поселенія монаховъ въ Чехіи. Въ Чехіи, какъ мы знаемъ, давнымъ давно былъ запрещенъ славянскій языкъ при богослуженіи. Слѣдовательно, братьямъ бенедиктинскимъ, переселявшимся

на показанія *Странскою* (Respubl. Bojem, с. VI и особенно V—68 стр. Гильберта и VI—70 стр. *ibid.*) и *Ам. Коменск.* (Hist. Persec. cap. V, VI, VII и Hist. frat. Bohem., p. 5—6).

¹⁾ Мы передали здѣсь буквально слова буллы Климента VI, объ учрежденіи Эматскаго монастыря, пражскому архіепископу. Булла эта находится у *Persel*, *Urkundenbuch* etc. 90 p. и потомъ у *Frind'a* и *Гильбердина*.

²⁾ ... in Slavonie et non nullis partibus de Slavonica lingua existentibus misse et alie hore canonice ad laudem Christi in eorum vulgari, de licentia et ex indulto sedis apostolice; leguntur et etiam decontantur....

въ Чехію, должно было бросить свою старую привычку: нужно было или учиться по латыни или совсѣмъ отказаться отъ переселенія. Для устраненія этого неудобства, Карлъ обратился съ письмомъ къ папѣ Клименту VI. Въ письмѣ своемъ къ папѣ онъ просилъ его не стѣснять черныхъ монаховъ ордена Бенедикта, а равно и другихъ орденовъ,—дозволить имъ, въ видѣ особенной милости, поселяясь въ Чехію, не мѣнять своихъ старыхъ привычекъ: молиться и совершать службу на родномъ языкѣ. Карлъ при этомъ почтительно поставилъ на видѣ папѣ, что эти монахи могутъ быть очень полезны въ Чехію, потому что въ пей и въ нѣкоторыхъ смежныхъ странахъ, есть много схизматиковъ и невѣрныхъ, которые не хотятъ даже слушать слова Божіа и проповѣди на латинскомъ языкѣ, и требуютъ чтобы имъ проповѣдывали на языкѣ народа, безъ чего ихъ и нельзя даже обратить къ христіанской вѣрѣ¹⁾. Папа Климентъ посмотрѣлъ благосклонно на ходатайство императора Карла за несчастныхъ монаховъ, не хотѣлъ брать у нихъ, по поводу переселенія ихъ въ другую страну, права молиться и совершать богослуженіе на родномъ языкѣ. Но мысль Карла размѣстить этихъ монаховъ по различнымъ странамъ папа не призналъ серьезною и замѣтилъ въ письмѣ къ арх. Пражскому, чтобы тотъ далъ имъ одинъ какой-нибудь монастырь, гдѣ ему будетъ угодно. При этомъ папа прибавляетъ, чтобы монахи, пользуясь своими правами, данными имъ апостольскимъ престоломъ, не нарушали чужихъ правъ, особенно правъ приходской церкви. Замѣчаніе очень дѣлсообразное²⁾.

Вотъ изложеніе дѣла по сохранившемуся до насъ документу объ основаніи Эмматскаго монастыря.—Что же изъ этого можно вывести? По нашему, ничего особеннаго. Это частный фактъ,—и только. Палацкій объясняетъ учрежденіе славянскаго монастыря въ Прагѣ политической мыслию Карла. Извѣстно, что Карлъ уговаривалъ сербскаго короля Стефана Душана къ уніи съ римскою церковію; такъ, можетъ быть, ходатайствуя у папы о дозволеніи монахамъ служить и молиться на своемъ языкѣ, онъ думалъ составить что-то въ родѣ школы для пропаганды уніи между Славянами греко-восточнаго исповѣданія, можетъ быть, видѣлъ въ этомъ поводъ сблизиться съ Сер-

¹⁾ *Sunt multi scismatici et infideles, cum eis sacra scriptura latine dicitur, exponitur, vel praedicatur, nec intelligere volunt, nec commode ad fidem christianam possunt converti.*

²⁾ Въ тѣ времена въ Чехію и въ другихъ мѣстахъ постоянно жаловалось епархіальное приходское духовенство на то, что монахи отбиваютъ у нихъ приходы и доходы.

бами и другими Славянами православными, чтобы потомъ побудить ихъ къ униі. Въ видахъ этого сближенія, Карлъ писалъ Душану, что его связываетъ съ нимъ „принадлежность къ одной и той же рѣчи славянской, такъ какъ они оба, по милости Божіей, рождены на величественномъ лонѣ этого благороднаго языка“. Мысль Палацкаго довольно правдоподобная. Впрочемъ, онъ не настаиваетъ много на ней, а только поставяетъ въ связи различныя проявленія дѣятельности Карла. — Не такъ-то легко отходить отъ этого объясненія Палацкаго гг. Новиковъ и Гильфердингъ. Слова Карла, приводимыя Палацкимъ, нисколько, по г. Гильфердингу, не искренны. „Въ устахъ такого человѣка, какъ Карлъ IV, эти слова были только дипломатическою фразою“, говоритъ онъ. „Несомнѣнно, что основаніе славянскаго монастыря въ Прагѣ, какъ догадывался уже г. Новиковъ, было дѣломъ внутренней, а не внѣшней политики Карла“. На свидѣтельство же объ учрежденіи Эмиатскаго монастыря, переданное сейчасъ нами, г. Гильфердингъ смотритъ съ особеннымъ уваженіемъ. „Это свидѣтельство самого Карла IV, говоритъ онъ, прописанное папою въ буллѣ 1346 г., должно, кажется, окончательно рѣшить вопросъ о существованіи въ Чехіи церковной оппозиціи, которая связываетъ православное славянское начало чешской церкви съ явленіями XV в. Не смотря на отрицаніе г. Палацкаго, связь эта устанавливается документально“. Какимъ же образомъ? Гдѣ въ документѣ, изложенномъ нами, „устанавливается эта связь“? Во всемъ ходѣ дѣла и въ буллѣ папской какъ будто нѣтъ и намека на нее. Есть намекъ, говоритъ г. Гильфердингъ. Послѣдуемъ за нимъ: „Карлъ IV писалъ папѣ, что въ чешскомъ королевствѣ существуютъ многіе схизматики и псвѣрныя, которые не хотятъ понимать священнаго писанія на латинскомъ языкѣ“. Этими, по словамъ г. Гильфердинга, Карлъ прямо доноситъ папѣ о тѣхъ Чехахъ, которые, помня насажденное св. Меодіемъ православіе, признавали богослуженіе и молитву только на славянскомъ языкѣ, которые не хотѣли слушать католическихъ-латинскихъ проповѣдниковъ etc. Карлъ признаетъ, что ихъ много, словомъ, Карлъ признаетъ, что сильна въ чешскомъ народѣ православная оппозиція католицизму. На какомъ же основаніи даетъ г. Гильфердингъ такое значеніе словамъ *scismatici et infideles*? На какомъ основаніи онъ думаетъ, что этими словами Карлъ означаетъ Чеховъ православныхъ, любившихъ славянское богослуженіе? Только на томъ, что слова: „*scismatici et infideles*“ встрѣчаются въ свидѣтельствѣ инквизитора о путешествіи въ Литву Иеронима

Пражскаго. Доказательство неудовлетворительное; оно не объясняетъ этого темнаго мѣста, даже болѣе возбуждается сомнѣніе въ справедливости такого толкованія словъ: „scismatici et infideles“: 1) самою буллою, 2) тѣмъ же самымъ писателемъ, которымъ преимущественно пользуются названные исследователи для изложенія православно-чешскаго движенія при Карлѣ.

1) Въ извѣстїи Карла говорится, что схизматиковъ и невѣрныхъ нужно обращать въ вѣру христіанскую ¹⁾). Выраженіе „ad fidem christi-
stianam“ заставляетъ усомниться въ справедливости толкованія г. Гильфердинга. Трудно думать, чтобы Карлъ о своей любимой Чехїи могъ выразиться такъ; неудобно, кажется, предполагать, что Чехи, положимъ, любившіе славянскую литургію, но все-таки официально подчиненные, какъ католики, апостольскому престолу, могли официально самими королями быть обвинены въ полномъ невѣрїи и отступничествѣ. Эти слова буллы довольно, конечно, темны и нельзя съ опредѣленностію сказать, кого разумѣютъ Карлъ и папа въ названномъ выраженїи. Потому для насъ нѣсколько удивителенъ тотъ категорическій выводъ, который дѣлаетъ г. Гильфердингъ изъ названныхъ словъ. Извѣстно, что во время Карла въ западной Европѣ уже возбудилось довольно сильное антипапское-сектаторское движеніе. Извѣстно, что всѣ почти еретики или сектанты среднихъ вѣковъ требовали, какъ первой и настоятельной необходимости, — богослуженія на родномъ языкѣ и не хотѣли слушать богослуженія и проповѣди на языкѣ непонятномъ, латинскомъ. Можетъ быть, слова Карла указываютъ именно на такого рода сектантовъ? Мы знаемъ, что въ Чехїи было много Вальденцевъ. Не ихъ ли разумѣетъ Карлъ, не они ли не хотѣли слушать проповѣди и евангелія?

Не Вальденцы производили движеніе при Карлѣ, не ихъ бросали въ рудники Кутногорскіе, не противъ нихъ были направлены мѣры Карла, говорятъ намъ гг. Новиковъ и Гильфердингъ, и въ подтвержденіе своей мысли ссылаются на извѣстное мѣсто Странскаго. Но и въ этомъ отношенїи, по нашему мнѣнію, ихъ категорическое заявленіе не совсѣмъ справедливо. Все это возмущеніе, всѣ эти тайныя общества православныхъ, всѣ козни противъ нихъ католиковъ, взяты изъ Странскаго и не подтверждены другими источниками. А свидѣтельствамъ Странскаго, какъ мы уже сказали, нельзя довѣрять безусловно. Въ названномъ мѣстѣ Странскій не можетъ подтвердить

¹⁾ Nec commode ad fidem christianam possunt converti.

мысль гг. Новикова и Гильфердинга, а скорѣе можетъ подтверждать нашу, вѣроятное предположеніе, что при Карлѣ могли обращать на себя вниманіе Вальденцы, что противъ нихъ были направлены мѣры правительства и что, слѣдовательно, не будетъ большой ошибки приложить къ нимъ извѣстное изреченіе буллы папской. Странскій прямо и положительно связываетъ религиозное движеніе при Карлѣ съ дѣятельностію Вальденцевъ и говоритъ, что мѣры Карла были направлены противъ Чеховъ, поднавшихъ вліянію Вальденцевъ, пришедшихъ изъ Франціи и Германіи. Чтобы яснѣе выразить нашу мысль, дозволяемъ себѣ привести въ переводѣ г. Гильфердинга небольшую тираду изъ Странскаго. Вотъ она: „Приверженцамъ, какъ древнѣйшаго греческаго, такъ и новѣйшаго латинскаго ученія представлялась (т. е. въ началѣ, послѣ основанія епископіи) свобода богослуженія и они этою свободою дѣйствительно пользовались. А какъ при этомъ простонародье понемногу и бессознательно запятнало чистоту греческаго ученія, частію привнесенными изъ язычества обычаями, частію мнѣніями, заимствованными изъ заманчиваго ученія латинской церкви, то послѣдствіемъ этого было, что изгнанные изъ Германіи и Франціи проповѣдники, ученики Петра Вальда, отличавшіеся благочестіемъ и знаніемъ писанія, прибывъ въ 1176 году въ Чехію и поселившись въ Жатцѣ и Лаунахъ, легко привлекли на свою сторону весьма многихъ изъ жителей, придерживающихся еще кое-какъ греческаго исповѣданія. Они имъ самымъ скромнымъ образомъ указывали на искаженія, какія вкрались въ ихъ вѣру и объясняли имъ по священному писанію, въ чемъ заключается по каждому предмету настоящее ученіе христіанства. Благодаря дѣятельности этихъ проповѣдниковъ, послѣдователи чистаго ученія утвердились въ благихъ правилахъ, которыхъ они дотошъ держались, и стали заботиться объ исправленіи того, въ чемъ они впали въ заблужденіе; но за то архіереи латинской партіи нѣмали гнѣвомъ. Но, не взирая на то, что подручные имъ монахи и священники всячески старались, чтобы въ королевствѣ не было никакой религіи, кромѣ той, которая вполне соответствовала постановленіямъ римскаго престола, они не могли добиться прекращенія публичнаго богослуженія другаго, отличшагося упомянутымъ нами способомъ (т. е. посредствомъ Вальденцевъ), исповѣданія. Наконецъ, послѣ многихъ продолжительныхъ усилій, имъ удалось, въ царствованіе Карла, достигнуть того, что первый чешскій архіепископъ Эрнестъ, по внушенію какъ самого Карла, такъ и фанатиковъ иностранцевъ, стекавшихся въ новоучреж-

денный въ Прагѣ университетъ, запретилъ узаконеніемъ всякую уклонявшуюся отъ постановленій римской церкви вѣру“... и проч.— Вотъ самое опредѣленное мѣсто изъ Странскаго. Не подтверждаетъ ли оно наше предположеніе, что мѣры Карла были направлены противъ Вальденцевъ, и что можно въ словахъ Карла подразумевать Вальденцевъ и другихъ сектантовъ? Думаемъ, во всякомъ случаѣ, что можно скорѣе изъ свидѣтельства Странскаго вывести положеніе, отрицающее православіе Чеховъ, чѣмъ это утверждающее.

Послѣ сказаннаго нами объ основаніи Эмматскаго монастыря, уже, кажется, нѣтъ нужды далѣе развивать эту мысль. Всѣ выводы изъ этого факта и разсужденія о немъ гг. Повикова и Гильфердинга не выдерживаютъ строгой критики. Такъ, напримѣръ, г. Гильфердингъ, — желая показать, что папа и всѣ католики думали, что у Чеховъ сильны православныя преданія, и что они боялись этихъ именно преданій, — послѣ изложенія просьбы Карла дозволить славянскимъ монахамъ селиться въ различныхъ мѣстахъ Чехіи и проповѣдывать, прибавляетъ: „Римскій дворъ свелъ дѣло, какъ говорится, на пѣть: онъ дозволилъ славянскимъ монахамъ сохранить славянскій обрядъ въ одномъ только мѣстѣ; о проповѣди, объ отправленіи славянскаго богослуженія внѣ стѣнъ ихъ монастыря, о папскомъ разрѣшеніи нѣтъ и помину“. Это справедливо, но что же изъ этого? Почему же папа долженъ былъ непременно расселить монаховъ въ различныхъ мѣстахъ? Для проповѣди? Но „черные“ бенедиктинцы никогда не назначались спеціально для проповѣди. Для этого были *fratres praedicatorum* и потомъ *fratres minores*. Да и зачѣмъ проповѣдывать на національномъ языкѣ? Былъ официальнымъ языкъ латинскій, его и должно было держаться. Потому только перемѣнять обычай, что какіе-то еретики его порицали, съ точки зрѣнія папъ, было причиною неудовлетворительною, даже болѣе—было бы безтаѣтностію уступать всякимъ требованіямъ. Мы знаемъ, что папы вообще не отличались любезностію къ другимъ странамъ, такъ почему же имъ было не поступать точно также и въ отношеніи къ Чехіи. Хорошо или дурно дѣлалъ папа, что не согласился съ предложеніемъ Карла, посредствомъ проповѣди на національномъ языкѣ и національнаго богослуженія обращать въ вѣру христіанскую какихъ-то невѣрныхъ (можетъ быть, Вальденцевъ)—это другой вопросъ, для насъ, впрочемъ, безразличный. Одинъ могъ думать, что для пользы вѣры лучше сдѣлать небольшую уступку и послать проповѣдника, а другой считалъ, можетъ быть, невозможительнымъ дѣлать уступки и думалъ, что гораздо

лучше проповѣдника будетъ дѣйствовать „instigator haereticae pravitatis“.

„Нѣтъ помину о проповѣди и совершеніи богослуженія внѣ стѣнъ монастыря“. Это ничего не значить. Булла написана такъ, какъ писались другія буллы въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ ея смыслъ: за монахами остаются и по переселеніи ихъ на новое мѣсто всѣ права, данныя имъ апостольскимъ престоломъ; пусть они сохраняютъ всѣ обычаи, одобренные папою, но пусть не злоупотребляютъ своими правами, пусть не стѣсняють чужихъ правъ, особенно правъ приходскихъ священниковъ ¹⁾. Мы уже прежде замѣтили, что въ послѣднихъ словахъ папской буллы высказана цѣлесообразная мѣра. Не дѣлать этой оговорки было бы со стороны папы, да и всякой духовной власти въ то время, положительнымъ неблагоразуміемъ и непростительною ошибкою. Уже былъ большой раздоръ между приходскимъ и монашескимъ духовенствомъ. Монахи, пользуясь вліяніемъ на народъ и не стѣняясь какимъ-нибудь опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности, вездѣ совершали божественныя службы, исповѣдь, заупокойныя обѣды и молитвы. Часто поэтому прихожане даже почти совершенно отставали отъ своихъ приходскихъ пастырей. Это, само собою разумѣется, было нецрїятно для приходскаго духовенства; оно чрезъ это лишалось и уваженія и доходовъ. Раздоры между монахами и приходскими священниками по этому поводу были очень раздражительны и очень многочисленны. Нерѣдко они доходили до папы, потому что архіепископы не могли удовлетворить справедливымъ жалобамъ на монаховъ, которые были изъяты изъ ихъ юрисдикціи. Теперь понятно, что мѣры папы Климента VI и славянско-православная оппозиція не имѣютъ между собою ничего общаго и извѣстныя распоряженія папъ нисколько не могутъ доказывать существованія такой оппозиціи.

Вторымъ важнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ непрерываемо о православіи чешскаго народа, считаютъ существованіе у Чеховъ причащенія подъ обоими видами, даже послѣ постановленій Лате-

¹⁾ Nos. . . . fraternitati tuae (пражскому архіепископу), de qua plenam in Domino fiduciam gerimus, eisdem monachis seu fratribus dicti sancti Benedicti vel alterius ordinis per sedem eandem approbati, recipiendi unum locum, duntaxat in dicto regno vel ejus confinibus, in quo servare valeant dictum ritum, alias tamen per sedem approbatam, eandem, auctoritate nostra concedas plenam et liberam facultatem, jure tamen parochialis ecclesiae ipsius loci, quem ut premittitur, dicti monachi seu fratres receperunt, et cuius libet alterius alieni in omnibus semper salvo.

ранскаго собора, которымъ отнята была евхаристическая чаша у ирландцевъ. Фактъ этотъ въ связи съ послѣдующими гуситскими движеніями, — въ виду того, что чаша у гуситовъ была символомъ религіозной борьбы противъ панства и католицизма, — имѣетъ особенную важность. Вотъ почему самые первые изслѣдователи „православныхъ началъ“ чешскаго народа прямо обратили вниманіе на этотъ фактъ, и съ тѣхъ поръ онъ служитъ непререкаемымъ подтвержденіемъ православія чешскаго народа. Мы не будемъ приводить подробныхъ цитатъ изъ гг. Елагина, Новикова, Вильбасова, Гильфердинга и др., для доказательства того значенія, которое придаютъ этому факту писатели извѣстнаго направленія. Совершенно будетъ достаточно для нашей цѣли, если мы резюмируемъ всѣ многоразличныя разсужденія названныхъ писателей, и потомъ, сдѣлавши анализъ ихъ, опредѣлимъ историческую значительность разбираемаго факта.

„Причащеніе подъ однимъ видомъ, самое осязательное для народа отступленіе Рима отъ первобытнаго ученія церкви, фактически не вводилось въ Чехію до Карла IV“. Вотъ фактъ. Далѣе писатели названнаго направленія, въ своихъ выраженіяхъ, даютъ и объясненіе этого, по ихъ мнѣнію, въ высшей степени важнаго факта. Объясненія эти главнымъ образомъ держатся на томъ предположеніи, что неудобно было въ такой православной странѣ, какъ Чехія, свято хранившей преданіе отъ св. Меѳодія, вводить этотъ обрядъ; народъ и пизшее духовенство, знавшее и любившее православіе, могли ясно видѣть (яснѣе чѣмъ въ какой-нибудь ипой странѣ), что это именно отступленіе отъ первоначальной чистоты вѣры, могли воспротивиться этому и проч. Причащеніе подъ обоими видами и, особенно, сохранившееся въ Чехіи причащеніе младенцевъ служатъ, говорятъ, свидѣтельствомъ православнаго преданія чешскаго народа—это показываетъ опредѣленно связь гуситскихъ движеній съ православнымъ крещеніемъ Чеховъ. Вотъ небольшой отрывокъ изъ г. Гильфердинга объ этомъ предметѣ: „Мы считаемъ несомнѣннымъ существованіе внутренней связи между православнымъ крещеніемъ Чехіи и Гусомъ. Эта связь заключается въ сохраненіи народомъ нѣкоторыхъ православныхъ обрядовъ, и, главное, въ общемъ настроеніи народа. Самый характеристическій изъ православныхъ обрядовъ, сохранныхъ въ Чехіи, есть причащеніе младенцевъ. Мы уже говорили въ другомъ сочиненіи о важномъ значеніи этого обряда, какъ историческаго признака. Тотчасъ послѣ смерти Гуса возгорается цѣлая полемика со стороны латинянъ, осуждающая гуситовъ за то, что у нихъ даютъ

младенцамъ, которые не могутъ и не умѣютъ глотать, причастіе подѣ обоими видами. Между тѣмъ, Гусъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не говоритъ объ этомъ предметѣ; это такой обрядъ, до котораго едвали могъ додуматься какой бы то ни было реформаторъ; напротивъ, реформаторъ, кто бы онъ ни былъ, повинувшись отвлеченной логичности, скорѣе долженъ былъ сочувствовать ученію Рима, допускающему къ евхаристіи только людей въ сознательномъ возрастѣ. Очевидно, что обрядъ причащенія младенцевъ былъ остаткомъ старины, внесеннымъ въ гуситство изъ народной жизни. Вѣроятно, поэтому-то гуситы такъ имъ и дорожили¹⁾.

Можно бы умножить цитаты изъ названныхъ писателей, выразительно показывающія, какое значеніе въ извѣстной теоріи имѣеть этотъ фактъ. Обращаемся къ разбору тѣхъ выводовъ, которые дѣлаютъ изъ него. Пресжде всего, не смотря на то, что о сохраненіи православнаго обряда въ причащеніи свидѣлствуется одинъ только писатель, Ам. Коменскій²⁾, мы не думаемъ сомнѣваться въ его справедливости. Правда, у насъ нѣтъ доказательствъ, подтверждающихъ Коменскаго, но за то нѣтъ и данныхъ, противорѣчащихъ его свидѣтельствамъ. Но фактъ и выводъ изъ факта два дѣла различныя. Мы, признавая фактъ, отрицаемъ тотъ выводъ, который дѣлаютъ изъ него, не признаемъ того значенія, какое желаютъ придать ему.

Какимъ образомъ причащеніе подѣ обоими видами можетъ быть отнесено къ преданіямъ православнымъ, унаслѣдованнымъ отъ св. Меодія? Какимъ образомъ этотъ фактъ показываетъ связь православнаго крещенія Чеховъ съ явленіями XV вѣка? Этого мы положительно не понимаемъ. Причащеніе подѣ обоими видами — исконный обрядъ св. церкви и вездѣ — на Востокѣ и на Западѣ, въ Александріи и Римѣ, — по учрежденію Господа, евхаристія была преподаваема народу подѣ видомъ хлѣба и вина. Только въ XIII вѣкѣ церковью римскою, въ видахъ дисциплинарныхъ и практическихъ, отнята была

¹⁾ Гильфердингъ, Гусъ, 37.

²⁾ *Histor. Persec.* 18 p. 6: Circa annum 1350 regnante Carolo IV (Romanorum quoque imperatore) sub archiepiscopo primo (Ernesto de Bardubitz) sacrilega Eucharistiae sub una administratio in Bohemia primum audita et visa est: eam potissimum Italis et Gallis, Germanisque, theologis et magistris quos Carolus ad recens fundatam Prage Academiam professores exciverat, suadentibus, studiosisque exteris, qui magis cegminibus confluerant, complures in exemplum tragentibus. *Hist. frat. Bohem.* 5 p. 21. Почти то же, только событіе относится къ 1361 г. Все послѣдующіе писатели опираются на эти свидѣтельства.

у вѣрныхъ евхаристическая чаша. До того же времени подъ однимъ видомъ причащались только еретики Манихеи. Мы знаемъ, что римская церковь въ лицѣ своихъ представителей папъ: Льва Великаго, Геласія, Пасхалія II и др., въ лицѣ своихъ знаменитыхъ докторовъ и ученихъ Ансельма Кентерберійскаго († 1109 г.), Петра Ломбарда († 1164 г.), Альберта Великаго († 1280 г.) и др. признавала такое причащеніе незаконнымъ и говорила только о причащеніи подъ обоими видами ¹⁾.

Церковь римская держалась этого не только въ ученіи, но даже и въ практикѣ, заботливо оберегала отъ всякаго нововводительства въ этомъ отношеніи, чему можно найдти слишкомъ много доказательствъ въ соборныхъ опредѣленіяхъ и папскихъ декретахъ до самаго XIII вѣка ²⁾. Еслиже до XIII вѣка церковь римская въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличалась отъ церкви греческой, то, само собою разумѣется, было совершенно безразлично, кто бы ни обратился въ христіанство: греческій и латинскій монахъ, св. Меѳодій и св. Вонифацій, св. Кириллъ и преподобный Колумбанъ не могли, въ основанной ихъ подвигахъ церкви, оставить различныхъ преданій. Необъяснимо послѣ этого, какимъ образомъ сохраненіе чаши связывается съ крещеніемъ Чехіи отъ Меѳодія? Какъ можно тотъ фактъ, что Чехи знали о причащеніи подъ обоими видами, считать признакомъ, что народъ этотъ былъ обращенъ къ вѣрѣ православными, а не латинами, и хранилъ православіе, ненавида латинство. Вѣдь подобное же заключеніе можно будетъ вывести и объ Ирландцахъ, Нѣмцахъ, Римлянахъ, о Петрѣ Ломбардѣ, Альбертѣ Великомъ и др.

Кромѣ того, что обрядъ причащенія подъ двумя видами несколько не относится къ св. Меѳодію, никакъ не вьжется съ „православнымъ крещеніемъ Чеховъ“, — существованіе его въ Чехіи послѣ отнятія чаши у мирянъ на Латеранскомъ соборѣ не можетъ свидѣтельствовать о православной оппозиціи народа чешскаго католицизму, потому что и въ другихъ странахъ существовалъ обрядъ этотъ послѣ соборныхъ опредѣленій, и существовалъ значительно долѣе, чѣмъ въ Чехіи. Мы уже упоминали, что нѣкоторые почтенные доктора западной церкви и послѣ Латеранскаго собора сознавали необходи-

¹⁾ Ср. *Guericke* Kirchengesch. 11 Band, 202—204 p. и *Gieseler*, Kircheng. ^{11/2} 440—444 p. 11 п. У *Gieseler* очень подробно изложено весь этотъ вопросъ.

²⁾ *Gieseler*, *ibid.*

мость причащенія подъ обоими видами. Этѣхъ людей, за нихъ частныя мнѣнія, не называли въ западной церкви ни еретиками, ни схизматиками, зараженными греческою ересью. Это, понятно, потому, что еще далеко не вошло въ теорію и практику нововведеніе римской церкви ¹⁾. Не одни только частныя голоса защищали обрядъ причащенія подъ обоими видами послѣ собора. Можно указать на цѣлыя учрежденія, защищавшія и державшія этотъ обрядъ, несмотря на папское запрещеніе, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, гораздо дольше Чеховъ. Напримеръ, нѣкоторые монастыри Цистерціанскаго ордена держались причащенія подъ обоими видами въ XIV и даже до XVI вѣка ²⁾. Наконецъ, если эти примѣры не убѣдительно, можно указать на цѣлыя области, частныя церкви, которыя точно также, не смотря на опредѣленія Латеранскаго собора и опредѣленія папъ, на своихъ областныхъ соборахъ утверждали причащеніе подъ двумя видами ³⁾. Всѣ эти лица, всѣ учрежденія и области не имѣли никакого отношенія къ греческой церкви, къ православію; если же выражали несогласіе съ западною римскою церковью, то только потому, что это опредѣленіе еще не вошло во всеобщее употребленіе, какъ новое, не было освящено многовѣковою практикою, — ему противорѣчили голоса многихъ знаменитыхъ и уважаемыхъ на западѣ ученыхъ и т. д. Зачѣмъ же видѣвать тождественныя явленія въ Чехіи, приписывать для нихъ особенныя, специально-чешскія причины, и выводить слѣдствія такія, которыя не выводимъ изъ явленій тождественныхъ въ другихъ странахъ?

Точно то же должны сказать мы и о причащеніи младенцевъ. Г. Гильфердингъ говоритъ, что это „важный историческій признакъ“ православія чешскаго народа, что этотъ обрядъ могъ только сохраниться преданіемъ и пр. Мы этого ничего не видимъ; фактъ точно такъ же относится къ Чехіи, какъ и къ другимъ западнымъ католическимъ странамъ. Причащеніе малыхъ дѣтей въ западной церкви до конца XII вѣка было всеобщимъ. И въ XIII и XIV и XV

¹⁾ Теоретическое оправданіе отнятія чаши у мирянъ главнымъ образомъ представили *Томас Аквинатъ* и *Бонавентура*, — они умерли въ концѣ XIII вѣка.

²⁾ *Gieselер*, *Kircheng.* 447 p. 13 not.

³⁾ *Gieselер*, *ibid*, приводитъ такого рода опредѣленія одного изъ областныхъ британскихъ соборовъ 1220 г., см. 442 p. 11 not. и потомъ другаго 1287 г. — 446. 13 not.

вѣкахъ оно сохранилось не въ одной только Чехіи, но и въ другихъ странахъ католическаго міра ¹⁾).

Изъ всего сказаннаго нами само собою вытекають слѣдующіе выводы: 1) Въ XI вѣкѣ обрядъ славянскій при богослуженіи окончательно уступилъ въ Чехіи мѣсто обряду латинскому. 2) Сильныя политическія и церковныя обстоятельства постоянно болѣе и болѣе приближали Чехію къ католицизму. 3) Переходъ отъ обряда славянскаго къ латинскому, отъ православія въ католицизму совершился легко вслѣдствіе того, что а) Чехи, принявшіе крещеніе отъ славянскихъ проповѣдниковъ, не имѣли никакихъ причинъ не только ненавидѣть католицизмъ, но даже не подчиняться власти римскаго первосвященника; б) большая часть Чеховъ была крещена послѣ Боривоя латинскими миссіонерами. 4) Категорическое положеніе о „православіи“ чешскаго народа, о сохраненіи имъ православныхъ преданій изъ вѣка въ вѣка ничѣмъ не доказано; факты, приводимые въ доказательство этого: или а) свидѣтельствуютъ только о томъ, что у Чеховъ было когда-то богослуженіе на народномъ языкѣ (что не требуетъ доказательствъ), или б) они слишкомъ общи и несправедливо прилагаются къ одной Чехіи (безбрачіе духовенства, евхаристія, распространеніе Коттаръ и Вальденцевъ), или с) несправедливо поняты и истолкованы произвольно (основаніе Эмматскаго монастыря), или д) извлечены изъ писателей несовременныхъ, жившихъ послѣ событій спустя пять-шесть вѣковъ (А. Коменскій, Странскій) и потому не имѣютъ достовѣрныхъ. 5) Вообще нѣтъ свидѣтельствъ, чтобы Чехи ненавидѣли католицизмъ и вели противъ него оппозицію въ пользу православія.

¹⁾ *Gieseler*, *ibid.* 438 p. 9 not.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1876.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СLXXXVI

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая, д. № 49—2).

1876.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра на
роднаго просвѣщенія за 1874 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Матеріалы для исторіи столпаваго собора. II. Жданова.

О „Римской исторіи“ Роллена въ переводѣ
Тредіаковскаго . . . . . А. Круглаго.

Причины и характеръ Чешскаго религіоз-
наго движенія . . . . . II. Васильева.

Замѣтки объ учебныхъ пособіяхъ для ре-
альныхъ училищъ министерства на-
роднаго просвѣщенія . . . . . В. Эвальда.

Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1875 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заве-
деній: а) низшія училища.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л—ра.

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕРЪ ЧЕШСКАГО РЕЛИГИОЗНАГО ДВИЖЕНІЯ ¹⁾.

(Историко-критическіе этюды).

II.

Предшественники Гуса.

Теперь мы должны отвѣтить на предложенный нами въ предыдущей статьѣ вопросъ: чего хотѣли, къ чему стремились предшественники Гуса? Каковъ характеръ чешскаго религіознаго движенія былъ до Гуса, при его предшественникахъ и учителяхъ? Этотъ вопросъ слишкомъ важенъ для уясненія всего чешскаго религіознаго движенія; рѣшая его такъ или иначе, мы устанавливаемъ такой или иной взглядъ на религіозное движеніе у Чеховъ и на характеръ дѣятельности Гуса. М. Флацій, Вальбинъ, Страпскій, Коменскій, г. Новиковъ и всѣ русскіе ученые, писавшіе объ этомъ предметѣ,—католики-нѣмцы, не расположенные къ Гусу, какъ Гёфлеръ, Фридрихъ, Гефелъ и нѣмцы-протестанты, благосклонные къ Гусу, какъ Исандеръ и Гизлеръ, Бѳрингеръ и Крюммель, Червенка (Чехъ по происхожденію) и др.,—признаютъ нѣкоторыхъ дѣятелей предшественниками Гуса, связываютъ движеніе XV вѣка при Гусѣ съ движеніемъ XIV при Миличѣ, Мато. Яновскомъ и друг., признаютъ за тѣмъ и другимъ изъ нихъ, въ общемъ, единство характера ²⁾. Но каждый

---

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Народн. Просв.* за іюль 1876 г.

²⁾ О предшественникахъ Гуса упоминаютъ: *M. Flacius* (Cathalogus test. vegetatis); *Bohusl. Balbinus* (Epitome rer. Bohemicar.;—Mescolan. histor. regu. Boh.; здѣсь довольно подробно разказана жизнь Милича); *Am. Comenius* (Hist. pers. sarr. VI—VII, и *Histor. fratrum bohem.*, p. 6); *Страпскій* (уже цитованная нами VI сар.). Эти два писателя представляютъ предшественниковъ Гуса носителями и выразителями народныхъ православныхъ преданій. Вслѣдъ за ними

изъ названныхъ ученыхъ, сообразно своему взгляду и направленію, на предшественниковъ Гуса смотритъ различно. Одни видятъ въ нихъ носителей православныхъ началъ, хранителей и выразителей древнихъ преданій народа чешскаго; другіе называютъ ихъ агитаторами, зараженными, уже начавшимся въ ихъ время, еретическимъ антиерархическимъ направленіемъ; третьи (писатели-протестанты)— видятъ въ нихъ, правда, людей оппозиціи противъ католицизма, но причины этой оппозиціи ищутъ не въ „воздѣйствіи православнаго византійскаго начала“, не въ однихъ только чисто-свѣтскихъ, національно-чешскихъ, анти-нѣмецкихъ стремленіяхъ, но въ обще-европейскомъ, историческомъ развитіи реформаціонныхъ идей. Съ этой точки зрѣнія, предшественники Гуса являются выразителями, уже созрѣвавшего вездѣ въ лучшихъ умахъ запада, недовольства католицизмомъ. Они слабо, отрывочно выражаютъ то, что впоследствии, нѣсколько вѣковъ спустя, ясно и высказали Мартинъ Лютеръ, Иоганнъ Кальвинъ, Цвингли и друг. Съ этой точки зрѣнія, они представляются не частно-спеціально-чешскими дѣятелями, а обще-европейскими, ихъ

выражаютъ ту же мысль: *Красинскій* (Евзв... 42), *Новиковъ* и друг. упоминаемые нами русскіе писатели. Первое критическое и основательное изслѣдованіе о предшественникахъ Гуса мы находимъ у *Палацкаго*: *Gesch. u. Bohem.* III—I, 161—182 и потомъ болѣе и подробнѣе въ его же сочиненіи: *Vorläufer d. Hussitententhums*. Это сочиненіе впервые появилось въ Лейпцигѣ 1846 г. подъ именемъ Иордана, который былъ только издателемъ, какъ свидѣтельствуется объ этомъ самъ Палацкій (въ *Gesch. Hus. und Profes. C. Goffler*); второе изданіе вышло уже въ 1869 г. въ Прагѣ подъ именемъ Палацкаго. Это лучшее, документальное и безпристрастно-критическое изложеніе дѣла. Авторъ пользовался нигдѣ не напечатанными источниками и далъ въ своемъ сочиненіи большія и въ высшей степени важныя извлеченія изъ этихъ источниковъ. Еще мы должны упомянуть недавно о изданныхъ источникахъ у *Гофлера*—въ *Geschichtsschr. hus. Bewegung*: Обвинительные пункты противъ Копр. Вальдг. и отвѣты его на эти пункты (1865. II, 17—38 pp.) и «Похвальные рѣчи Милачу (*ibid.* 40 p. и далѣе). Далѣе, отпечатанные подъ именемъ Гуса трактаты изъ сочиненія Мо. Иноск. (*Histor. et Monumenta, 1 Hus et Hier. Prag. N. 1175 g. p. 473—627.*—Это указалъ Палацкій). Изъ другихъ соч. объ этомъ предметѣ мы должны прежде всего упомянуть *Неандера* (*Kirchengesch. IX. p. 221—299*; авторъ заботливо собралъ все отпечатанное, вездѣ принявъ во вниманіе указанія Палацкаго); *Гизелера* (*Kirchengesch. 11—3, p. 323—333*, пользовался главнымъ образомъ Палацкимъ); *Вѣрммера* (подробно изложилъ дѣло по Неандеру и Палацкому 11—IV. 2, p. 1—104), *Освенка* (*Gesch. ewang. Kirch. in Bohm. p. 40—51*), *Hoffler* (*Prolegomena къ Consil. Prag. p. XXI и далѣе*).

дѣятельность вытекаетъ изъ того же источника, изъ какого вытекла дѣятельность подобныхъ имъ мужей англійскихъ, нѣмецкихъ и вливается въ одинъ общій потокъ, называемый реформаціею.

Вотъ предъ нами различные взгляды на представителей чешскаго религіознаго движенія до-гуситской эпохи. Не считаемъ нужнымъ повторять, что для насъ необходимо опредѣлять ясно отношеніе къ этимъ взглядамъ, опредѣлить, что мы признаемъ исторически-справедливымъ, въ чемъ видимъ ошибку или недоразумѣніе. Не опредѣливъ этого, мы не будемъ имѣть права сказать съ увѣренностію, какой характеръ имѣло чешское движеніе, изъ какихъ причинъ оно вытекало. Такого рода пропускъ окажется очень чувствительнымъ и въ послѣдующемъ ходѣ нашего труда, гдѣ намъ пришлось бы дѣлать постоянныя оговорки и отступленія. Кромѣ того, это время — предъ-гуситское, дѣятельность этихъ людей — предшественниковъ Гуса — представляетъ самый лучший и удобнѣйшій случай для наблюденія надъ характеромъ религіознаго движенія Чеховъ. Движеніе еще не осложнилось, какихъ-нибудь постороннихъ причинъ и вліяній мало, и характеръ движенія поэтому выступаетъ предъ наблюдателемъ яснѣе и опредѣленнѣе. Можно, поэтому, присматриваясь къ дѣятельности предшественниковъ Гуса, съ большою увѣренностію сказать, чего хотѣли, къ чему стремились, что выражали собою эти проповѣдники, и потому, что нужно было народною массѣ, любившей и слушающей ихъ. Излагая дѣятельность этихъ людей, мы не будемъ имѣть въ виду цѣлей чисто полемическихъ. Если мы коротко, но осмотрительно, вездѣ обращая вниманіе на извѣстные намъ скудные первоначальные источники, изложимъ означенную эпоху, то само собою устраняются нѣкоторые неправильные выводы и ошибочные факты. Тогда намъ только останется въ двухъ-трехъ словахъ, на основаніи изложеннаго, сказать свое мнѣніе о дѣятельности предшественниковъ Гуса и опредѣлить ихъ характеръ.

Гусъ, какъ всякій значительный историческій дѣятель, имѣетъ своихъ предшественниковъ, высказавшихъ еще прежде него, хотя неполно и неопредѣленно, нѣкоторыя положенія его ученія, и своею дѣятельностію подготавливавшихъ его дѣятельность. Къ числу болѣе видныхъ предшественниковъ Гуса относятъ обыкновенно *Конрада Вальдгаузена* (1369 г.), *Милча изъ Кромжера* (изв. съ 1350, ум. 29-го іюня 1374 г.) и *Матвея изъ Янова* (изв. съ 1342, ум. 30-го ноября 1394 г.). Первымъ по времени изъ названныхъ предшествен-

никовъ Гуса былъ *Конрадъ Вальдгаузенъ*, и поэтому мы съ него начнемъ свой очеркъ ¹⁾).

Годъ рожденія Конрада намъ неизвѣстенъ и нѣтъ, кажется, никакихъ данныхъ, по которымъ можно бы было опредѣлить его. Мѣсто его рожденія была Австрія ²⁾. Онъ былъ каноникомъ Августинскаго ордена, что видно изъ его словъ, изъ преданій о немъ и изъ обвиненій противъ него. Дѣятельность его начинается, вѣроятно, съ 1345 года и продолжается въ Австріи, главнымъ образомъ въ Вѣнѣ, 15 лѣтъ. Послѣ своего посвященія, Конрадъ

¹⁾ Новиковъ и нѣкоторые другіе писатели того же направленія не считаютъ Конрада предшественникомъ Гуса, конечно, на томъ основаніи, что онъ, какъ Нѣмецъ, чужеземецъ, а не Чехъ, не могъ быть носителемъ и выразителемъ православныхъ преданій чешскаго народа и православною оппозицію католицизму. Но мы покажемъ, что дѣятельность и направленіе Конрада Вальдгаузена однородна и ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ дѣятельности и направленія Миллика и Мѣ. Яновскаго. Самъ Мѣ. Яновскій признаетъ дѣятельность Конрада однородною съ дѣятельностію Миллика и этого Чехи ставятъ рядомъ съ Нѣмцемъ Конрадомъ: *Conradus Waldhansen homo utique religiosus et devotus, qui... etc.* (см. *Палацкаго Vorlauffer, у Нсандера* p. 233 not. 3 и у *Верингера*). Коменскій, Странскій и нѣкоторые другіе изъ поменованныхъ выше древнихъ писателей не упоминаютъ Конрада. Это никомъ образомъ не подтверждаетъ мысли г. Новикова и объясняется очень просто: всѣ знали, что какой-то Конрадъ былъ важнымъ дѣятелемъ прежде Гуса, но смѣшивали его по недоразумѣнію съ совершенно другою личностію, Штекну (Штегна жилъ около 1400 года, а Конр. Вальдг. умеръ въ 1369 г.). Къ этому смѣшенію и недоразумѣнію подалъ поводъ Кохлей (*Hist. Hussit. 1549 г. fol. 1. 42*). Въ названномъ сочиненіи онъ привелъ письмо пражскаго богослова Андрея изъ Чешскаго Ірода, который, желая доказать, что Гусъ отлученъ отъ церкви не за то, что облачалъ пороки духовенства, а за распространеніе Виклеовыхъ ересей, говоритъ: *Nam et antiquis temporibus Militius, Conradus, Sczeckna et alii quam plurimi contra clericos praedica-verunt, nullas tamen propter hoc excommunicationis fuit sententiae subditus.* Въ этомъ мѣстѣ Конр. и Штегна, не отдѣленные запятою, могли быть сочтены за одно имя. Такимъ образомъ позднѣйшіе писатели изъ двухъ лицъ: августинскаго монаха, Нѣмца Конр. Вальдг. и Яна Штегны-Чеха сдѣлали одну личность: Конрада Штегну. До изслѣдованій Палацкаго, всѣ (Коменскій, Странскій, Весенбергъ и друг.) говорили о Конрадѣ Штегнѣ; послѣ изслѣдованій Палацкаго, Гизлеръ, — во второмъ изданіи, Нсандеръ и друг. исправили эту ошибку, которая теперь уже встрѣчается у очень немногихъ, напримѣръ у Риттера, *Kirchen-gesch. 11. 108.*

²⁾ Въ этомъ, какъ видно изъ изслѣдованій Палацкаго, согласны всѣ древнѣйшія извѣстія. Палацкій приводитъ слова Бальбина (*Conradus ab Austria*) и современника Конрадова, Венста Крабица изъ Вейтмилла (*natione ab Austria*).

былъ въ Римѣ во время юбилея ¹⁾. Можно думать, что позорная торговля Римской курии уже въ это время произвела на него впечатлѣніе и тамъ уже опредѣлился характеръ его будущей проповѣднической дѣятельности. Конрадъ былъ въ Австріи, вѣроятно, извѣстнымъ и знаменитымъ. Онъ проповѣдовалъ тамъ много разъ предъ герцогами и многочисленнымъ стеченіемъ народа. Императоръ Карлъ IV, желая отвсюду собирать въ свою любимую Прагу все лучшее, пригласилъ его къ своему двору, чрезъ посредство Розенберга, и далъ ему, съ согласіемъ арх. Эрнеста, Лейтмерицкій приходъ въ 1360 или 1362 г. ²⁾. Съ прибытіемъ Конрада въ Богемію и начинается его особенная извѣстность, особенно плодотворная проповѣдническая дѣятельность. Хотя первоначальнымъ мѣстомъ его проповѣди былъ Лейтмерицкій приходъ, но онъ скоро, конечно по желанію властей духовныхъ и свѣтскихъ, появляется въ Прагѣ и здѣсь проповѣдуетъ предъ многими тысячами народа. Обычнымъ мѣстомъ его проповѣди была церковь св. Галла и не церковь собственно, а площадь предъ оною, потому что множество жаждавшихъ слышать слово краснорѣчиваго проповѣдника не могло найти мѣста въ церкви ³⁾. Изъ этого уже видно, какъ много былъ уважаемъ Конрадъ не только духовными и свѣтскими властями, которые его вызвали съ родины, но даже и народомъ. Историкъ, для того, чтобы составить

¹⁾ Это видно изъ словъ самого Конрада. Въ отвѣтъ своемъ монахамъ на обвинительные пункты онъ, пародируя слова книжниковъ и фарисеевъ, обвинившихъ Иисуса Христа въ соблазнѣ народа, говоритъ: *Communiter populum docens per universum etc.* см. *Neander* p. 234.

²⁾ На эти годы Палацкій указываетъ, основываясь на словахъ самого Конрада. Опровергая обвиненіе, будто онъ незаконно владѣетъ имуществомъ, Конрадъ говоритъ, что онъ владѣетъ только имѣніемъ церкви, которую ему поручилъ императоръ (Карлъ), «хотя онъ меня никогда не видалъ (говоритъ Конрадъ), потому что въ первый годъ моей проповѣди его (Карла) не было въ Прагѣ». Продолжительныхъ отсутствій изъ Праги императора Палацкій знаетъ два: отъ августа 1360 до мая 1361, отъ октября 1362 до мая 1363. Такимъ образомъ годъ прибытія Конрада ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть далѣе 1363 г. (Vorl. 6). Принимая во вниманіе, что Конрадъ, какъ мы выше допустили, началъ свою проповѣдническую дѣятельность съ 1345 года и проповѣдывалъ въ Австріи 15 лѣтъ, можно признать, что онъ явился въ Богемію въ первый промежутокъ времени отъ августа 1360 года до мая 1361 года. *Böhlinger* относитъ это къ зимѣ 1360 года, II—IV. 2, 2.

³⁾ Объ этомъ мы знаемъ изъ словъ самого Конрада: *quasi per annum continuatum, говоритъ онъ, praedicavi juxta ecclesiam S. Galli in foro coram omni populo, quia in ecclesia, licet magna, locum habere non potuit.*—*Палацкій* Vorläuf. 6.

себѣ понятіе о народѣ, положеніи дѣлъ и броженіи умовъ въ извѣстную эпоху, ближайшее знакомство съ такими любимцами народа даетъ богатый матеріалъ для характеристики эпохи. Какой же былъ характеръ проповѣди Конрада? что вынесли отъ него тѣ многіи тысячи народа, которыя собирались на площадѣхъ церкви св. Галла? Главный характеръ проповѣди Конрада былъ обличительный. Онъ самъ говорилъ, что главнымъ дѣломъ его было обличеніе Пражанъ, — ихъ гордости, жадности и роскоши. Проповѣдникъ видѣлъ роскошь, михоимство, тщеславіе; и противъ этихъ-то пороковъ, особенно развитыхъ въ большомъ городѣ, столицѣ имперіи, онъ направилъ сначала свое краснорѣчивое обличеніе. И слово проповѣдника не было безплодно: ростовщики нерѣдко оставляли свой промыселъ и употребляли на благотворительность не честно приобрѣтенное богатство; молодые, легкомысленные люди становились серьезными и благочестивыми; женщины бросали свои роскошныя и дорогія одежды.

Не только христіане были глубоко взволнованы проповѣдями Конрада, но даже и евреи. Въ народнои толгѣ предъ церковію св. Галла часто можно было видѣть евреевъ — женъ и мужей — съ жадностію слушающихъ обличенія и назиданія. Въ то время религіозной нетерпимости, когда служители христіанства, считали нравственною обязанностію избивать этотъ отверженный народъ, конечно, не могли лагосклонно отнестись къ этому доброму стремленію еврейскаго люда — слушатели Конрада. Они запрещали евреямъ присутствовать при проповѣдяхъ его. Но самъ онъ былъ далекъ отъ фанатическихъ увлеченій и не могъ одобрить этого въ слушателяхъ своихъ. Увѣдомленный о томъ, что евреи часто присутствуютъ при проповѣдяхъ его, онъ умоляетъ слушателей своихъ не препятствовать Евреямъ слушать его назиданія. „Я слышалъ, говоритъ онъ, что многіе изъ васъ хотѣли удалить отъ моихъ проповѣдей Іудеевъ, которые внимательно снѣ слушали; прошу васъ не дѣлать этого впередъ; потому что приближается день суда, предъ которымъ, по словамъ Исая пророка, вси люди къ истинѣ обратятся. Можетъ быть, будутъ благодатию Божіею обращены нѣкоторые изъ нихъ“. Какъ примѣръ такой силы благодати онъ указываетъ на Сланка, одного изъ легкомысленныхъ молодыхъ людей, вліяніемъ Конрада обращеннаго на путь истины. Какъ обличитель народныхъ пороковъ, какъ проповѣдникъ нравственности, онъ оправдъ принесъ не мало пользы. Онъ приобрѣлъ такое вліяніе на народъ, что даже удивлялся этому самъ: „почему народъ показываетъ къю любовь и преданность ко мнѣ, не смотря на то, что я непре-

станно обличаю его? Нищіе-монахи поступаютъ иначе, они льстятъ народу и церкви ихъ остаются пустыми¹⁾.

Это только одна сторона дѣятельности Конрада. Гораздо важнѣе для реформы была проповѣдь его противъ средневѣковаго суевѣрія и особенно противъ монашества, въ которомъ онъ видѣлъ главную поддержку для народнаго суевѣрія. Проповѣдникъ чистой нравственности, и искренней, а не видимой только и ханжеской религіозности, не могъ не замѣтить всѣхъ неправдъ многообразныхъ монашескихъ орденовъ. Онъ видѣлъ вліяніе монаховъ на народную нравственность, на извращеніе религіознаго чувства народа и не могъ молчать объ этомъ. Этотъ ревностный проповѣдникъ не хотѣлъ самъ затронуть въ своихъ рѣчахъ монашество и старался обратить вниманіе властей на безпорядки монаховъ. чтобы сами власти приняли надлежащія мѣры къ исправленію. Онъ сначала увѣщевалъ знаменитаго арх. Эрнеста обратить вниманіе на монастыри, но архимандритъ не могъ этого сдѣлать, потому что бѣольшая часть монастырей изъята была изъ его непосредственнаго начальства. Послѣ этого уже Конрадъ, для предупрежденія христіанъ, началъ проповѣдь противъ монаховъ²⁾. Первая проповѣдь противъ монаховъ была произнесена имъ въ 1363 г. Монахи еще и прежде враждовали противъ него уже за одно то, что ихъ церкви были пусты. Но теперь, когда онъ открыто выступилъ противъ нихъ, они постарались принять дѣятельныя мѣры къ усмиренію строптиваго проповѣдника. Соединились противъ него монахи различныхъ орденовъ, прежде постоянно враждовавшіе другъ съ другомъ. Воспользовавшись пребываніемъ въ Прагѣ генерала доминиканскаго ордена, который при этомъ былъ и папскій легатъ, они подали арх. Эрнесту на Конрада жалобу. Архимандритъ назначилъ судебный допросъ и призывалъ обвинителей къ себѣ, но никто не явился. Это увеличило смѣлость проповѣдника и онъ вздумалъ было во время пребыванія въ Прагѣ герцога Австрійскаго Рудольфа въ маѣ 1364 года, свою распрю съ монахами сдѣлать предметомъ проповѣди, и уклонился отъ своего намѣренія только потому, что боялся раздражить народъ противъ монаховъ. Герцогу, узнавъ всю цѣну

¹⁾ Palacky, Gesch. III—I; 162.

²⁾ Известія объ этомъ мы находимъ въ словахъ самого Конрада—*Cum maximam fieri animarum stragem pravitate simoniae in civitate Pragensi non ignorarem, contra ejusdem haereticæ pravitatis fautores ferventius exacui stimulum verbi Dei, domino archiepiscopo prius id ipsum significato, quod talibus, ne fierent, remedium adhiberet opportunum. Qui respondit.... etc. См. Vorläufer.*

Конрада, просилъ его ѣхать въ Вѣну, но онъ отказался. Борьба Конрада этимъ не кончилась. Монахамъ невыгодно было оставлять въ покоѣ такого опаснаго соперника и, немного спустя, они опять явились предъ властями съ обвиненіями противъ него. Доминиканцы представили 18 обвинительныхъ пунктовъ, а Августинцы 6. Они обвиняли Конрада въ отступничествѣ отъ ордена, въ порицаніи монашеской жизни и монаховъ, въ возбужденіи противъ нихъ народа etc. ¹⁾

Что же Конрадъ высказалъ противъ монашества? Онъ, прежде всего и главнымъ образомъ, конечно, обратилъ вниманіе на многочисленные злоупотребленія, которыя оно распространяло. Предъ глазами его носился образъ чистаго монашества, представителями котораго были древніе, благочестивые учредители монашескаго общежитія; и когда онъ сравнилъ съ этими великими образцами ихъ мнимыхъ послѣдователей, то призналъ, что монашество выродилось и уклонилось отъ своего истиннаго образца. Въ самомъ дѣлѣ, — въ главномъ обѣтѣ монашества поставлена была бѣдность, но жизнь такъ называемыхъ нищенствующихъ монаховъ представляла совершенно противоположное ему явленіе.

---

¹⁾ Вотъ нѣкоторыя болѣе важныя изъ этихъ обвиненій: 1) Конрадъ говорилъ, что нищенствующее монашество не ведетъ къ святости. 2) Что были сожжены Римскою курією много Августинскихъ монаховъ за то, что они проповѣдывали, что Христосъ нищенствовалъ. 3) Онъ нѣкоторыхъ изъ братьевъ названнаго ордена обвинялъ въ симоніи. 4) Нѣкоторыхъ братьевъ того же ордена соблазнилъ къ отступничеству. 5) Своими проповѣдями онъ всѣми возможными средствами разоряетъ предписанный сынамъ Христа миръ; а потому ясно, что онъ говорилъ не отъ духа Христова. 6) Онъ отступникъ отъ Августинскаго ордена, — такъ какъ противъ своихъ обѣтовъ и вопреки правиламъ св. Августина, принялъ не принадлежащій его монастырю приходъ и владѣетъ нѣкоторыми отобранными отъ его ордена имуществами.—Другія обвиненія еще менѣе важны, напримѣръ: 1) онъ говорилъ противъ симоніи и въ то же время проклиналъ тѣхъ, которые отдають своихъ дѣтей въ монашество и равно тѣхъ, которые принимаютъ ихъ; 2) утверждалъ, что никто во всей Прагѣ не проповѣдуетъ слово *Воміе*, какъ должно. Многіе изъ монашествующихъ совершенно не могутъ проповѣдывать, потому что ничему не учились; другіе, правда, могли бы проповѣдывать но не дѣлають этого, боясь умалить свое отрощенное въ молчаніи брюхо. 3) Онъ говорилъ, что нѣтъ между монахами такихъ достоуважаемыхъ мужей, какъ въ прежнія времена, потому что теперь монахи очень любятъ пьянство; 4) говорилъ: давайте бѣднымъ, а не монахамъ,—они здоровы, жирны и имѣють болѣе, чѣмъ сколько имъ нужно имѣть; 5) въ день св. Варвары сказалъ, что глава св. Варвары находится въ Пруссіи, а не въ Прагѣ etc.

Онъ особенно ратовалъ противъ симоніи. Онъ самъ говоритъ, что видѣлъ всю гибель для душъ отъ симоніи и потому изощрялъ противъ нея остріе слова Божія. Симоніею онъ называетъ даже и то, что, по обычаямъ монастырскимъ, требовали нѣкотораго вклада при вступленіи въ братію. Симонію называетъ онъ сресью и притомъ такою, которая гораздо опаснѣе духоборческой. Ересь духоборческая, по его словамъ, духъ Божій желаетъ сдѣлать служебнымъ Богу Отцу и Богу Сыну, а симонія, за деньги, дѣлаетъ его рабомъ человѣческому духу.

Въ своихъ проповѣдяхъ Конрадъ сравниваетъ монаховъ съ ложными пророками, отъ которыхъ предохраняетъ насъ слово Божіе. „Монахи, говоритъ онъ, обольщаютъ часто простодушныхъ видомъ святой бѣдности, личиною лицемѣрной-фарисейской святости. Они свои молитвы усердно возсылаютъ устами, но увы! не сердцемъ; они выманиваютъ у своихъ исповѣдниковъ ихъ имущества, которыми должны бы жить ихъ наслѣдники. Конраду, хорошо знающему съ современною ему монашескою жизнью, конечно, не могло казаться почтеннымъ стремленіе монаховъ вербовать въ свои ряды народъ. И онъ всецѣло вооружается противъ такого стремленія монаховъ и предохраняетъ родителей, чтобы они не слѣдовали ихъ увѣщаніямъ и не посвящали въ ордена еще малолѣтнихъ, даже имѣющихъ только родителей, дѣтей¹⁾. Конрадъ преслѣдуетъ шагъ за шагомъ монашеское высокомеріе и *вездѣ находитъ средства предохранить народъ отъ извращеннаго монашескаго взгляда*. Монахи тщеславились именами основателей ихъ орденовъ и распространяли мнѣніе, что они, монахи, уже потому праведны, что служатъ въ тѣхъ орденахъ, которые основаны святыми. На такія высокомерныя притязанія монаховъ онъ говорилъ то же, что нѣкогда сказалъ Предтеча Христовъ по поводу евократическаго высокомерія Іудеевъ, гордившихся происхожденіемъ отъ Авраама,—что Богъ силенъ воздвигнуть дѣтей Авраама отъ камня. „Никакой монахъ, говоритъ Конрадъ, не долженъ надѣяться на блаженство только потому, что основатель его ордена былъ святой человѣкъ; ужели я смѣю надѣяться на св. Августина, что онъ по своей святости, безъ моихъ собственныхъ добрыхъ дѣлъ, можетъ меня сдѣ-

¹⁾ Противъ этого обычая пишетъ онъ: Quia homines civitatis Pragensis audiebam per praedictos fratres, ut pueri adhuc in ventris matrum existentes suis ordinibus voverent, procurari et nomina sanctorum vel sanctarum sui ordinis nominari quae ne fierent ut potui publice prohibui, nisi si hoc pacto sui primum voluissent hoc votum, cum ad annos discretionis, suo libero arbitrio ratificare. *Neander*, 238 г.

латъ блаженнымъ⁴. Вросивъ въ лицо монаховъ такіи совершенно справедливыя обличенія, Конрадъ опять обращается къ древнимъ благочестивымъ основателямъ орденовъ и отсюда опять извлекаетъ обличеніе для монаховъ. „Еслибы сталъ св. Францискъ обличать дурныя дѣла ихъ (францисканцевъ), они не призвали бы его оспователямъ своего ордена; такъ отгнали они отъ чистоты его учрежденія и древней бѣдности.

Желая, вѣроятно, обратить пародъ къ истинной и разумной благотворительности онъ порицаетъ тѣхъ, которые слишкомъ щедро награждаютъ монаховъ и забываютъ иногда нищихъ. „Всякій здравомыслящій человекъ согласится со мною, говоритъ онъ, что должно давать болѣе бѣднымъ и истиннымъ нищимъ, а не тѣмъ, которые здоровы и сильны“.

Понятное дѣло, что взглядъ Конрада не могъ примириться съ непогочисленными обрядами и обычаями, которые поддерживало для своей пользы, и часто во вредъ чистотѣ вѣры, монашество католическое въ тѣ темныя времена. И, дѣйствительно, мы видимъ, что онъ, даже, можетъ быть, слишкомъ рѣзко, порицаетъ особенную любовь къ реликвіямъ и чудесамъ. За это, впрочемъ, нельзя его осуждать уже потому, что онъ вооружается не противъ самаго догмата, а только противъ злоупотребленій, — противъ ложныхъ чудесъ и реликвій, которыя выдумывали для своей пользы духовные. Конрадъ обличаетъ своихъ современниковъ за то, что они тѣла святыхъ любятъ и почитаютъ болѣе, чѣмъ заслуги ихъ для Царства небеснаго, и совѣтуетъ болѣе обращать вниманіе на добрыя дѣла и на святость¹⁾. Людямъ, приверженнымъ ко внѣшности и обрядности, но не имѣющимъ истиннаго благочестія, онъ повторяетъ слова Христа, сказанныя къ фарисеямъ, которые украшали гробы пророковъ, но своими мыслями нисколько не отличались отъ тѣхъ, которые избивали пророковъ. Такъ Конрадъ бичуетъ современное ему монашество, его раснуцепность, любостыжательность, сомнію и распространеніе губительнаго суевѣрія. Правда, при этомъ онъ не касается еще самаго учрежденія монашества и съ уваженіемъ относится къ знаменитымъ представителямъ его на Западѣ, Берпарду, Франциску и. Въ своей Апологіи онъ самъ

¹⁾ Quod sicut verum est, quod saepe plus diligunt perentia sanctorum corpora, quam emitentur et diligantur propter coeleste regnum ipsorum merita, cum tamen, sancti non fecerint sanctitatem, sed sanctitas sanctos. Unde sanctitas non minus quam sancti esset diligenda. Neander 241.

говорить, что проповѣдывалъ не противъ орденовъ вообще, но только „напрягалъ лукъ слова Божія“ противъ злоупотребленій. Но и вообще, кажется, Конрадъ былъ не высокаго мнѣнія о монашесствѣ и не думалъ за этимъ учрежденіемъ, особенно за нищенствующимъ монашествомъ, признавать высочайшую степень подражанія Христу. Мысль о нищенствѣ Христа, пущенная въ ходъ миноритами, представлялась ему ни на чемъ не основанною и совершенно нелѣбною.

Вслѣдъ за Конрадомъ идетъ природный славянинъ Миличъ. Дѣятельность этого человека была шире дѣятельности Конрада и произвела въ народѣ большее впечатлѣніе, чѣмъ дѣятельность его предшественника. Въ немъ нѣкоторые писатели видятъ сильное проявленіе восточнаго мѣоодіевскаго православія, хотя въ то же время сознаются, что въ извѣстныхъ намъ біографическихъ данныхъ трудно, почти невозможно, замѣтить это ¹⁾. Миличъ ²⁾ родился въ Моравіи, въ мѣстечкѣ Кремжирѣ. Гдѣ Миличъ получилъ первоначальное воспитаніе, достовѣрно неизвѣстно. Можно только сказать, что онъ не обучался въ нѣмецкихъ школахъ—въ Германіи; это видно изъ того, что онъ, какъ извѣстно, до старости не зналъ нѣмецкаго языка. Когда онъ былъ посвященъ въ духовный санъ, — тоже неизвѣстно; но уже въ 1360 до 1362 г. онъ путешествовалъ съ Карломъ по Гер-

¹⁾ «Въ лицѣ Милича православіе сдѣлало огромный шагъ и стало твердою ногою на католической почвѣ доселѣ не тронутой Приги». *Вильбасовъ* XXIII. «Жизнь Милича до того искажена католическимъ писателемъ Вальбиномъ, который умышленно утаиваетъ его православный характеръ, что только ощупью можемъ добраться до истины». *Ibid.* 27 пр. Справедливость или несправедливость этихъ мнѣній можно видѣть изъ короткаго, но, по возможности, точнаго изложенія біографическихъ данныхъ о Миличѣ. То же (что г. Вильбасовъ) говорить: г. *Ловиковъ* (11.250) и *Гильбердингъ* на основаніи уже цитованныхъ нами въ общемъ обзорѣ литературы по этому предмету мѣстъ изъ Коменскаго и Странскаго.

²⁾ «Имя Миличъ личное, данное при крещеніи, и отнюдь не фамильное. Въ современныхъ источникахъ онъ нигдѣ не называется Яномъ, какъ его обыкновенно называютъ новѣйшіе писатели». *Palacky, Vorläufer* 18 — 19 р. ср.; нѣкоторые писатели (*Гизслеръ, Цсандеръ, Вбринеръ, Гахенбахъ* и пр.) приняли это замѣчаніе Палацкаго; другіе (*Гѣфеле, Гэрике, Риттеръ, Курцъ, Везенберъ, даже Томенъ*, иногда гг. *Ловиковъ* и *Вильбасовъ*) величаютъ Милича—Яномъ, какъ это дѣлали Коменскій и Странскій. Признаніе имени Миличъ за фамильное было причиною того недоразумѣнія, что нѣкоторые производили Милича отъ Чешскихъ господъ изъ Миличина, тогда какъ онъ происходилъ отъ бѣдныхъ родителей изъ Моравскаго города Крема или Кремжира.

маніи въ качествѣ его секретаря и тогда уже былъ каноникомъ при церкви св. Вита и архидіакономъ. Въ 1363 г. онъ оставилъ всѣ должности и соединенныя съ ними почести, чтобы, какъ говоритъ Палацкій, въ бѣдности и смиреніи послѣдовать Христу. Въ это время велико уже было уваженіе къ Миличу и онъ успѣлъ выказать себя достойнымъ и дѣятельнымъ духовнымъ лицомъ. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что упоминаемый нами архимандритъ Ернестъ не желалъ отпустить отъ себя Милича и уговаривалъ его остаться при своей должности. „Господинъ Миличъ, сказалъ ему архіепископъ, что лучше можете вы дѣлать какъ не подкрѣплять вашего бѣднаго архимандрита пасти вѣренное ему стадо“. Увѣщанія досточтимаго архіепископа не подѣйствовали на Милича; онъ рѣшился служить Богу и людямъ на другомъ поприщѣ и привелъ въ дѣло свою рѣшимость. Собственно съ этого времени, то-есть съ 1363 г., и начинается историческая жизнь Милича, а также и его религіозно-реформаторская дѣятельность, которая насъ занимаетъ ¹⁾).

Имѣя въ виду служить людямъ проповѣдью слова Божія, Миличъ удаляется изъ Праги въ Пильтенскій округъ, въ маленькій городокъ, чтобы тамъ достойно приготовиться къ этому великому дѣлу. Тамъ, въ продолженіе половины года, въ качествѣ помощника приходскаго священника, онъ беретъ на себя всѣ пастырскія заботы о паствѣ и особенно часто поучаетъ народъ въ проповѣдяхъ своихъ. Но суровый, аскетическій характеръ возрѣнія проповѣдника не даетъ ему покоя и въ этомъ тихомъ уголѣ; при усердныхъ трудахъ пастырскихъ не замолкаетъ въ немъ голосъ самоосужденія, столь сильный у людей, духовному взору которыхъ предносится высокій нравственный идеалъ. Тихая жизнь въ маленькомъ городкѣ, прекрасный садъ приходскаго священника, вся обстановка начала нравиться Миличу. Умѣрились тѣ аскетическіе порывы, тотъ обличительный паеосъ, которымъ постоянно раздражался въ Прагѣ, въ городѣ большомъ и роскошномъ. Въ этомъ примиреніи Миличъ видѣлъ соблазнъ, искушеніе міра и рѣшился, по истеченіи полугода, возвратиться опять въ Прагу ²⁾). Прежній секретарь и придворный возвратился теперь

¹⁾ Реформаторомъ Миличъ, судя по тѣмъ свидѣніямъ, которыми мы имѣемъ о немъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть названъ; въ немъ реформаторскаго мѣнѣе, чѣмъ у Конрада, — но онъ подготовилъ почву для реформации; своею нравственно-обличительною проповѣдью онъ возволновалъ народъ, сдѣлавъ его удобоподвижнымъ и воспримчивымъ.

²⁾ Palacky, Vorläuf. 20.

въ Прагу въ жесткой власяницѣ строгимъ проповѣдникомъ покаяніа, обличителемъ неправды и провозвѣстникомъ наступившихъ для церкви Божіей великихъ искушеній. Сначала въ церкви св. Николая а потомъ у св. Егидія въ пражскомъ замкѣ онъ началъ свою проповѣдь; слушали Его неохотно и даже многіе насмѣшливо отнеслись къ проповѣднику, — по выраженію современнаго описателя жизни его, — *propter incongruentiam vulgaris sermonis* ¹⁾).

Но равнодушіе народа не могло сломить Милича, и скоро труды его увѣнчались рѣдкимъ успѣхомъ. Народъ позабылъ о нескладности его выговора и стекался къ нему толпами, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ къ Конраду. Какъ нѣкогда Конрадъ долженъ былъ проповѣдывать на площади предъ капеллою Галла, потому что и въ этой большой капеллѣ не могли вмѣститься всѣ желавшіе слушать слово его, такъ и теперь Миличъ для того, чтобы удовлетворить потребности народа, долженъ былъ проповѣдывать нѣсколько разъ въ день, — иногда пять разъ. При этомъ нужно замѣтить, что Миличъ проповѣдывалъ предъ самою разнообразною публикою и на различныхъ языкахъ. Сначала онъ, какъ природный Чехъ, проповѣдывалъ на чешскомъ только языкѣ и, слѣдовательно, его проповѣдь была доступна главнымъ образомъ (хотя не исключительно, конечно) лишь чешской части населенія Праги. Но со временемъ, съ умноженіемъ популярности его, умножася и его ревность къ слову Божію. Онъ не хотѣлъ лишиться назиданія и паставленія и нѣмецкую часть жителей Праги (особенно когда умеръ Конрадъ) и въ старости изучилъ нѣмецкій языкъ, чтобы проповѣдывать нѣмцамъ. Не желая оставить и ученыхъ безъ слова назиданія и принимая въ разчетъ ихъ особенныя потребности, онъ проповѣдывалъ для студентовъ и духовныхъ на латинскомъ языкѣ. По истинѣ рѣдкая ревность и въ то же время удивительная сила духа, способная къ такой усиленной работѣ, но за то и плодотворный успѣхъ! Ученѣйшіе люди того времени, говорили „что онъ дѣлаетъ нѣчто такое, чтó выше силъ человѣческихъ“. Такъ выражается его ученикъ и почитатель Мс. Яновскій. Съ мнѣніемъ его о Миличѣ мы познакомимся ниже. Теперь же приведемъ мнѣніе о Миличѣ другаго его ученаго современника, Пражскаго схоластика Адалберта Ранко-

¹⁾ Эту фразу Палацкій толкуеть такимъ образомъ: *Propter incongruentiam vulgaris sermonis, sagt der biograph; wahrscheinlich ist das auf den mährischen Accent zu verstehen, den Milù auch in seinen predigten beibehalten haben dürfte. Palacky, Gesch. I. 125 пр. 127.*

ніуса, который говорилъ, что Миличъ дѣлаетъ въ часъ болѣе, чѣмъ онъ (Ранконіусъ) можетъ сдѣлать въ мѣсяцъ. Такая сила духа, соединенная съ такою ревностію, не могла не произвести чудесъ. И дѣйствительно, по слову Милича, многіе закоренѣлые грѣшники принесли покаяніе, жепщины оставили свои роскошныя одежды, замѣнивъ ихъ простымъ и приличнымъ одѣяніемъ. Усердный почитатель Милича, Матѳей отзывается о дѣятельности его съ какимъ-то особеннымъ воодушевленіемъ, примѣшивая постоянно библейскіе образы и изреченія, самого Милича называетъ Илію и человѣкомъ, одушевленнымъ духомъ Ілии, а дѣло его именуетъ „побораніемъ дракона и жены блудницы“. „Когда онъ (Миличъ) пришелъ въ Прагу, говоритъ Мѳ., въ эту столицу Кесаря и митрополию, которая тогда была чрезвычайно порочна и въ духовномъ отношеніи—истинный Вавилонъ, взялъ онъ дракона и великую блудницу и древнюю мать любодѣянія и поборолъ своимъ мужествомъ, и многихъ порочныхъ своею ревностію и примѣромъ своей святой жизни по образу Христа отъ многихъ сильныхъ и грубыхъ пороковъ отвратилъ“... „О, какъ много пороковъ безбожныхъ предотвращено и побѣждено! Пороки эти, еслибы не пришелъ онъ, безъ сомнѣнія, вопіяли бы громко къ небесамъ и мы уподобились бы Содому и подобно Гоммору погибли бы. Теперь же грубые пороки побѣждены и повержены, а вмѣсто нихъ добродѣтели вкоренились въ сердца учениковъ Христовыхъ, вышпаютъ главу свою и растутъ ежедневно и ежечасно сильнѣе въ числѣ и степени и самъ Іисусъ распятый даетъ имъ преумноженіе“¹⁾. Далѣе Мѳ. въ полномъ воодушевленіи къ своему учителю восклицаетъ: „Я утверждаю, что не въ состояніи разказать даже десятую часть изъ того, что въ очень короткое время пребыванія при немъ видѣлъ своими глазами, слышалъ своими ушами и осязалъ своими руками. Въ этомъ случаѣ совершенно оправдывается на мнѣ общее изреченіе, что изобиліе дѣлъ дѣлаетъ меня немощнымъ описать добродѣтели Милича“²⁾.

Въ дѣятельности Милича чрезвычайно замѣчательно обращеніе имъ къ цѣломудрію непотребныхъ женщинъ и образованіе училища. Бенатка, одна изъ улицъ Праги, вся почти была заселена непотребными домами, — это былъ извѣстный во всей Прагѣ притонъ разврата. Сюда-то Миличъ направилъ свою дѣятельность, и

¹⁾ Palacky, Vorl. 36. Мѳ. Янов. о Миличѣ.

²⁾ Vorl. 34.

здѣсь она, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не осталась безъ плодотворныхъ результатовъ: болѣе чѣмъ 300 лицъ покаались и отстали на всегда отъ своего постыднаго ремесла. Миличъ былъ убѣжденъ, что теперь лежатъ на немъ обязанность поддерживать ихъ на пути добродѣтели, а также доставлять имъ все необходимое для поддержанія жизни. При помощи Карла IV и многихъ господъ, скоро всѣ дома разврата были разрушены и вмѣсто нихъ возвысилась капелла Маріи Магдалины и тутъ же домъ для покаявшихся грѣшницъ. Этотъ домъ, съ того времени Іерусалимомъ названный, сдѣлался прибѣжищемъ другихъ падшихъ, такъ что достопочтенный служитель Христовъ нерѣдко за своимъ столомъ питалъ отъ двухъ до трехъ сотенъ. Вмѣстѣ съ этимъ Миличъ приготовлялъ и для будущаго времени проповѣдниковъ и пастырей. Около него образовался кружокъ молодыхъ клириковъ и студентовъ, дѣлая школа его усердныхъ учениковъ и помощниковъ. Они пользовались его наставленіями, видѣли его пастырскую дѣятельность и такимъ образомъ приготовлялись къ будущему служенію. Всѣ эти люди жили въ одномъ домѣ общемъ, опредѣленномъ особенными правилами жизни, подъ надзоромъ Милича. Онъ заботился и объ ихъ матеріальномъ содержаніи.

Народъ съ особенною любовію слушалъ строгаго проповѣдника-обличителя. Проповѣдь Милича произвела въ Прагѣ благотворное впечатлѣніе, нравы многихъ перемѣнились къ лучшему. Но самъ Миличъ не удовлетворялся ничѣмъ, ни своею дѣятельностію, ни современнымъ положеніемъ дѣлъ. Суровое аскетическое стремленіе постоянно побуждало его искать еще чего-то, идти къ высшей степени нравственнаго совершенства. Вслѣдствіе этого онъ оставляетъ Прагу и удаляется въ монастырское уединеніе. Здѣсь болѣе и болѣе развивается его мрачное настроеніе, въ апокалипсическихъ видѣніяхъ онъ усматриваетъ полное отраженіе современной ему дѣйствительности и опять является въ Прагѣ съ проповѣдію „Антихристъ пришелъ“! Въ этихъ словахъ высказана вполнѣ программа его дѣятельности, его проповѣди. Миличъ, какъ всѣ дѣатели временъ общественнаго разлада, когда уже изжилося старое и не выяснилось еще новое къ современной ему дѣйствительности относится совершенно отрицательно. Современную ему церковь и весь строй жизни онъ осуждаетъ, въ предстанителяхъ церкви и государства видитъ слугъ антихриста ¹⁾).

¹⁾ Онъ называлъ антихристомъ импер. Карла IV и былъ за это заключенъ архіепископомъ въ темницу, но освобожденъ по приказанію императора, кото-

Обличительное настроеніе древнихъ пророковъ, ихъ отношеніе къ церкви іудейской предъ пришествіемъ Христа было родственно духу Милича, и онъ всѣ обличенія пророковъ прилагаетъ къ своимъ современникамъ, къ церкви своего времени и особенно къ служителямъ церкви. „Прежде чрезъ нерадѣніе пастырей опустошена и унижена была синагога, не такъ ли и теперь, по нерадѣнію недостойныхъ пастырей, унижена и опустошена церковь? Теперь церковь въ мирѣ и владѣеть благами міра, но—о горе—она лишена богатствъ духовныхъ! Не изсякла ли въ ней любви?“ Обращаясь взоромъ къ дѣйствительности, Миличъ въ симонѣ, владѣніи богатствами, въ нерадѣніи и высокомеріи пастырей, въ недостаткѣ вѣры и любви видитъ явные, убѣдительные признаки явленія антихриста. Антихристъ уже пришелъ; мерзость запустѣнія уже настала, говоритъ онъ. Проповѣдывать на эту тему Миличъ хочетъ въ самомъ Римѣ, предъ папою. Убѣжденный почему-то, что папа Урбанъ V скоро прибудетъ въ Римъ изъ Авиньона, Миличъ въ сопровожденіи своего любимого ученика Теодориха и другаго клирика отиравается въ нѣкій городъ. Не дождавшись папы, Миличъ прибилъ заявленіе свое къ дверямъ церкви Петра, но проповѣдывать ему не пришлось. Его взяли и посадили въ темницу у францисканцевъ, а Теодориха у доминиканцевъ. Нищенствующіе монахи и другіе враги Милича уже начали распускать въ Прагѣ слухъ, что рѣшено его сжечь. Но слухъ былъ преждевременный. Миличъ, оправданный отъ всѣхъ обвиненій и заслужившій въ Римѣ у вліятельныхъ духовныхъ благосклонность, скоро съ торжествомъ возвратился въ Прагу къ прежней дѣятельности. Въ 1374 г. къ папѣ Григорію XI въ Авиньонѣ отъ пражскаго духовенства посланы были противъ Милича 12 обвинительныхъ пунктовъ¹⁾. Къ пражскому и сосѣднимъ архіепископамъ при-

---

рый не придавъ особеннаго значенія рѣзкой еразъ проповѣдника и до конца жизни выражался о немъ, какъ о «правовѣрномъ, достославномъ и благочестивомъ служителѣ Вошеи».

¹⁾ Обвинительные пункты противъ Милича: 1) Онъ утверждалъ, что въ 1346 г. пришелъ въ міръ антихристъ, не хотѣлъ отказать отъ этого мнѣнія, и былъ за это пражскимъ архіеп. Іоанномъ посаженъ въ тюрьму. 2) Онъ утверждалъ, что всѣ берущіе на откупъ подати прокляты и всѣ покупающіе мѣста и должности и потомъ продающіе ихъ за большую цѣну должны быть извержены изъ церкви и исключены изъ общества вѣрующихъ. 3) Когда священникъ отдастъ въ аренду дома или виноградники, то поступаетъ незаконно, деньги пріобрѣтаемыя такимъ образомъ должно считать лихвою. 4) Каждому христіанину должно еже-

ило грозное посланіе папы, въ которомъ онъ приказывалъ быть внимательными, не допускать лжеученій, даже укорялъ и императора Карла IV за то, что въ его столицѣ есть лжеучители. Въ такихъ обстоятельствахъ Миличъ счелъ за лучшее отправиться въ Авиньонъ и тамъ лично оправдаться предъ папою. Это ему удалось; при дворѣ папскомъ онъ былъ принятъ очень благосклонно; особенно кардиналъ Альбани, не только не думалъ видѣть въ немъ лжеучителя, но даже пригласилъ его къ своему столу, какъ почтеннаго

днвно или, по крайней мѣрѣ, дважды въ недѣлю приступать къ таинству евхаристіи. Вслѣдствіе этой проповѣди нѣкоторые люди впали въ такой соблазнъ, что въ рождественскіе праздники хотѣли причащаться три раза и дѣйствительно причащались. 5) Онъ предписывалъ нѣкоторымъ, въ видѣ эпитиміи, причащаться каждый день, или по крайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю. 6) На томъ мѣстѣ, гдѣ была дѣла блудницъ построилъ церковь, мѣсту этому далъ имя Иерусалима и тамъ устроилъ жилище блудницъ. Этими женщинами онъ измыслилъ особенное отдѣліе—подобное монашескому, самъ сдѣлался ихъ настоятелемъ и держитъ ихъ подъ строжайшимъ надзоромъ, наказывая темничнымъ заключеніемъ и другими особенными эпитиміями за отлученіе даже изъ дома. Онъ этихъ женщинъ допускаетъ ежедневно къ таинству причащенія и утверждаетъ, что онѣ почтеннѣе монахинь. Наконецъ онъ установилъ особенное общество священниковъ, которымъ далъ особенное отдѣліе, новыя правила и назвалъ ихъ канониками жизни апостоловъ (*de vita apostolorum*). 7) Такъ же — капеллу, построенную имъ, онъ желаетъ возвысить на стѣну приходской церкви и уже подаетъ просьбу въ капитулъ о дозволеніи этого. Каноники и капитулъ не согласились на его просьбу, за это онъ возсталъ противъ нихъ и открыто проповѣдывалъ, что у папы, кардиналовъ, епископовъ, прелатовъ, священниковъ, монаховъ и другихъ духовныхъ нѣтъ справедливости и никто изъ нихъ не ведетъ народъ путемъ истинныи только онъ самъ и его послѣдователи проповѣдываютъ истину; прелаты же, и священники совершенно бесполезны и имъ не надо вѣрять. 8) Когда его извѣстили, что онъ, за учрежденіе общества священниковъ и женщинъ, за изобрѣтеніе новыхъ монашескихъ правилъ, противъ опредѣленія канона и особенно противъ буллы папы Іоанна IX «*Sancta Romana*»,—отлученъ, онъ сказалъ, что противъ папскаго отлученія найдетъ защиту у императора. 9) Онъ утверждалъ, что никто не долженъ учиться наукамъ и всякій, изучающій такия, находится въ смертномъ грѣхѣ, и такую проповѣдь такъ возбудилъ народъ, что онъ ненавидитъ студентовъ и считаетъ ихъ еретиками. 10) Онъ очень порицаетъ теперешнюю, приличную одежду женщинъ и даже однажды во время своей проповѣди схватилъ головной уборъ съ одной женщины и предъ всѣмъ народомъ бросилъ его на землю. 11) Для осуществленія своихъ ошибочныхъ плановъ онъ обращается къ мірской, свѣтской снѣдѣ, ищетъ помощи у князей, которыхъ при этомъ возбуждаетъ противъ клира. 12) Онъ и его послѣдователи утверждаютъ, что никто изъ священниковъ не долженъ имѣть собственность, но всѣ должны жить все общимъ. *Vogl.* 40—43. У Палацкаго былъ списокъ этихъ же самыхъ пунктовъ въ другой рукописи.

гости. Тамъ—Миличъ заболѣлъ и умеръ въ 1374 г. Вся Прага, конечно, кромѣ нѣкоторыхъ монаховъ и духовныхъ, съ искреннимъ прискорбіемъ получила вѣсть о кончинѣ любимаго проповѣдника.

Вотъ жизнь и дѣятельность Милича. Изъ представленнаго нами очерка видно, что это былъ такой же обличительный проповѣдникъ какъ Конрадъ, какъ и другіе являшіеся въ различныхъ странахъ предъ замѣною старыхъ формъ жизни новыми¹⁾. Эти люди не могутъ считаться реформаторами въ собственномъ смыслѣ слова, но они истинные предшественники реформаціи. Проповѣдью Конрада и Милича народъ чепскій былъ возбужденъ, порицалъ старое, былъ недоволенъ своими пастырями. Теперь оставалось только лишь формулировать критику стараго порядка вещей, показать начало новаго, лучшаго порядка. Между учениками Милича нашелся такой продолжатель его дѣла — это былъ Матѣй изъ Янова или какъ его привыкли называть Матѣй магистръ Парижскій (*Magister Parisiensis*).

Матѣй былъ природный Чехъ и происходилъ изъ достаточнаго дворянскаго рода. Дни его юности и первоначальнаго воспитанія намъ почти совершенно неизвѣстны. Мы знаемъ только, что личность Милича имѣла на него громадное вліяніе; онъ жилъ при Миличѣ нѣсколько лѣтъ и здѣсь приобрѣлъ направленіе, обуславливавшее его будущую дѣятельность. Еще при жизни Милича Матѣй отправился въ Парижъ, для продолженія образованія въ тамошнемъ знаменитомъ

---

¹⁾ Мы упоминали, что Милича считаютъ представителемъ православной оппозиціи католицизму. Думаемъ, что въ изложенномъ нами обзорѣ нельзя найти подтвержденія этому мнѣнію. Да и вообще въ біографическихъ данныхъ нѣтъ на это никакихъ указаній, какъ сознается даже Новиковъ и друг. Нѣкоторые писатели говорятъ, что православіе Милича можно «отыскать только ощулюю» и прибѣгаютъ для этого къ совершенно произвольнымъ и не на чемъ не основаннымъ догадкамъ. Такъ г. Гильердингъ говоритъ, что Миличъ называлъ Карла IV антихристомъ именно за то, что тотъ сочувствовалъ католицизму — догадка бездоказательная. Г. Новиковъ, желая показать связь Милича съ православною партією въ Чехіи, представляетъ, что онъ бѣжалъ изъ олатиняной Праги именно къ гонимымъ, скрывавшимся вдали отъ Праги любителямъ православія, образовавшимъ уже сплоченную партію и тамъ укрѣпилъ себя для дѣятельности въ пользу православія. Мы выразили уже сомнѣніе въ существованіи такой партіи, но сдѣлаемъ уступку г. Новикову. Положимъ, была опредѣленно организованная партія православныхъ Чеховъ. Откуда же извѣстно, что Миличъ удалился изъ Праги именно для того, чтобы укрѣпить себя въ оппозиціи католицизму? Откуда извѣстно, что онъ былъ въ связи съ этою партією? Этого г. Новиковъ не показываетъ, да и не можетъ показать, потому что нѣтъ нигдѣ свидѣтельствъ на это.

тогда университетъ ¹⁾. Въ Парижѣ Матеей оставался шесть лѣтъ, приобрѣлъ тамъ ученую степень магистра, вслѣдствіе чего, въ современныхъ ему и у послѣдующихъ писателей, онъ гораздо чаще называется— „Матеемъ Парижскимъ“, „Парижскимъ Магистромъ“, чѣмъ собственнымъ именемъ ²⁾.

Не смотря на то, что Матеей пользовался наставленіями Миллича, видѣлъ его самоотверженную дѣятельность, первое время его общественной жизни, можно думать, далеко не выражало собой тѣхъ принциповъ нравственности, которые проповѣдывалъ Милличъ и той строгой морали, которую впослѣдствіи развилъ онъ самъ въ своихъ сочиненіяхъ. Богатство и видное общественное положеніе очень манило къ себѣ Матеея; онъ самъ признается, что стремился къ приобретенію почестей и бенефицій ³⁾. По окончаніи курса наукъ въ Парижѣ, ему желалось приобрести видное мѣсто каноника при Пражскомъ капитулѣ. Такъ какъ при папской централизаціи, всѣ видныя и мало малые важныя мѣста и бенефиціи можно было получать непосредственно отъ папы въ Римѣ, Матеей отправился въ Римъ.хлопоты его тамъ имѣли лучший успѣхъ: 1-го апрѣля 1381 г. онъ приобрѣлъ буллу, въ которой восхвалялась его честность и ученость, и — главное — давалось ему достоинство каноника. Частію эта лестная рекомендація Римской курии, а особенно личныя достоинства Матеея приобрѣли ему вліятельныхъ покровителей и почитателей и общественное положеніе его было очень видное. Архіепископъ Іоаннъ Эпштейнъ опредѣлилъ его къ должности исповѣдника въ соборѣ, которую Матеей удержалъ до самой своей смерти. Матеей пользовался расположеніемъ и уваженіемъ архіепископа, не смотря на то, что въ ученыхъ мнѣніяхъ онъ болѣе держался стороны Пражскаго схоластика и ректора университета Адальберта Ранковича, ученаго противника архіепископа ⁴⁾. Здѣсь мы сообщали только формулярный списокъ Матеея. Жизнь этого человѣка не богата событіями вышними, но за то она отличается особенною полнотою внутренняго содержанія, богатствомъ и разнообразіемъ мысли. Это, конечно, не вполне доступно постороннему наблюдателю; но самъ Матеей даетъ

¹⁾ Palacky, Geschichte III—1, 173.

²⁾ Palacky, Die Vorläufer—48 p.

³⁾ Confiteor quod modico ante fui totus vexatus et obtentus a spiritu Anthi-christi... и далѣе см. De abominatione in loco sancto. У Палацкаго Die Vorläufer—81 p.

⁴⁾ Gesch. von Böhmen. III—1, 174.

нѣсколько чертъ для характеристики своего настроенія. Мы уже привели нѣсколько свидѣтельствъ, первыхъ годахъ его служенія; онъ самъ порицаетъ себя за свои прежнія стремленія: къ почестямъ, бенефиціямъ, богатству. Тогда онъ съ высокоофрїемъ католическаго священника среднихъ вѣковъ относился къ мірянамъ, тогда онъ даже, отступая отъ примѣра Милича, порицалъ стремленіе мірянъ къ частому приятію таинства евхаристіи ¹⁾. Но съ теченіемъ времени это направленіе прошло и уступило мѣсто другому, болѣе истинному. Мы не знаемъ, когда и какъ совершился этотъ переломъ въ душѣ Матоса, но самъ онъ оставилъ намъ свидѣтельство о немъ. „Нѣкогда, говоритъ Матосъ, духъ мой былъ окруженъ, закрытъ какъ бы плотною стѣпою; я думалъ о томъ только, что услаждаетъ взоръ и слухъ, пока не извлекъ меня изъ этого гибельнаго состоянія Господь Іисусъ, какъ горящую головню изъ пламени. Онъ, не смотря на то, что я—пегодный рабъ—противился Ему, спасъ меня отъ огня Содомскаго и ввелъ въ мѣсто раскаянія и униженія. Съ этихъ поръ я впервые сталъ бѣденъ и униженъ,—и съ трепетомъ читалъ слово Божіе. И началъ тогда дивиться мудрости, скрытой въ Писаніи, и тому, какъ точно все исполняется по Писанію, и позналъ я пронасть сатаны и то, что онъ туманомъ затемняетъ очи даже мудрецамъ. Какой-то новый необыкновенно могучій и пріятный (*dulcissimus*) огонь согрѣлъ мое сердце; огонь этотъ горитъ и теперь и воспламеняется по мѣрѣ того, какъ я возношусь въ молитвѣ къ распятому Господу Іисусу, и угасаетъ какъ только я забываю Господа. Тогда дѣлаюсь я слѣпъ и неспособенъ къ добру, пока опять не обращусь всѣмъ сердцемъ съ полнымъ раскаяніемъ ко Христу, истинному врачу и праведному Судіи, Который показываетъ все злое даже до празднаго слова и пустой мысли ²⁾. Послѣ этой-то перемѣны Матосъ въ ученіи и про-

¹⁾ Онъ говорилъ: *taceo super hoc, de invidia et superbia talium, quibus vexantur, cum indignantur de communione frequente a plebejis, quia talibus fui obnoxius similiter, et me ipsum agitatum pluries invidia recognavi, cum similiter talem frequentem communionem sacramenti dissuadebam plebejis; adhuc non eram singulari lumine super hoc de excelso visitatus.*

²⁾ *De sacerdo et mon. carnalium abominatione.* Этотъ отдѣльный трактатъ изъ соч. Мс. *De regulis* былъ изданъ въ XVI в. *Оттономъ Брунсфельскимъ* какъ сочиненіе Гуса; точно также, какъ мы уже упоминали, онъ находится между сочиненіями Гуса и въ Нюрнбер. изд. 1715 г. Это и подало поводъ многимъ приводить названные слова для характеристики Гуса. Неандеръ, поступивъ такимъ образомъ въ 1829 г., послѣ изслѣдованій Палацкаго сдѣлалъ поправку. Но

повѣди своей высказался съ другой стороны. Какъ прежде онъ изъ гордости старался удерживать христіанъ отъ частаго причитія таинства евхаристіи, такъ же усердно теперь онъ началъ проповѣдывать даже о ежедневномъ причащеніи. Какъ прежде самъ обращалъ вниманіе на дѣла виѣшнія, такъ теперь и самъ и другихъ старался привести главнымъ образомъ къ благочестію искреннему. Въ этомъ отношеніи онъ зашелъ столь далеко, что началъ порицать виѣшнее даже въ богослуженіи и церковной практикѣ; между прочимъ почитаніе иконъ и мощей святыхъ ¹⁾. На это не могла не обратить вниманіе духовная власть. Противъ Матѳея на Пражскомъ соборѣ 1389 г. были представлены обвинительные пункты, что онъ совѣтуетъ ежедневное причащеніе, не признаетъ поклоненія иконамъ и мощамъ. Матѳея, въ ученіи своемъ уже положившій нѣкоторыя чисто протестантскія основы, не пошелъ такъ далеко въ практикѣ, не хотѣлъ отдѣлиться отъ Римской церкви ²⁾. Отъ предложенныхъ ему пунктовъ онъ отрекся, исповѣдывалъ вѣру во все, во что вѣруетъ римская церковь ³⁾ и умеръ въ мирѣ съ церковью.

Переходимъ къ книгѣ Матѳея Яновскаго: *De regulis veteris et novi testamenti*. Мы очень ошиблись бы, если бы вздумали считать поименованную книгу обыкновеннымъ трактатомъ средневѣковаго схоластика. Идѣтъ, въ ней мы видимъ подробную критику тѣхъ самыхъ учреждений и того строя жизни, надъ утвержденіемъ которыхъ не мало трудилась схоластика; мы видимъ въ ней новыя начала, несо-

---

далеко не все такъ осмотнительны какъ Неандеръ. Многіе по прежнему характеризуютъ приведенными словами Гуса—между прочимъ г. *Билласова* въ брошюрѣ: *Чехъ Янъ Гусъ*.

¹⁾ Мѳ. въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ ратовалъ противъ злоупотребленій, противъ ложныхъ чудесъ, о которыхъ проповѣдывали монахи и священники, противъ того, что необразованный народъ, по неразумію, относится къ иконамъ «идолопоклоннически»—

²⁾ Эта нерѣшительность, такъ сказать, противорѣчіе себѣ видно очень у Матѳея; такъ онъ порицаетъ тѣхъ, которые выдумываютъ какія-нибудь правила и заповѣди, кромѣ Вибліи, признавая Библию единственно необходимою и полезною, въ тоже время спѣшитъ заботливо прибавить, что онъ уважаетъ и каноны и докторовъ и соборныя опредѣленія. Онъ порицаетъ церковь, клеймитъ ее именемъ «антихристіанства», расходится съ нею во многомъ, прибивая, что не хочетъ ничего сказать противнаго церкви, и если что скажетъ противное, по неразумію или неосмотнительности, проситъ не считать сказаннымъ.

³⁾ Это отреченіе найдено Палацкимъ и издано имъ въ *Documenta*.

гласныя съ средневѣковымъ католицизмомъ. Уже самъ авторъ сознаетъ такой характеръ своего труда и въ предисловіи къ нему даетъ разумѣть, что это далеко не обыкновенный богословскій, схоластическій трактатъ: „Самъ Господь Иисусъ — говоритъ Матеей — научилъ меня написать все, что касается настоящихъ плотскихъ (*carналиумъ*) священниковъ, — все что объясняетъ теперешнее время. Къ какой цѣли приведетъ это, знаетъ одинъ Тотъ, Который опредѣлилъ меня къ писанію. Онъ послалъ духа своего, который влилъ огонь въ кости мои и въ сердце мое и не даетъ мнѣ покоя, пока не открою сыновъ неправды и развращенія и не обнажу скрытый позоръ жены блудницы“ (развращенное церковное общество). Сообразно съ этимъ, какъ увидимъ ниже, Матеей отнесся критически, обличительно ко всему строю современной ему церковной жизни. Но на какомъ основаніи критикуетъ онъ этотъ строй жизни? Гдѣ для него критеріи истины? Въ откровеніяхъ и видѣніяхъ, какъ у средневѣковыхъ и др. мистиковъ и фанатиковъ или въ Библии какъ у реформаторовъ?

Онъ другихъ обвиняетъ за то, что они не держатся всегда и во всемъ писанія. Только въ Библии видитъ онъ источникъ истины, всегда и во всемъ прибѣгаетъ къ ней, во всѣхъ буряхъ и превратностяхъ жизни въ ней находитъ подтвержденіе и утѣшеніе. Есть что-то восторженное въ этомъ восхваленіи Библии — онъ видитъ въ ней добрую мать, которая питаетъ его хлѣбомъ жизни. Довѣряясь только Библии, Матеей объявляетъ, что онъ даже мало обращаетъ вниманія на писанія св. отцовъ, такъ какъ въ Библии есть все необходимое ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Матеей, выясняя принципъ, руководившій имъ въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ, прямо говоритъ, что все написанное имъ онъ получилъ изъ Библии и изъ сравненія настоящаго времени съ временами древними, — первыми временами христіанства ²⁾. Вотъ въ

¹⁾ Quapropter in his scriptis meis per totum usus sum maxime biblia, et modicum de dictis doctorum; tum quia biblia ad omnem considerationem et materiam scribendam semper mihi prompte et capiose occurrit; tum quia ex ipsa et per ejus diviniissimas veritates, *quae sunt lucidae et per se manifestae*, solidius omnes sententiae confirmantur, fundantur stabilius et utilius ruminantur, tum quia ipsa est, quam ad juventute meo adamavi, et sponsam meam, immo matrem pulchrae delectationis et sanctae spei... и проч. *Palacky*, *Gesch. von Böhmen*. III—I X, 101 no 217.

²⁾ Ea vero, quae hic conscribam vel conscripsi, maxime in oratione et per orationem accepi, et intellexi ex lectione bibliae, atque dedeci ex consideratione vigili et sedula eorum, quae in saeculo moderno geruntur, et ex comparatione temporum antiquorum». *Palacky*, *Gesch.* III—I X p. 176 pp. 216. *Die Vorläufer*, p. 61.

короткихъ словахъ принципы и методъ изслѣдованій Матеея. Ясно изъ этого, что не каноническое право, не папскіе декреты, не существующій обычай руководить имъ въ изслѣдованіяхъ.

Такъ дѣйствительно и было. Мы видѣли, что Миличъ и Конрадъ, какъ многіе другіе средневѣковые либералы и сектанты, не признавали правильнымъ современное имъ положеніе дѣлъ, дошли до полного отрицанія, характеристическимъ выраженіемъ котораго можетъ служить проповѣдь объ антихристѣ. Пришелъ антихристъ, соблазняетъ и развращаетъ вѣрныхъ. Такого же взгляда на современную ему католическую церковь держится и Матеей—доказательствомъ того, что онъ вполне отрицаетъ современную ему церковь, служить его проповѣдь объ антихристѣ.

Думаемъ, вполне выяснится практической обличительный характеръ воззрѣнія Матеея на антихриста изъ слѣдующаго краткаго изложенія его ученія объ этомъ предметѣ. Напрасно, говорить онъ, обращаютъ вниманіе на будущее явленіе антихриста и забываютъ о его настоящемъ обнаруженіи. Это хитрость сатаны, который отвлекаетъ вниманіе будущимъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе сдѣять соблазны въ настоящемъ. Уже теперь въ церкви мерзость запусканія, но, чтобы эту мерзость не познали и не открыли люди, сатана выдумываетъ другую, угрожаетъ людямъ въ будущемъ и этимъ приводитъ церковь въ заблужденіе; настоящая мерзость почитается и уважается ¹⁾). Антихристъ будетъ ни Турокъ, ни Іудей, ни свѣтскій тиранъ. Это уже было, — и это не такъ опасно для христіанъ. Чтобы вѣрнѣе соблазнить вѣрныхъ и отвлечь отъ Христа, сатана дѣйствуетъ иначе и болѣе хитро. Антихристъ есть и былъ дурной христіанинъ, извращающій христіанскую жизнь, даже недостойный имени христіанина. Онъ беретъ высочайшее мѣсто въ церкви, пользуется уваженіемъ свѣтскихъ и духовныхъ, умѣетъ подчинить своей власти богатыхъ и мудрыхъ. Всѣми благами Христа—св. писаніемъ, таинствами и вообще всѣмъ назначеннымъ для святости онъ злоупотребляетъ для удовлетворенія своихъ пожеланій; ²⁾). Всякій отрѣшающійся Христа—антихристъ. Христосъ есть сила, мудрость и любовь; всякій, кто въ чемъ нибудь отрѣшается отъ этого, отрѣшается отъ Христа. Кто отвергаетъ силу, мудрость и любовь Божескую, есть антихристъ; антихристъ—это вся-

¹⁾ Palacky, Vorläuf., 74.

²⁾ Neander, p. 250—251.

исполняютъ ихъ волю, занимаются дѣлами свѣтскими, вмѣсто того чтобы право править дѣло своего служенія и наблюдать за дѣятельностію священниковъ и проповѣдниковъ ¹⁾. Далѣе Матѳей осуждаетъ даже и тѣхъ епископовъ и предстоятелей церквей, которые только заботятся о своемъ собственномъ благочестіи и спасеніи и мало обращаютъ вниманія на священниковъ и проповѣдниковъ — своихъ сыновъ; потому что отъ этого происходитъ великій вредъ для души. Порицая различные пороки духовенства — самолюбіе, страсть къ богатству, стремленіе пріобрѣтать бенефиціи, нерадѣніе о паствѣ, Матѳей говоритъ, что народъ не безъ основанія потерялъ уваженіе къ своимъ наставникамъ и пастырямъ ²⁾. Римская средневѣковая централизація не нравится Матѳею потому, что вся власть находится въ рукахъ папы и епископовъ, а отъ священниковъ отобраны даже тѣ дѣла, которыя естественно принадлежать имъ; отъ этого, говоритъ онъ, происходитъ неуваженіе народа къ своимъ пастырямъ ³⁾. Для порядка въ церкви, для спасенія вѣрующихъ, Матѳей признаетъ необходимымъ не наказаніе, отлученіе и интердикты, а истинную проповѣдь слова Божія. Онъ ясно показываетъ, что не смотря на всю нецѣлостность церковнаго устройства того времени, на злоупотребленія папъ и епископовъ, дѣятельностію смиренныхъ проповѣдниковъ еще можетъ быть сохранена вѣра и спасены отъ врага христіанскія души ⁴⁾. Изъ этого видно, какъ справедливо замѣтилъ Неандеръ, что Матѳей о церковномъ устройствѣ и управленіи имѣлъ понятіе отличное отъ средневѣковыхъ догматиковъ и канонистовъ, хотя онъ нигдѣ прямо не критикуетъ власти папской и епископской вообще.

Осужденіе католическихъ средневѣковыхъ злоупотребленій, порядковъ и обычаевъ вызываетъ у Матѳея вопросъ: какъ могли возникнуть такіа злоупотребленія? На чемъ основываются столь неправильныя порядки? Чѣмъ оправдываются такіе нецѣльные обычаи? Въ отвѣтахъ на эти вопросы Матѳей переходитъ отъ критики средневѣковой католической практики къ критикѣ теории. Онъ опровергаетъ справедливость и законность средневѣковыхъ правилъ, средневѣковой морали, постановленій и декретовъ, говоритъ, что они

¹⁾ Die Vorläufer p. 71.

²⁾ Neander p. 258.

³⁾ Die Vorläufer p. 73.

⁴⁾ Neander, p. 260 п. 2.

неприложимы къ жизни, незаконны и только отвлекаютъ народъ отъ исполненія закона Божія. Эти правила и предписанія составляютъ много большихъ книгъ, для изученія которыхъ нужно много времени, труда и не мало денегъ. Какъ можетъ каждый бѣдный священникъ приобрести всѣ декреты и каноны? Пониманіе этихъ книгъ такъ трудно, что человѣкъ хорошихъ способностей едва въ три года можетъ достигнуть того... Какъ же священникъ, постоянно занятый многоразличными заботами, можетъ выбрать время для точнаго изученія всѣхъ этихъ постановленій, чтобы руководиться ими во всѣхъ случаяхъ своей жизни? Каждый приходскій священникъ подъ угрозой анафемы научаетъ и прихожанъ своихъ повиноваться всѣмъ этимъ постановленіямъ и исполнять всѣ многоразличные предписанные въ нихъ обряды и церемоніи. Народъ, изъ боязни отлученія и наказанія, подчиняется приказаніямъ своихъ пастырей ¹⁾; при этомъ онъ обращаетъ все вниманіе на исполненіе обрядовъ и церемоній; духъ закона Божія, сила и истина Писанія для него затемняются и является рабское и фарисейское исполненіе внѣшнихъ дѣлъ. При этомъ законъ Божій у христіанъ остается въ презрѣніи и соблюдаются только заповѣди человѣческія ²⁾. Эти многоразличныя нравственныя правила не достигаютъ своей цѣли, потому что никакой человѣкъ не можетъ придумать правилъ на всѣ частныя случаи. Они вредны потому, что человѣкъ за этимъ разнообразіемъ теряетъ изъ виду главное—заповѣдь Божию и, обращая взоръ свой къ несущественному, внѣшнему, упускаетъ изъ виду внутреннее и существенное. Они необязательны, потому что выдуманы людьми. Самъ Господь Іисусъ Христосъ всѣ заповѣди объединилъ въ одной и сущности всѣхъ заповѣдей поставилъ любовь. Вся жизнь Христа, всѣ его дѣйствія могли служить поводомъ ко многимъ правиламъ, но Онъ и апостолы нашли неудобнымъ утруждать христіанъ обиліемъ заповѣдей и предписаній ³⁾. Для спасенія и для соблюденія закона Божія не надо. Пусть каждый христіанинъ постигнетъ и усвоитъ

¹⁾ *Regulae. Die Vorläufer* p. 69 ср. *Neander* p. 261.

²⁾ *Contemplor, quod hodie sacerdotes et populus minus sciat et observet praecepta Dei sui tremendi, quam mandata et traditiones hominum, et magis timeat et ponderet hujusmodi adinventiones, quam veritatem vitae et caritatem proximorum et quod in talibus observantibus totam constituat justitiam suam et salutem, licet, non habita Jesu crucifici notitia et caritate etc. Gesch. v. Böhm. III — I. p. 177. n. 218.*

³⁾ *Palacky, Die Vorläuf.* 68.

сердцемъ, глубоко, внутренно, единую заповѣдь Божию, духъ закона, заповѣдь любви, и онъ исполнить свободно и непринужденно все необходимое и заповѣданное. Если человѣкъ одушевленъ духомъ Іисуса распятаго, то онъ не требуетъ многихъ заповѣдей и приказаній; самъ духъ Божій ведетъ и учитъ такого всегда и во всемъ, и онъ свободно и непринужденно исполняетъ всякое доброе дѣло, подобно какъ древо доброе само собою приноситъ добрый плодъ ¹⁾.

Такъ какъ многообразныя заповѣди человѣческія нарушаютъ миръ церкви, утруждаютъ людей, чтобы отвлечь ихъ отъ единаго истиннаго закона Божія, то Матеей видитъ въ нихъ дѣло сатаны. Сатана, по хитрости своей, измыслилъ это многообразіе правилъ, чтобы затемнить въ людяхъ истину Писанія, отвлечь отъ закона Божія и направить на неважное и мелочное. Для умирения церкви и для возстановленія ея достоинства, всѣ человѣческія правила и постановленія должно уничтожить ²⁾. Къ этой мысли онъ приходитъ не разъ и доказываетъ, что слово Божіе вполне достаточно ³⁾ для водительства церкви, и не надо никакихъ человѣческихъ правилъ и заповѣдей. Погибнуть, говоритъ онъ, всѣ положенія, церемоніи и правила человѣческія и уже наступило время, когда все *это* *сбудетси* ⁴⁾ и *останетси* единая, святая заповѣдь Божія. Въ этомъ пунктѣ Матеей опять-таки отступаетъ отъ средневѣковаго католицизма и схоластицизма и выставляетъ въ теоріи, можетъ быть, для самого себя незамѣтно, тотъ принципъ, который впоследствии развился въ протестантизмъ.

Точно также и въ ученіи о церкви и ея членахъ онъ удаляется отъ взглядовъ католическихъ и выставляетъ принципъ протестант-

¹⁾ Si vero sunt justi et acti spiritu Jesu crucifici, tunc hi non indigent mandatis et contradictionibus humanis plurificatis, tum quia docet eos et ducit spiritus Dei, tum quia voluntaris et dulciter virtutes et veritates Dei operantur, tamquam bona arbor per se fructus bonos producens, Deo desuper dante. Reg. у Невад. 263. 2 пр.

²⁾ Сказавъ, что выдумали новыя правила и ввели въ церковь вредныя заповѣди, Матеей продолжаетъ: *quapropter apud me decretum habeo, quod ad reformatandam pacem et unionem in universitate christiana expedit omnem plantationem illam eradicare.* Die Vorläufer, p. 69.

³⁾ Sufficiunt (Заковъ и Евангеліе) ad omnem quaestionem dissolvendam et ad omnem causam in foro conscientiae et in foro iudicii discutiendam . . . *ibid.*

⁴⁾ Et puto, quod omnia praenotata opera hominum, ceremoniae et traditiones funditus distruentur et cessabunt et exaltabitur Deus solus et verbum ipsius manebit in aeternum et tempus illud jam instat, in quo illa evanescunt.

скій. Всѣ многообразныя члены церкви связываются, какъ кольца цѣпи одинъ съ другимъ, всѣ они должны жить въ церкви одною общою жизнію въ полномъ единствѣ. Но это единство нельзя понимать, какъ средневѣковое, католическое, теократическое сдѣяство, — т. е. какъ связь внѣшними предписаніями и дисциплиною, гдѣ папа центръ всей церковной жизни. Единство церкви Матеей видятъ во Христѣ, — подателѣ единой истины и жизни. „Иисусъ Христосъ, говоритъ онъ, Самъ со Отцомъ и съ Духомъ обитаетъ въ церкви своей и даже въ каждой малѣйшей части ея, Онъ Самъ цѣлое и части объединяетъ и живетъ, и росту всего цѣлаго, какъ и каждой, даже малѣйшей части споспѣшествуетъ. Самъ Онъ — и духъ и жизнь церкви, которая есть тѣло Его. Онъ есть истинная виноградная лоза, отъ которой всѣ отдѣльныя вѣтви исходятъ и къ которой возвращаются и должны обращаться; никто не можетъ положить для церкви иного основанія“ ¹⁾). Мысль, что Иисусъ Христосъ единая, истинная глава таинственнаго тѣла церкви, что Онъ всегда и во всѣхъ дѣйствуетъ, собою все наполняетъ и содержитъ, — эта мысль глубоко лежитъ въ умѣ Матеея и даетъ направленіе многимъ частнымъ положеніямъ его системы. Онъ всю праведную жизнь христіанъ относитъ непосредственно ко Христу и, исходя изъ этой точки, отвергаетъ всякое чело- вѣческое дѣло — пусть оно будетъ даже доброе, — если только человекъ не былъ воодушевленъ духомъ Христовымъ. Если человекъ въ своей дѣятельности руководится только страхомъ закона, то эта дѣятельность не можетъ быть названа вполне доброю; Матеей уподобляетъ ее праведности книжниковъ и фарисеевъ, которыхъ обличалъ Господь и которымъ онъ предсказывалъ „горе“. О такихъ людяхъ говоритъ Матеей: „они желаютъ пріобрѣсти оправданіе, и думаютъ пріобрѣсти его многими трудами и расходами, и исполненіемъ, даже излишнимъ, всѣхъ предписанныхъ обрядовъ; при всемъ томъ они не воодушевляются духомъ Христа, не видятъ и не знаютъ Его. Такие люди все исполняютъ по буквѣ закона и въ страхѣ предъ закономъ, и далеки отъ истинной христіанской свободы, которую даетъ только духъ Божій. Такимъ образомъ они малымъ чѣмъ отличаются отъ книжниковъ и фарисеевъ древняго народа Еврейскаго, которыхъ обличалъ Господь Иисусъ. Все Писаніе проповѣдуетъ, что одинъ только Иисусъ Христосъ — единственный нашъ искупитель и что всякій получаетъ оправданіе по вѣрѣ въ Него. Къ Нему, къ Его духу долженъ стре-

¹⁾ Neander p. 268.

миться прежде всего тотъ, кто хочетъ оправданія и спасенія, — ибо Онъ одинъ есть путь, истина и животъ. Его одного мы должны выискать и носить въ сердцѣ своемъ, потому что Онъ одинъ искупилъ насъ цѣною крови своей. Наши собственные стремленія къ оправданію и спасенію (безъ Христа) не имѣютъ никакого значенія“.

Опредѣливъ такимъ образомъ дѣятельность духа Божія въ церкви, утвердивъ непосредственное и постоянное личное отношеніе вѣрующихъ ко Христу, Матѳею, какъ мы сказали, устранивъ воззрѣніе католическое, показываетъ, хотя и не вполне опредѣленно, начало протестантское. Точно такъ же онъ поступаетъ и въ понятіи о церкви. Не внѣшняя связь съ Римомъ, не подчиненіе власти папской, не юридическія и дисциплинарныя правила служатъ для него главнымъ признакомъ истинной церкви, а предопредѣленіе, которое многихъ членовъ связываетъ въ единое тѣло Христово: „ecclesia electorum proprie et solum est corpus mysticum Christi“¹⁾.

Понятія о предопредѣленіи и непосредственномъ личномъ отношеніи всякаго христіанина вѣроу ко Христу очень важны въ богословской системѣ и мы не безъ цѣли выставляемъ на видъ, какъ сложились они у Матѳея. Понятія эти въ ихъ развитіи и практическомъ приложеніи въ протестантизмѣ дали основу для новой морали и новаго церковнаго устройства. И у Матѳея изъ этихъ понятій и въ связи съ ними развивается новый, несхожій съ католическимъ взглядъ: Римская церковь признавала отчетъ большое различіе между духовенствомъ и мірянами; духовенство было въ церкви чѣмъ-то въ родѣ аристократіи, міряне чѣмъ-то въ родѣ плебеевъ. Когда же Матѳею призналъ во всей силѣ тотъ принципъ, что всѣ имѣютъ возможность непосредственно относиться ко Христу, что равно для всѣхъ даются благодатные дары духа, то, понятно, онъ долженъ былъ высказать и прямое слѣдствіе этого, что въ церкви Христовой существуетъ полное равенство членовъ и нѣтъ ни аристократіи, ни плебеевъ. „Каждый, говоритъ онъ, имѣетъ все по-

¹⁾ Мы не можемъ сказать съ увѣренностію, какъ ясно и опредѣленно развито у Матѳея понятіе о предопредѣленіи, потому что не встрѣчали полного и опредѣленнаго развитія этого понятія въ изданныхъ сочиненіяхъ его. Не будемъ, думаемъ, съ нашей стороны ошибкою, если мы въ этомъ случаѣ доверимся Неандеру. Онъ, насколько мы замѣтили, на основаніи источниковъ, съ особенною точностію развиваетъ систему Матѳея. Между источниками Неандера были и неизданныя сочиненія Матѳея и въ одномъ мѣстѣ (именно въ настоящемъ случаѣ) онъ даже свѣряетъ изданное и неизданное его сочиненіе *Neander*, p. 271, not. 2.

лезное отъ духа Божія,—каждый есть пресвитеръ". Отвергая утвердившуюся границу между духовенствомъ и мірянами, онъ говоритъ, что даже оскорбительно для вѣрующихъ въ Иисуса Христа называться мірскими и при этомъ приводитъ слова Спасителя: „рожденное отъ духа—духъ". Разсматривая всѣ положенія жизни, Матеей выводитъ заключеніе, что всѣ положенія полезны и равно почетны и ко всѣмъ имъ призвалъ Богъ ¹⁾. Эту равноправность христіанъ Матеей вездѣ преслѣдуетъ съ особенною тщательностію. Какъ онъ отрицаетъ отличіе клира отъ народа, преимущество духовныхъ предъ свѣтскими, точно такъ же онъ отвергаетъ преимущество мужей предъ женами и даже болѣе:—говоритъ, что Богъ въ наказаніе гордости и превозношенія мужчинъ послалъ особенную благодать женамъ ²⁾. Съ точки зрѣнія Матеея ему представлялась странною и несправедливою мысль, что монашество есть высшая степень совершенства и ближайшій путь къ спасенію. Онъ отвергаетъ монашество въ силу своего основнаго принципа о равенствѣ всѣхъ вѣрующихъ, о равныхъ дарахъ благодати людямъ, въ какихъ бы они положеніяхъ ни находились.

Теперь—если мы примемъ во вниманіе, что Матеей, признавая полную равноправность всѣхъ членовъ христіанскаго общества, отвергаетъ преимущества пресвитеровъ и монаховъ предъ свѣтскими людьми, то для насъ будетъ вполне понятно, что онъ не могъ признавать справедливымъ — распоряженія, запрещающаго *частое причащеніе мірянъ*. Что дозволялось пресвитерамъ и другимъ духовнымъ лицамъ, то запрещалось мірянамъ, какъ людямъ низшимъ по жизни и менѣе достойнымъ и способнымъ получать благодатные дары Христа. Эта мысль кажется Матеею ни на чемъ не основанною и въ высшей степени несправедливою. Въ его время былъ затронутъ вопросъ о

¹⁾ Sicut sacerdos psallens et orans atque sacramenta administrans per hoc servit communi domino Jesu Christo et in eo est utilis ecclesiae, ita rusticus orando et sua pecora pascendo manens in communi caritate similiter in eo ipso optime servit Jesu Christo, et est utilis et necessarius ipsius familiae vel ecclesiae sacrosanctae... etc. etc. *Neander* p. 273 n. 1.

²⁾ Sicut nuper de comparatione vivorum in plebe i. e. sacerdotum, et religiosum, et magistrorum atque plebejorum simplicium dictum est, quod puto ob superbiam eorum et hypocrisim, sapientibus et hujus seculi projectis, dominus suam salutem parvulis de plebe eo abundantios revelare et administrare; ita conformiter dicendum est in communi de comparatione et mulierum quo ad copacitatem donorum Jesu Christi. etc. *Die Vorl.* pp. 62—63.

частомъ причащеніи мірянъ ¹⁾), и онъ самъ принялъ въ немъ участіе. Онъ написалъ даже объ этомъ особенный трактатъ, въ которомъ говорилъ: „Величайшую несправедливость предъ Богомъ и Христомъ дѣлаетъ тотъ, кто препятствуетъ другимъ въ частомъ причащеніи тѣла Христова“. Напротивъ, тѣхъ, которые стараются удовлетворить „жаждѣ духовной вѣрующихъ“ (ихъ стремленію къ ежедневному причащенію), онъ восхваляетъ и въ этомъ ихъ дѣйствіи признаетъ „плодъ истинной святой любви“. Можно думать, что Матеей, признавая полное равенство духовныхъ и свѣтскихъ относительно ежедневнаго полученія таинства, проводилъ это равенство и далѣе; *можетъ быть, онъ признавалъ за свѣтскими право причащенія подъ обоими видами*, хотя мы и не имѣемъ на это доказательствъ неопровержимо ясныхъ ²⁾). Теперь, — если объединить раз-

¹⁾ Кромѣ Милича на этомъ настаивали и многіе другіе члены Пражскаго университета какъ-то: Адальбертъ Ранконіусъ, Матей Краконскій.

²⁾ Мы уже прежде замѣтили, что не считаемъ важнымъ вопроса: какъ долго у Чеховъ удержалось причащеніе подъ двумя видами, потому что и положительное рѣшеніе этого вопроса нисколько не можетъ служить доказательствомъ оппозиціи Чеховъ католицизму во имя православныхъ преданій. — Здѣсь находимъ нужнымъ сдѣлать небольшую замѣтку, почему мы не можемъ сказать положительно, что Матеей училъ о необходимости чаши для мірянъ или еще болѣе, — что онъ приобщалъ народъ подъ обоими видами. *Г. Новиковъ* категорически говоритъ: «Ученикъ его (Милича), Матеей изъ Янова... 12 лѣтъ сряду преподаетъ народу тѣло и кровь Христовы» (то есть, причащалъ подъ обоими видами... Гусъ и Лютеръ, II, 250). Точно такъ же категорически какъ г. Новиковъ объ этомъ говорятъ всѣ русскіе, упомянутые нами, писатели и затѣмъ многіе изъ иностранцевъ. (*Цитте, Шрѣбинъ, Везенбергъ, Красинскій, Геррикъ*, который приводитъ при этомъ неправильныя цитаты, и др.) На какомъ же основаніи говорятъ они, что Матеей не только училъ о необходимости чаши, но и преподавалъ народу причащеніе подъ обоими видами? На основаніи А. Коменскаго, который ясно и опредѣленно свидѣтельствуетъ объ этомъ (*Histor. perev. Escl. boh. p. 21 §§ и Histor. frat. boh. p. 6*). Но Ам. Коменскій, какъ писатель своеобразно предубѣжденный и потомъ писавшій спустя два съ половиною вѣка послѣ смерти Матеея, не смотря на свою честность, не можетъ быть авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ, если вѣтъ другихъ древнихъ и опредѣленныхъ доказательствъ его мысли. Гусъ Венцеславъ около 1520 г. писалъ о Матееѣ, что онъ: *multos eruditissimos conscripsit libros, in quibus de communiōne utriusque speciei pluribus egit* (Бальбинъ у Гизлера II. 103. th., p. 333, not. 14). Но такихъ сочиненій Матеея не писалъ, у него нигдѣ не встрѣчается не только спеціально, но даже яснаго и опредѣленнаго доказательства необходимости чаши для мірянъ и даже безпристрастный историкъ, читавшій рукописныя сочиненія Матеея, говоритъ, что онъ нигдѣ ясно не высказывается за чашу (*Palacky*,

личные пункты дѣятельности и ученія Матеея, чтобы составить общую характеристику этого важнаго представителя чешской реформы, то, думаемъ, не будетъ ошибкою высказать слѣдующія положенія: 1) Въ Матееѣ должно видѣть оппонента средневѣковому папству и критика средневѣковыхъ католическихъ учреждений. 2) По общему характеру своей дѣятельности онъ не отличается отъ своихъ предшественниковъ Конрада и Милнича, но далеко превосходитъ ихъ широтою взглядовъ и послѣдовательностію. Ту критику, которую эти люди высказывали только противъ частныхъ сословій или учреждений, онъ распространилъ на всю іерархію, на всю католическую церковь.

Vorl. p. 56).—Словомъ, видно, что Гуситъ Венцеславъ дѣло зналъ неосновательно, по слуху, можетъ быть, онъ слышалъ, что Матеей писалъ: *de communionē sacramenti corporis et sanguinis Christi* и думалъ, что это сочиненіе написано въ защиту чаши, что совершенно несправедливо. Будемъ искать другихъ доказательствъ, болѣе дѣльных. Есть одно, могущее подтвердить мнѣніе Ам. Коменскаго, именно свидѣтельство утраквиста Рокицана, который какъ близкій по времени къ Матеею могъ знать это дѣло основательно. Рокицанъ, какъ защитнику чаши, выгодно было бы доказать, что Матеей въ Прагѣ училъ о причащеніи подъ обоими видами. Онъ дѣйствительно выразилъ такое мнѣніе на Вацлавскомъ соборѣ, но доказать этого не могъ; въ пунктахъ собора Пражскаго не было упомянуто о причащеніи подъ обоими видами и потому противникъ Рокицана, хотя и зная, что Матеей проповѣдывалъ о таинствѣ Евхаристіи что-то новое, отъ чего отрекся на соборѣ Пражскомъ, но изъ пунктовъ собора никакъ не могъ убѣдиться, чтобы Матеей проповѣдывалъ Евхаристію подъ обоими видами и самъ такъ причащалъ народъ. Не думаемъ, чтобы эти два свидѣтельства вполне подтверждали Ам. Коменскаго, на основаніи котораго такъ категорически заявляютъ свою мысль г. Новяковъ и др. Примемъ еще во вниманіе, что 1) у самого Матеея, въ сочиненіяхъ намъ извѣстныхъ и рукописныхъ (по свидѣтельству Палацкаго *Die Vorläufer* p. 56), нигдѣ не встрѣчается прямого указанія, что чаша необходима народу или опроверженія противоположной этому мысли; правду, Матеей въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о тѣлѣ и крови въ причащеніи, говоритъ и о чашѣ, см. *Böhringer* II—IV. 2 p. 96; *Neudler* IX p. 278, not. 1; p. 295 n. 2 и 3 и *Die Vorläufer* пер. изд. pp. 52, 55, 56, но эти фразы могли быть равно придаваемы и къ католическому способу причащенія, см. *Gieseler* II § 77, not. 12); кромѣ того Матеей не могъ не упоминать о чашѣ, когда цитуетъ при этомъ тѣ мѣста Писанія, гдѣ говорится о хлѣбѣ и винѣ. 2) Нигдѣ въ современныхъ Матеею источникахъ не упоминается объ этомъ, тогда какъ взглядъ его о «частомъ или ежедневномъ причащеніи» намъ извѣстенъ и изъ современныхъ писателей. 3) Въ отреченіи Матеея объ этомъ не говорится ни слова, тогда какъ говорится о ежедневномъ причащеніи (см. *Documenta*), 4) Гуситы во многихъ древнихъ памятникахъ, какъ и въ своей *Apologia verae doctrinae* прямо говорятъ: «*Mag. Sacoellos primus omnium communionem utriusque speciei in Bohemia praedicare coepit.*»

3. Но Матѳей далеко ушелъ отъ этихъ своихъ предшественниковъ въ томъ отношеніи, что колеблеть и критикуеть уже не одни пороки и злоупотребленія, но даже и то, что въ современной ему церкви признавалось истинною нормою и непрекаемымъ законнымъ правиломъ. Отъ осужденія злоупотребленія переходитъ онъ къ критикѣ правила, отъ оппозиціи практикѣ къ оппозиціи теоріи.

4. Нельзя думать, чтобы оппозиціи папству выходила у Матѳея изъ православныхъ греко-восточныхъ или древнихъ православныхъ преданій у Чеховъ, потому что у Матѳея нигдѣ и ни въ чемъ не видно элементовъ православія ¹⁾.

5. У Матѳея не мало положеній и началъ, которые впоследствии (конечно, съ большею чѣмъ у него ясностію, послѣдовательностію и опредѣленностію) развиты были въ протестантизмѣ. Такъ какъ эти положенія и начала внутренно и тѣсно связаны со всею системою, со всѣмъ мировоззрѣніемъ Матѳея, то мы ихъ не имѣемъ права считать въ его системѣ чѣмъ-то случайнымъ.

Теперь изъ изложенныхъ выше фактовъ сдѣлаемъ выводъ о религиозной жизни чешскаго народа въ XIV вѣкѣ во время Карла IV и о представителяхъ религиознаго движенія этого времени вообще.

Ко времени Карла не осталось какихъ-нибудь православныхъ преданій въ чешскомъ народѣ и, слѣдовательно, ими нельзя характеризовать чешскаго религиознаго движенія этого времени, они не могли служить причиною этого движенія. Движеніе это нельзя считать чѣмъ-нибудь специально чешскимъ, потому что и у другихъ народовъ въ это время уже началось въ различныхъ сектахъ или у различныхъ мыслителей нѣчто подобное. Представители чешскаго религиознаго движенія ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ многочисленныхъ оппонентовъ папству въ Западной Европѣ и вопросы, ими поднятые, были точно такъ же поднимасмы и въ другихъ странахъ. Чешская оппозиція католицизму главнымъ образомъ имѣетъ характеръ анти-іерархическій, то есть, въ этомъ отношеніи совершенно подобна вообще всякому реформаторскому движенію; мы можемъ сказать, кажется, съ увѣренностію, что она обусловливалась такими же причинами, которыя приготовили реформацію вообще. Но такъ какъ

¹⁾ Здѣсь считаемъ нужнымъ замѣтить, что ни на чемъ не основано и совершенно несправедливо указаніе нѣкоторыхъ — будто Матѳей высказывалъ сочувствіе греческой церкви. Для объясненія этого вопроса см. слова самого Матѳея о церковной схизмѣ. *Die Vorläufer*, pp. 64—66.

во всякомъ движеніи, кромѣ общихъ причинъ, дѣйствуютъ и частныя, свойственныя только извѣстной мѣстности и извѣстному времени, то мы въ короткихъ словахъ и обозначимъ ихъ у Чеховъ. — Чѣмъ обуславливалась антиіерархическая борьба, изъ которой развилась реформа? что въ Чехіи могло подать поводъ къ движенію?

III.

Условія, подготовившія антиіерархическое движеніе въ Чехіи.

Всѣ многообразныя причины, подготовившія антипапское и вообще антикатолическое движеніе, можно подвести подъ три категоріи: 1) состояніе католическаго духовенства; сословныя и экономическія его привилегіи поселили къ нему холодность въ народѣ, а нравственное состояніе духовенства и его отношеніе къ паствѣ эту холодность довели до презрѣнія и ненависти. 2) Отношенія политическія, т. е. стремленіе народностей къ самостоятельности и желаніе правителей избавиться отъ унижительной и вредной опеки Рима. 3) Отношенія научныя; съ развитіемъ научной критики опредѣлилась формула движенія и его законность. — Мы не желаемъ слѣдить подробно, какъ все это выразилось въ Чехіи; наша обязанность, въ дополненіе къ предыдущимъ положеніямъ, показать фактически, что состояніе духовенства въ Чехіи могло подать поводъ къ протесту и что Чехи были готовы къ нему въ концѣ XIV вѣка.

Мы выше говорили, что христіанская вѣра не скоро вполне и совершенно покорила Чеховъ, что еще въ XI вѣкѣ были остатки язычества и еще дальше продолжалось воздѣйствіе язычества въ религіозныхъ повѣртіяхъ и нравственныхъ отношеніяхъ. Духъ и сущность вѣры не такъ скоро ностигаются народомъ и принимаются имъ, какъ форма и проявленія; народъ пріобрѣтаетъ часто нѣкоторыя новыя привычки, сохраняя въ сущности тотъ же старый характеръ міросозорцанія, не согласный съ этими новыми привычками. Такъ было въ Чехіи: скоро послѣ проповѣди христіанской, когда еще осталась сильная языческая партія, когда духъ и сущность вѣры еще не были усвоены народомъ, внѣшній видъ Чехіи быстро перемѣнился. Скоро вся Чехія была покрыта многочисленными монастырями различныхъ орденовъ, новыя храмы и приходы возникали съ неизвѣстной быстротою; число духовныхъ лицъ было неизвѣстно велико сравнительно съ населеніемъ страны. Кромѣ приходскихъ церквей — съ изряднымъ количествомъ духовныхъ лицъ — возникли соборы и капитулы; все духовенство имѣло значительныя экономическія и гражданскія права

и привилегіи, а представитель духовенства, архіепископъ, по своимъ владѣніямъ, богатствамъ и правамъ, могъ равняться съ значительными германскими князьями и превосходить знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ чешскихъ вельможъ.

Какъ быстро росли въ Чехіи силы духовенства, можетъ показать слѣдующій краткій очеркъ возникновенія и умноженія въ Чехіи монастырей и монашескихъ орденовъ.

Уже въ началѣ XII вѣка мы видимъ въ Чехіи болѣе двадцати монастырей мужскихъ и нѣскольکو женскихъ¹⁾. Съ XII вѣка до самой гуситской эпохи продолжается быстрый и усиленный ростъ этихъ учреждений. Старые ордена приобрѣтаютъ много новыхъ монастырей, обширныя земли и богатныя колоніи, увеличиваютъ и число своихъ членовъ. Но кромѣ старыхъ орденовъ появляются постоянно новыя и въ какія-нибудь двадцать — пятьдесятъ лѣтъ каждый изъ новыхъ орденовъ охватываетъ всю Чехію густою семьей своихъ колоній и монастырей. Какъ на примѣръ такого быстрого распространенія и обогащенія монашескихъ и рыцарскихъ-полумонашескихъ орденовъ, мы укажемъ на Тамплиеровъ — орденъ, недолго существовавшій въ Чехіи и, сравнительно съ другими, менѣе пользовавшійся ея уваженіемъ, менѣе богатый и значительный. Этотъ орденъ появился въ Чехіи въ половинѣ XII вѣка и уничтоженъ въ 1310 г. Такимъ образомъ онъ существовалъ только пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ. По уничтоженіи этого ордена мы знаемъ, что двадцать колоній и мѣстечекъ, принадлежавшихъ Тамплиерамъ, были отобраны въ королевскую камеру... Значительное обогащеніе для такого малаго періода времени! Но нельзя думать, что только эти двадцать поселеній и колоній съ деревнями, домами и храмами составляли все имущество Тамплиеровъ въ Чехіи. Далекое не всѣ имѣнія ихъ попали въ королевскую камеру; много было отдано Іоаннитамъ, много перешло къ различнымъ частнымъ лицамъ²⁾. Въ началѣ XIII вѣка, въ 1233 г., появляются въ Чехіи „Нѣмецкіе рыцари“ и въ короткое время точно также быстро распространяются. Они имѣютъ въ XIII вѣкѣ въ Богеміи *двадцать девять* колоній, изъ коихъ много дворянскихъ замковъ съ большими рощами, нажитыми и

¹⁾ 9 монастырей принадлежатъ ордену бенедиктинскому; 7 — премонстранскому; 4 — цистерціанскому; женскихъ монастырей было не менѣе 4-хъ. См. *Томскъ*, 146—149.

²⁾ См. *Frind*, p. 231—235, 237.

лугами; много деревень, хорошо населенныхъ и обязанныхъ ордену податями и повинностями ¹⁾. Въ томъ же году появляются въ Чехіи „рыцари креста съ красною звѣздою“; они приобрѣтаютъ скоро уваженіе королей и вельможъ, какъ и всѣ другіе монашескіе и рыцарскіе ордена, и мы видимъ ихъ во всѣхъ почти городахъ и важныхъ мѣстечкахъ Чехіи: Прагѣ, Постельбергѣ, Мейсѣ, Мостѣ, Егерѣ, Лейтмерицѣ, Клоутау, Будвейсѣ и т. д. Колоніи ихъ состоятъ изъ богатыхъ замковъ съ обширною поземельною собственностію; къ нѣкоторымъ колоніямъ принадлежатъ по нѣскольку близъ лежащихъ селъ, до *восьми, десяти* и болѣе. Сами рыцари не платятъ казнѣ никакой пошрины, судятъ окрестныхъ жителей, берутъ съ нихъ подати на мостахъ и заставахъ взимать пошрины съ конныхъ и пѣшихъ, за прогонъ скота, за провозъ товаровъ и т. п. ²⁾.

Нищенствующіе монахи, доминиканцы и францисканцы, съ самаго утвержденія ихъ орденовъ приобрѣтаютъ въ Чехіи особенное уваженіе и значеніе, а вслѣдствіе этого, и чрезмѣрно распространяются. Мы знаемъ, что доминиканцы имѣли монастыри и колоніи: въ Прагѣ, Торновѣ, Лейтмерицѣ, Лазнѣ, Нимбургѣ, Клотивѣ, Пильзнѣ, Аустѣ и пр.; кромѣ того, много женскихъ монастырей того же ордена ³⁾. Францисканцы имѣли нѣсколько капеллъ и монастырей въ Прагѣ и въ Лейтмерицѣ, Кюнигсгрецѣ, Вехинѣ, Мейсѣ, Мостѣ, Житавѣ, Чословѣ, Жатцѣ, Крумовѣ, Пильзнѣ. Кромѣ того, *Фриндъ* приводитъ длинный перечень мужскихъ и женскихъ монастырей того же ордена ⁴⁾. Во многихъ монастыряхъ монашеское населеніе простиралось отъ 100—200 человѣкъ; нищенствующіе монахи въ матеріальномъ отношеніи были поставлены въ высшей степени удовлетворительно. Ихъ монастыри, точно такъ же, какъ и монастыри другихъ орденовъ, имѣли богатые замки, обширныя поля и рощи, много крестьянъ (къ нѣкоторымъ монастырямъ принадлежало до десяти населенныхъ деревень), съ которыхъ они собирали подати, и которые были подчинены ихъ суду и власти. Особенно богатъ былъ владѣніями и привилегіями орденъ Августинскій, имѣвшій, по нѣкоторымъ частностямъ устава, различныя подраздѣленія и названія: августинцы, еремиты (*Orden der Eremiten des heil. August.*) и „каноники блаж. Августина“.

¹⁾ См. *Frind*, pp. 242, 243, 245, 246.

²⁾ *Frind*. pp. 255, 265, 267, 268.

³⁾ *Frind*. §§ 164—165—166 pp. 272—283.

⁴⁾ См. *Frind*. 284—289, 291—292.

(*canonici regulares s. Augustini*). Они покрыли Чехію густою сѣтью своихъ поселеній и монастырей и нашли между королями и вельможами усердныхъ почитателей и богатыхъ жертвователей въ пользу ихъ ордена.

Число монастырей и монаховъ такъ было велико въ Чехіи, что церковный историкъ этой страны могъ съ полнымъ правомъ сказать: „мы въ своемъ отечествѣ видимъ такое обиліе монаховъ, что такимъ богатствомъ едва-ли можетъ похвалиться какая-нибудь изъ сосѣднихъ странъ. Какъ было велико число монастырей, такъ же велико и монашеское населеніе cadaго изъ нихъ“.

Количество приходскаго духовенства въ Чехіи было тоже очень значительно, а именно число приходоѡ было болѣе двухъ тысячъ ¹⁾. При этомъ нельзя думать, чтобы въ каждомъ приходѣ и каждомъ костелѣ было два, три духовныхъ лица; нѣтъ, число ихъ простиралось до десяти и двадцати, а при митрополичьей церкви въ Прагѣ состояло 300 священниковъ ²⁾. Если примемъ во вниманіе, что во всемъ Чешскомъ королевствѣ предъ эпохою гуситизма не было даже и трехъ миллионоѡ жителей, то найдемъ, что количество духовенства невѣроятно велико, такъ велико, что теперь нигдѣ нельзя найдти ничего подобнаго.

Приходскія церкви имѣли при себѣ земли и деревни и жители облагались въ пользу духовенства податями. Какъ велики были права и богатство духовенства, можно видѣть изъ перечня имуществъ Прагскаго архіепископа. „Въ архіепископству принадлежало до 900 селъ и кромѣ того города: Рудница, Рошкапы, Прибратъ, Рожмитиль, Гершовъ Тынь, Тынь Вехинскій, Червоная Речица, Стенанова, Вискитна, Пильграмовъ, Бродъ Чешскій или Епископскій,—изъ которыхъ многіе равнялись величиною и благосостояніемъ королевскимъ городамъ; а также замки: Хиновъ, Гералець, Крисвудовъ, Герштейнъ. Кромѣ стариннаго дома въ прагскомъ замкѣ, епископы имѣли, еще со временъ короля Вячеслава I, огромный дворъ епископскій отъ Моста на малой сторонѣ прагской. Самымъ обыкновеннымъ лѣтнимъ пребываніемъ ихъ были Рудницы, крѣпость и городъ, который послѣдній епископъ Янъ II Дрожецкій украсилъ роскошными зданіями и особенно крѣпкимъ каменнымъ мостомъ чрезъ быстро текущую Лабу (Эльбу). Архіепископъ былъ окруженъ, кромѣ духовныхъ санов-

¹⁾ *Томскъ*, 307.

²⁾ *Ibid.* 356.

никовъ, блестящимъ дворомъ чиновниковъ, слугъ и мужей, между которыми находились и *шляхтичи* знатныхъ родовъ¹⁾). Словомъ, можно, кажется, сказать, принимая во вниманіе многія другія данныя, что духовенство въ Чехіи было сословіемъ привилегированнымъ и богатѣйшимъ сравнительно съ другими сословіями. Уже въ многочисленности, привилегіяхъ и богатствѣ его въ Чехіи можно видѣть первую причину нерасположенія къ нему народу чешскаго.

Что богатства духовенства лежали тяжкимъ бременемъ на народѣ, — это не личное только наше предположеніе. Историческіе факты доказываютъ это довольно ясно. Даже самі короли, даровавшіе широкія привилегіи монахамъ, задумывались о томъ, какъ бы ограничить эти привилегіи. Въ тѣ времена кулачнаго права и грубой физической силы было одно только средство — протестовать и этимъ средствомъ протеста усердно пользовались Чехи: при всѣхъ мало-мальски возможныхъ случаяхъ они усердно грабятъ монастыри и отбираютъ имущества отъ духовенства. Такъ, наприимѣръ, во время возмущенія вельможъ противъ короля Оттокара, они бросаются не только на королевскіе замки и имущества, но и на монастыри и даже, прибавляетъ историкъ, „вельможи вооружались преимущественно противъ монастырей и нѣмецкихъ монаховъ, населявшихъ монастыри“ (Frind, p. 53). При Карлѣ возбуждается въ народѣ особенное нерасположеніе къ духовенству, которое выражается различными насиліями и притѣсненіями духовныхъ лицъ. Духовенство, желая усмирить народъ, употребляло противъ него интердикты, служба во многихъ мѣстахъ была приостановлена, но такая строгость мало помогала дѣлу.

Съ развитіемъ образованія и съ бѣльшимъ усиленіемъ духовенства дворянство и правительство дѣйствуютъ еще энергичнѣе. Когда епископъ Товія хотѣлъ основать въ Прагѣ университетъ по образцу Парижскаго (1294 г.), то встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны дворянъ, которые не хотѣли этого допустить потому, что видѣли здѣсь новое средство для духовенства пріобрѣсти вліяніе²⁾). Карлъ опредѣлилъ особннымъ указомъ, что монастыри и церкви могутъ получать движимыя и недвижимыя имущества, отказываемыя имъ частными лицами или же купленныя, только съ особеннаго разрѣшенія короля³⁾). Когда жители города Хеба жаловались Карлу, что имъ трудно пла-

¹⁾ Томекъ, 307 в.

²⁾ Frind. p. 61, то же Томекъ.

³⁾ Томекъ, 355.

тить подати, ибо духовенство скупило много земель, за которыя оно податей не платило, то онъ прямо велѣлъ духовенству по прежнимъ цѣнамъ перепродать эти земли обществу или возвратить его прежнимъ владѣльцамъ.

Рядъ другихъ обстоятельствъ способствовалъ тому, что католическая іерархія въ глазахъ народа падала все болѣе и болѣе.

Мы уже упомянули, что многіе монашескіе ордена были изъяты изъ власти Пражскаго архіепископа и подчинены своимъ собственнымъ начальникамъ, и что они пользовались иногда болѣшими правами сравнительно съ приходскимъ духовенствомъ. Это послужило причиною раздора между приходскимъ духовенствомъ и монашествомъ. Пользуясь своею силою, монахи начали злоупотреблять своими правами во вредъ приходскому духовенству. Они занимали всѣ важныя мѣста проповѣдниковъ и исповѣдниковъ, въ ихъ церкви стекалось множество народу, къ нимъ обращались за исполненіемъ многихъ требъ. Само собою разумѣется, приходскимъ священникамъ это не было выгодно, — доходы ихъ уменьшались, уваженіе въ народѣ умалось и церкви часто стояли пусты. Приходское духовенство роптало на монаховъ и обращалось къ духовнымъ властямъ, чтобы тѣ прекратили такое печальное положеніе дѣлъ. Можно было избѣжать разлада, только ограничивъ слишкомъ широкія права монаховъ; но монахи были очень неподатливы въ этомъ отношеніи, а архіепископъ Пражскій не имѣлъ силы и власти заставить ихъ повиноваться. Такъ, напримѣръ, епископъ Юлианъ IV послѣ Вѣнскаго собора 1312 года возымѣлъ благую мысль примирить монаховъ и приходское духовенство. Для этого онъ выдалъ распоряженіе, чтобы монахи проповѣдывали въ приходахъ только съ дозволенія приходскаго священника; точно также и исповѣдывать или совершить какую-нибудь требу они могли не иначе какъ съ дозволенія священника или самого епископа. Монахи и не думали повиноваться этому распоряженію епископа и даже отнеслись къ нему насмѣшливо. Для усмиренія непокорныхъ, епископъ поймалъ двухъ миноритовъ и посадилъ ихъ въ тюрьму. Но изъ этого произошелъ большой скандалъ! Монахи начали предъ публикою проповѣдывать противъ приходскаго духовенства и, конечно, въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ относились къ нему не очень скромно; приходское духовенство тоже не оставалось въ долгу и порицало монаховъ ¹⁾. Вотъ

¹⁾ Frind. 68, 69, 71.

какъ обыкновенно кончались всѣ мѣры къ примиренію двухъ враговъ. Но борьба эта принимала иногда еще болѣе широкіе и вредныя для авторитета духовенства размѣры. Часто монахи, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, препятствовали духовнымъ властямъ такъ или иначе дѣйствовать на паству и тѣмъ, конечно, унижали ихъ авторитетъ въ глазахъ народа. Вотъ что случалось при этомъ: епископъ на какой нибудь провинившійся городъ налагаетъ интердиктъ. Интердикты вообще вездѣ имѣли въ средніе вѣка громадную силу, какъ только при потушенныхъ свѣчахъ, при похоронномъ звонѣ колоколовъ, объявять отлученіе, церкви запираются, таинства и церковныя службы прекращаются; родившихся не крестятъ, умирающихъ не напутствуютъ Св. Тайнами, мертвыхъ не хоронятъ. Епископъ Пражскій наложилъ въ 1321 году интердиктъ на Лейтмерицы за то, что оттуда не выплатили ему податей, но громы архипастыря не произвели вліанія на жителей, они и не думали просить прощенія и отдавать деньги. Причиною тому были мнориты. Они отворили свои церкви, раздавали народу таинства и совершенно парализовали дѣйствіе епископскаго интердикта. Епископъ за это грозилъ имъ проклятіемъ. Но это дѣлу не помогло. Тѣмъ не менѣе, авторитетъ его упалъ въ глазахъ гражданъ. И такія дѣйствія повторялись не разъ и не два, и всегда имѣли самое дурное вліаніе. Почтенный архіепископъ Пражскій Ернестъ жаловался, что независимость монаховъ мѣшаетъ его преобразовательнымъ планамъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать для реформы монастырей¹⁾. Въ этихъ распряхъ между монахами и приходскимъ духовенствомъ народъ иногда сочувствовалъ монахамъ, а иногда приходскимъ священникамъ, смотря по тому, гдѣ видѣлъ для себя больше выгоды. Но результатъ ссоръ и споровъ былъ одинъ: народъ терялъ уваженіе и къ тѣмъ и другимъ. Издатель постановлений „пражскихъ соборовъ“ замѣтилъ: „Вообще нигдѣ противоположность интересовъ монаховъ и приходскаго духовенства не выступала сильнѣе, чѣмъ въ Чехіи или на чешскихъ соборахъ“²⁾.

Распри между священниками и монахами заставили общество внимательнѣе посмотрѣть на жизнь и дѣятельность своихъ пастырей, взвѣснить и оцѣнить ихъ достоинства и недостатки. Что же могло выйдти изъ этого наблюденія? Могъ-ли народъ послѣ этого относиться

¹⁾ *Palacky, Geschichte v. Böhmen, 111 b. 1 th. p. 162.*

²⁾ *C. Hofler, Consilia Pragensia—prolegomena L. 1.*

съ прежнимъ уваженіемъ къ своимъ учителямъ? Этого нельзя думать: нравственность чешскаго духовенства была далеко не такъ безупречна, чтобы могла внушать уваженіе. Сочиненія усердныхъ католиковъ, — представителей времени Пизанскаго и Констанскаго соборовъ — даютъ намъ такое яркое описаніе пороковъ католической іерархіи, что мы готовы читая ихъ думать, что это памфлетъ, плодъ болѣзненно раздраженнаго воображенія, но справедливость этихъ горькихъ описаній такъ велика, что ее не отвергали даже тѣ, которымъ иногда выгодно было бы, сообразно ихъ взгляду и настроенію, отрицать ихъ. Для знакомства съ положеніемъ католическаго духовенства вообще въ XIV и XV вѣкахъ мы можемъ указать на почтенное сочиненіе *Везенберга* ¹⁾. Мы видимъ изъ него, что въ Чехіи господствовала таже беспорядочная, чтобы не сказать больше, жизнь духовенства, то же злоупотребленіе своимъ значеніемъ, то же полное нерадѣніе о дѣлахъ паствы. Богатство и привилегированное положеніе духовенства привлекло въ ряды его много людей неспособныхъ и нечестныхъ; и здѣсь встрѣчаемъ мы во всей силѣ безцеремонное отношеніе пастырей къ своимъ пасомымъ, возмутительную продажу церковныхъ должностей и полное нерадѣніе о приходахъ. Каноникаты и фары отдавались на откупъ не только тайно, но даже съ разрѣшенія и утвержденія самого архіепископа. Бенефициантъ жилъ, гдѣ ему угодно, а церковь управлялъ за него наемный священникъ. Было время, когда большая часть фаръ въ Пражскихъ городахъ управлялась подобными наемниками, которые нисколько не заботились объ уничтоженіи беспорядковъ ²⁾. Едва-ли не лучшимъ доказательствомъ того, какъ дурно было нравственное положеніе духовенства, можетъ служить отношеніе къ нему императора Карла. Карлъ, какъ извѣстно, очень уважалъ духовенство, не мало жертвовалъ въ его пользу, — онъ по справедливости могъ называться „христіаннѣйшимъ“ императоромъ. А между прочимъ, этотъ самый Карлъ былъ такъ глубоко возмущенъ жизнію духовенства, что на Могуческомъ сеймѣ публично угрожалъ ему отобрать у него всѣ имуществы, если оно не исправится ³⁾. Вѣрно было плохо положеніе дѣлъ, когда благочестивый король хотѣлъ прибѣгнуть къ

¹⁾ Die grossen Kirchenversammlungen des 15 und 16 Jahrh. 1840, Constanz. Много характеристическихъ главъ можно найти въ первомъ и второмъ томѣ.

²⁾ *Томекъ*, 355.

³⁾ *Ibid.* 356.

такой крайней мѣрѣ. Можно было бы прекрасно характеризовать состояние чешскаго духовенства словами Конрада Милча и Матвѣя Яповскаго, но ихъ обвиняютъ въ излишней раздражительности и пристрастїи, словомъ, въ несправедливости ¹⁾. Поэтому мы сошлемся на другіе источники напримѣръ, на рѣчь синодальнаго проповѣдника Матвѣя Краковскаго ²⁾; въ ней онъ, обличая и порицая современное ему духовенство, прилагаетъ къ нему всѣ тѣ строгія выраженія, которыя высказывали пророки ветхимъ жрецамъ и священникамъ народа Еврейскаго и Иисусъ Христосъ книжникамъ и фарисеямъ. Само собою разумѣется, синодальныхъ проповѣдей никакъ нельзя заподозрить въ несправедливости или въ преувеличеніяхъ; они были говорены предъ епископами и духовенствомъ и потому, понятно, проповѣдника-лжеца могли остановить и не дать ему говорить. Лучшую характеристику нравственнаго состоянія чешскаго духовенства можно извлечь изъ постановленій Пражскихъ соборовъ предъ-гуситской эпохи, собранныхъ въ уже цитованномъ нами изданіи *Гёфлера—Consilia Pragensia*. Въ этихъ официальныхъ постановленіяхъ мы найдемъ свидѣтельства: о нерадѣніи духовенства, святокупствѣ, безнравственности, даже о томъ, что духовенство и по внѣшнему виду (относительно стрижки, бритья, платья) подражало больше модѣ, чѣмъ предписаніямъ канонѣвъ. Всѣ эти факты ясно доказываютъ, что анти-іерархическое движеніе въ Чехїи произошло совсѣмъ не оттого, что пѣкоторые люди съ разстроенымъ воображеніемъ, болѣзненнымъ мистическимъ взглядомъ на вещи начали проповѣдывать противъ клира, какъ думаетъ Гёфлеръ, а оттого, что духовенство было очень плохо на самомъ дѣлѣ. Этого не отвергаетъ даже и Фриндъ. Онъ откровенно сознается, что трудно было духовной власти усмотрѣть за множествомъ духовныхъ въ Чехїи, а потому между монахами и приходскими священниками было много дурныхъ людей ³⁾.

Такимъ образомъ чешское духовенство по своимъ нравственнымъ достоинствамъ не могло внушить народу уваженія къ себѣ. Затѣмъ

1) *C. Höfler. Consilia Pragensia, Proleg.* «Man wird eben deshalb im Betreff der inneren Gründe der Entstehung des Husitismus weniger die Verderbtheit des Clerus als die gesteigerte Überschwenglichkeit, den Überreiz religiösen Gefühles, das unter führen wie Miliè, über seine Ziele krakhaft hinaus strebte und einem falschem Misticismus huldigte, annehmen müssen».

2) *Höfler, Consil. Prag. LII, LIII.*

3) *Frind, pp. 355, 357.*

не забудемъ, что это было духовенство (преимущество монахи) не національное. Чешскимъ монахамъ обыкновенно не дозволяли жить въ чешскихъ монастыряхъ и пересылали ихъ въ другія страны. Кѣмъ же заселяли чешскіе монастыри? Преимущественно нѣмцами. И вообще нужно замѣтить, монахи иностранные, преимущественно нѣмецкіе, пользовались особеннымъ благорасположеніемъ духовныхъ властей. Все это, конечно, сильно оскорбляло національное чувство народа; онъ видѣлъ здѣсь поруганіе своихъ національныхъ правъ, видѣлъ, что въ его же землѣ ему предпочитаютъ его соперниковъ, нѣмцевъ. Что народъ чувствовалъ оскорбленіе и несправедливъ нѣмецкихъ монаховъ,—это ни въ всякаго сомнѣнія. Еще въ XIII вѣкѣ Чехи подмѣтили эту папскую политику и тогда уже выражали свое неудовольствіе. До насъ сохранилось очень знаменательное письмо объ этомъ предметѣ чешскаго короля Оттокара II (1251 — 1278) къ одному кардиналу. „Неприлично, тяжело и предосудительно, писалъ Оттокаръ, и для насъ, и для королевства нашего, и для языка (народа) славянскаго, что какъ въ Чехіи, такъ и въ Польшѣ, братья минориты различными прижимками до того подавлены, что не могутъ столь же свободно совершать таинъ и другихъ священныхъ обязанностей, какъ-то проповѣди и исповѣди, какъ это совершаютъ того же ордена инородцы, посѣщающіе ихъ края. Для устраненія ихъ (Славянъ) посылаются братья нѣмецкаго языка въ дома этого ордена въ нашемъ королевствѣ и въ княжествахъ польскихъ, тогда какъ братья славянскаго языка рассылаются по чужимъ народамъ, гдѣ они бесполезны, такъ что это обращается въ величайшій вредъ для душъ рода славянскаго. Въ презрѣніи къ намъ и къ нашему роду запрещается названнымъ братьямъ Чехіи и Польши ихъ начальниками избирать изъ среды своей прелатовъ, какъ это дѣлаютъ другіе народы“¹⁾. Такого рода несправедливости не могли оставаться незамѣченными. У Чеховъ скоро ненависть къ Нѣмцамъ и къ католицизму сдѣлалась общою.

Чехія никогда не была чужда религиознымъ движеніямъ Европы; мы встрѣчаемъ въ ней многихъ еретиковъ и сектантовъ въ теченіе среднихъ вѣковъ. Въ первой половинѣ XIII вѣка въ Чехіи появляются „бичующіеся“ (флагелланты)²⁾. Въ началѣ XIV вѣка мы ви-

¹⁾ *Palacky, Geschichte v. Böhmen* II—1, p. 287 ср. *Штуръ, Славянство и мѣръ будущаго*, p. 6, примѣчанія *Ламанскаго*.

²⁾ *Frind*, pp. 40 - 41.

димъ уже довольно сильное сектаторское движеніе въ Чехіи, такъ что, по современнымъ извѣстіямъ, въ 1318 году было сожжено тамъ не менѣе 14-ти еретиковъ ¹⁾. Въ современныхъ извѣстіяхъ есть много указаній, что были какіе-то еретики, противъ которыхъ была уже въ Чехіи основана постоянная инквизиція; но о характерѣ, ученіи и жизни этихъ еретиковъ, мы имѣемъ довольно скудныхъ свѣдѣній. Для насъ въ данномъ случаѣ не особенно важно даже знать всего этого. Ереси среднихъ вѣковъ были равнообразны, рѣзко отличались одна отъ другой:—въ ученіи, обрядахъ, правдивости и проч., но у всѣхъ почти тогдашнихъ еретиковъ существовала одна общая черта, а именно антиерархическое ихъ настроеніе. Всѣ они, не смотря на частности, сходятся въ томъ, что обличаютъ современное духовенство и изъ своей догматики и практики выбрасываютъ именно то, что способствуетъ силѣ духовенства, что заставляетъ прибѣгать къ нему. Такъ наиримѣръ, флагелланты осмѣивали духовенство, порицали его безнравственность и даже дошли до того, что не признавали его необходимымъ. Вальденцы сначала стремились только къ особенному нравственному совершенству и выражали лишь сознаніе, что ходъ дѣлъ неправиленъ, что духовенство злоупотребляетъ во вредъ вѣрѣ и правдивости своею силою и властію. Но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе гоненій, они провели далѣе свою доктрину, отвергли авторитетъ папы, совершенно отдѣлились отъ церкви римской, и міръ услышалъ отъ нихъ, что Римъ есть сѣдалище вавилонской блудницы (*Meretrix babilonica*). Мы не намѣрены утверждать, что религиозное движеніе въ Чехіи главнымъ образомъ зависѣло отъ ихъ вліянія, что Гуситы и Чешскіе братья многое заимствовали отъ Вальденцевъ въ обрядѣ и догмѣ ²⁾, но отказать имъ, какъ и другимъ антиерархическимъ сектамъ, во вліяніи на чешское религиозное движеніе находимъ несправедливымъ. Можно думать, что протестъ этихъ сектантовъ противъ іерархіи католической былъ заслушанъ Чехами не безъ удовольствія и способствовалъ къ развитію уже начинавшейся антиерархической борьбы.

Кромѣ вліянія сектантовъ, была еще одна причина, имѣвшая неоспоримо важное значеніе для развитія чешскаго религиознаго дви-

¹⁾ Ibid. 69.

²⁾ Разрѣшеніе этого вопроса см. въ спеціальной брошюрѣ *Палацкаго*: *Ueber die Beziehungen und das Verhältniss der Waldenser zu den ehemaligen Secten in Böhmen*. 1869 г. Praga.

женія. Это научное образованіе Чеховъ въ XIV вѣкѣ и вслѣдствіе того возвышеніе нравственнаго и умственнаго состоянія тогдашняго общества. Мы можемъ, кажется, сказать безъ ошибки, что въ это время Чехи въ научномъ отношеніи стояли выше своихъ сосѣдей Нѣмцевъ. Еще въ XIII вѣкѣ въ Чехіи были высшія школы съ довольно широкою, по тому времени, программю; въ нихъ читали Аристотеля и другихъ классиковъ ¹⁾. Мы знаемъ, что уже въ XIII вѣкѣ у епископа и короля было желаніе основать въ Прагѣ большой университетъ. Но эти стремленія были еще слабы и мы не думаемъ, чтобы высшія школы имѣли большое вліяніе на народъ. Такое положеніе дѣлъ перемѣнилось съ основаніемъ пражскаго университета: это ученое учрежденіе не могло не имѣть замѣчательнаго вліянія на всю умственную жизнь страны. Съ самаго основанія университета начали стекаться въ Прагу профессоры и студенты, и скоро число ученыхъ и учащихся достигло такого количества, что для насъ въ настоящее время оно можетъ казаться сомнительнымъ. По лѣтописнымъ сказаніямъ современниковъ, въ 1408 г. въ Прагѣ жило: 200 докторовъ и магистровъ, 500 бакалавровъ и болѣе 30,000 студентовъ ²⁾. Столь значительное количество ученыхъ, собранныхъ въ тѣсномъ пространствѣ одного города, конечно, не могло не имѣть громаднаго вліянія на чешскій народъ. Университеты среднихъ вѣковъ должно считать учрежденіями въ высшей степени либеральными для своего времени. Правда, католическое духовенство, всегда враждебное всякому, даже самому невинному, прогрессу, принимая университеты подъ свою защиту, заботясь объ ихъ процвѣтаніи, въ то же время стѣсняло въ нихъ свободу преподаванія, но за то свобода университетовъ была безопасна съ другой стороны, со стороны властей государственныхъ. При широкомъ развитіи высшаго образованія, не было забыто и образованіе низшее, элементарное, доступное всему народу. Въ Прагѣ около университета была цѣлая колонія коллегій для средняго образованія и, кромѣ того, въ большей части монастырей были школы. Но гораздо болѣе вліянія на народное образованіе имѣли такъ называемыя приходскія школы. Не было у нихъ недостатка въ хорошихъ учителяхъ, потому что, по статутамъ Пражскаго университета, каждый получившій въ немъ степень бакалавра, обязанъ былъ два года служить учителемъ въ народныхъ школахъ ³⁾.

¹⁾ *Frind*, p. 63.

²⁾ *Palaaky*, *Geschichte von Böhmen* III—1, p. 183.

³⁾ *Ibid.* p. 186.

Теперь указавъ на все, что могло способствовать религіозному движенію въ Чехіи, мы считаемъ нужнымъ прибавить, что въ концѣ XIV вѣка всѣ эти причины вполнѣ выяснились и опредѣлились. Въ университетѣ возникли ученые споры и онъ раздѣлился на двѣ партіи, либераловъ и консерваторовъ; консерваторами оказались Нѣмцы, а либералами Чехи. Этотъ разладъ либераловъ и консерваторовъ осложнился и увеличился еще причинами національными, патріотическими: ученые Чехи съ неудовольствіемъ смотрѣли на господство нѣмцевъ и считали это унижательнымъ для своей націи. Но эта борьба не могла оставаться только въ стѣнахъ университета, она должна была найти сочувствіе и въ народѣ. Католицизмъ, какъ мы видѣли, дорого обходился народу, и поэтому можно было ожидать, что народъ скорѣе поддержитъ либеральныхъ Чеховъ, чѣмъ консерваторовъ-нѣмцевъ. Нѣмцы пріобрѣли господство не въ одномъ университетѣ; и въ торговомъ и въ административномъ отношеніи они пользовались привилегіями, оскорбительными для народа. Сила католической іерархіи и потомъ сила Нѣмцевъ въ Чехіи при Карлѣ достигли своего апогея. Нужно было ждать реакціи антикатолической и патріотической; почва для нея была готова.

II. Васильевъ.

